

ISSN 0131-6117

Русь -

R U S S I A N

Сказья

S P E E C H

Речь

МОСКВА, 2023

МАРТ-АПРЕЛЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**
Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2023

ISSN 0131-6117

Russian

R U S S K A Y A

Speech

R E C H'

MOSCOW, 2023

**MARCH -
APRIL**

Founded in January 1967

6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva

M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova

University of Helsinki, Finland

Maria A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky

North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anna V. Znadvorova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor:

Olga V. Antonova

Editorial staff:

Anna V. Znadvorova, Maria A. Puzina

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTS).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *О. Г. Борисова, Д. А. Литвиненко.* «Региональный лингвоботанический словарь с этнокультурными данными» как источник создания галереи фитопортретов и фитозарисовок
- 21..... *М. Л. Каленчук.* Существует ли феномен разговорного ударения?
- 29..... *Т. Н. Коробейникова.* Фразеологизмы в зеркале орфоэпии: акцентуационные варианты и динамика норм
- 43..... *Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина.* «Я ору с тебя»: новые значения известного глагола
- 56..... *Е. В. Маринова.* Что изменилось за эти пару десятков лет в согласовании?
- 70..... *В. А. Марьянчик, Л. В. Попова.* Блогеры такие блогеры, или О новой фразеосхеме в русском языке

Из истории русского языка

- 83..... *М. А. Бобунова.* *Щёголь* и *щап* в русском фольклоре
- 94..... *Л. В. Попова.* Идеальный русский чиновник в зеркале законодательного языка и национальной культуры
- 106..... *А. В. Сахарова.* *Благорастворение*: античная натурфилософия в церковнославянской гимнографии

Язык художественной литературы

- 120..... *Н. А. Шапиро.* О стихотворении Бориса Слуцкого «Расстреливали Ваньку-взводного...». Проблемы понимания

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Olga G. Borisova, Dariya A. Litvinenko*. “Regional Linguobotanical Dictionary with Ethnocultural Data” as a Source for Creating a Gallery of Phytoportraits and Phytosketches
- 21..... *Maria L. Kalenchuk*. Is There a Phenomenon of Colloquial Stress?
- 29..... *Tatiana N. Korobeynikova*. Phraseological Units From Orthoepic Point of View: Stress Variation and Norm Change
- 43..... *Tatyana V. Leontyeva, Anna V. Shchetinina*. *Ya Oru s Tebya* (“I Yell of You”): A New Guise of a Well-known Verb
- 56..... *Elena V. Marinova*. What Has Changed *Za Eti Paru Desyatkov Let* (‘Over These Two Couples of Decades’) in the Agreement?
- 70..... *Victoria A. Maryanchik, Larisa V. Popova*. *Blogery Takie Blogery* (*Bloggers Are Such Bloggers*), Or About a New Phraseoscheme in Russian

From the History of the Russian Language

- 83..... *Maria A. Bobunova*. “*Shchyogol*” and “*Shchap*” in Russian Folklore
- 94..... *Lyudmila V. Popova*. The Image of an Ideal Russian Official Reflected in the Legislative Language and National Culture
- 106..... *Anna V. Sakharova*. “Blagorastvoreniye”: Ancient Natural Philosophy in the Church Slavonic Hymnography

The Language of Fiction

- 120..... *Nadezhda A. Shapiro*. On the Poem by Boris Slutsky “They Shot Van’ka, the Platoon Commander...”. Problems of Understanding

«Региональный лингвоботанический словарь с этнокультурными данными» как источник создания галереи фитопортретов и фитозарисовок

Ольга Геннадиевна Борисова¹, Дарья Александровна Литвиненко²,

¹Кубанский государственный университет, ²Краснодарский музыкальный колледж
им. Н. А. Римского-Корсакова (Россия, Краснодар), ¹leliastom@mail.ru, ²unit-96@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170025479-5

АННОТАЦИЯ: В статье продемонстрирована возможность создания на основе словарных статей «Регионального лингвоботанического словаря с этнокультурными данными», работа над которым ведется в настоящее время, фитозарисовок и фитопортретов, посвященных анализу растительных образов. Введен термин *фитозарисовка*, указано его отличие от термина *фитопортрет*, сформулированы их основные параметры. Предложена модель фитопортрета, включающего следующие рубрики: введение, диалектные наименования растения/дерева/кустарника в кубанских говорах, гиперо-гипонимическая парадигма, диалектные фитоморфони́мы, этимология (в том числе народная), словообразовательное гнездо, образный потенциал фитонима, использование в быту, применение в медицине, обряды и религиозные праздники, фольклор, народные приметы, связанные с растением. Указано максимальное и минимальное количество рубрик для каждого жанра. Показана целесообразность включения в фитопортреты и фитозарисовки иллюстративного материала, представляющего собой либо запись живой речи диалектоносителей, которая подается средствами малограмотного письма, либо иллюстративные примеры из этнографических материалов

с сохранением орфографии источника. В статье представлены фито-зарисовка «Цинния» и фитопортрет «Тыква», в которых описаны реалии растительного мира Кубани и их диалектные наименования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кубанские говоры, региональная лексикография, фитоним, фитозарисовка, фитопортрет

для цитирования: Борисова О. Г., Литвиненко Д. А. «Региональный лингвоботанический словарь с этнокультурными данными» как источник создания галереи фитопортретов и фитозарисовок // Русская речь. 2023. № 2. С. 7–20. DOI: 10.31857/S013161170025479-5.

Issues of Modern Russian Language

“Regional Linguobotanical Dictionary with Ethnocultural Data” as a Source for Creating a Gallery of Phytoportraits and Phytosketches

Olga G. Borisova¹, Dariya A. Litvinenko², ¹Kuban State University, ²Krasnodar College of Music named after N. A. Rimsky-Korsakov (Russia, Krasnodar), ¹leliastom@mail.ru, ²unit-96@mail.ru

АБСТРАКТ: The article demonstrates the possibility to create multidimensional studies: phytosketches and phytoportraits, dedicated to the analysis of plant images on the basis of dictionary entries of “Regional Linguobotanical Dictionary with Ethnocultural Data”, which the author is currently working on. The article introduces a term and elaborates on its distinction from the term phytoportrait, as well as formulates their main parameters. We suggest a phytoportrait model, including the following headings: introduction, dialect names of a plant/tree/shrub in the Kuban dialects, hyper-hyponymic paradigm, dialect phytomorphonyms, etymology (including folk), word-formation nest, figurative potential of a phytonym, use in everyday life, application in medicine, rites and religious festivals, folklore and folk

omens, connected to plants. The maximum and minimum number of headings for each genre is indicated. The article shows the expediency of including illustrative material into the phytoportraits and phytosketches, which are either recordings of dialect speakers' live speech, presented by means of low-literate writing, or illustrative examples from ethnographic materials, the orthography of the source being preserved. The article presents one phytosketch "Zinnia" and phytoportrait "Pumpkin", which describe the realia of the Kuban flora and their dialectal names.

KEYWORDS: Kuban dialects, regional lexicography, phytonym, phytoportrait, phytosketch

FOR CITATION: Borisova O. G., Litvinenko D. A. "Regional Linguobotanical Dictionary with Ethnocultural Data" as a Source for Creating a Gallery of Phytoportraits and Phytosketches. *Russian Speech* = *Russkaya Rech'*. 2023. No. 2. Pp. 7–20. DOI: 10.31857/S013161170025479-5.

Диалектные названия растений образуют в говорах Кубани яркий и многочисленный пласт. Богатство данной тематической группы позволяет отразить народные фитонимы в отдельном региональном словаре. В настоящее время на кафедре современного русского языка Кубанского государственного университета активно ведется работа над созданием «Регионального лингвоботанического словаря с этнокультурными данными», картотеку которого составляют 974 фитонима. Уже из названия словаря следует, что в словарные статьи помещается не только лингвистическая, но и экстралингвистическая информация о растении и его диалектных наименованиях. Материалы, представленные в словаре, могут послужить основой для этнолингвистического портретирования. Его цель — систематизировать представления о реальном предмете, которые в неупорядоченном виде отражены в культурных и языковых кодах [Синица 2018: 42]. Объектом этнолингвистического портрета является «образ конкретного предмета или персонажа, закрепленный в народном сознании, который отражен в языке или других кодах народной культуры одним или более признаком» [Синица 2018: 44]. К этнолингвистическому портретированию можно отнести этноботанические очерки В. Б. Колосовой [Колосова 2009: 142–265]. Для названия разноаспектных описаний отдельных растительных образов используют термины *фитопортрет* [ср. Колосова 2010: 18], *очерк-фитопортрет* [Колосова 2009: 142], *этноботанический этюд* [Усачёва 1991]. Лаконичное описание одного растительного образа предлагаем

называть *фитозарисовкой*. Для создания фитозарисовок и фитопортретов кубанских фитонимов нами была разработана модель из 12 рубрик: 1) введение, 2) диалектные наименования растения/дерева/кустарника в кубанских говорах, 3) гиперо-гипонимическая парадигма, 4) диалектные фитоморфони́мы, 5) этимология (в том числе народная), 6) словообразовательное гнездо, 7) образный потенциал фитонима, 8) использование в быту, 9) применение в медицине, 10) обряды и религиозные праздники, 11) фольклор, 12) народные приметы и сельскохозяйственные прогнозы, связанные с растением. Минимальное количество рубрик для фитопортрета — 7, для фитозарисовки — от 3 до 6. В фитозарисовки и фитопортреты включаются география слов, а также иллюстрации из региональных словарей [Борисова 2018; Лексика и фразеология... 2019; РГК 1992], в которых они представлены средствами малограмотного письма. Материалы из этнографических источников приводятся в соответствии с оригиналом в орфографической записи. Представим фитозарисовку «Цинния» и фитопортрет «Тыква».

ЦИННИЯ

Введение: цинния (*Zinnia*) — одно- или многолетние травы или полукустарники высотой до 1 м. Род травянистых растений назван по имени Иоганна Готфрида Цинна, немецкого врача, ботаника, одного из директоров Ботанического сада Гёттингенского университета [Блау 2010: 244]. Это тепло- и светолюбивое растение цветет с июня по октябрь на плодородной почве. Соцветия различных сортов цинний могут иметь разнообразную окраску: оранжевую, розовую, голубую, красную, сиреневую, белую. Цветы засухоустойчивы, но при незначительных заморозках повреждаются и пропадают.

Диалектные наименования циннии в кубанских говорах: *болга́рики (болга́рик), голова́стики (голова́стик), лупа́стики (лупа́стик), майо́ры (майо́р, майо́рка, майо́рок, майо́рчик, майо́рык), панычи́ (паны́ч), разноцве́тки(ы) (разноцве́тка), тата́рочки (тата́рочка)*. Приведенные фитонимы в речи носителей кубанских говоров, как правило, употребляются в форме множественного числа.

Слово *панычи́* находится в активном словаре жителей Кубани и функционирует на всей территории бытования кубанского диалекта. Б. Д. Гринченко фиксирует составной фитоним *кручени́ панычи́* '4. Раст. *Ipomea*' [Гринченко 3: 92]. Между тем Н. И. Анненков, приводя фитоним *крученые панычи́* 'трёхцветный выюнок *Convolvulus tricolor*', дает следующий комментарий: «Ошибочно этим именем называют в Малороссии *Ipomea* (ипомею — *примечание наше*)» [Анненков 1878: 108].

Фитоним *майóры* входит в общекубанский лексический пласт. Его ареал в СРНГ — кубанские и донские говоры, ср. [СРНГ 17: 305]. В украинском языке отмечена однокоренная лексема *майорці* 'Zinnia elegans' [Гринченко 2: 398].

К локализмам, зафиксированным в кубанских говорах с южнорусской языковой основой, можно отнести слово *татáрочки*, которое в данном значении в русских говорах не представлено, ср. [СРНГ 43: 307].

Другие диалектные названия циннии, по данным региональных лексикографических источников, встречаются на Кубани спорадически: *болгáрики* (ст-цы Михайловская, Новоалексеевская), *головáстик* (ст-ца Бесстрашная), *лупáстик* (ст-ца Зассовская), *разноцвётка* (ст-ца Старотитаровская). Локализмами являются *болгáрики* и *головáстик*. В русских диалектах лексема *лупáстик* не используется для наименования растений, ср. [СРНГ 17: 199]. В словаре украинского языка Б. Д. Гринченко фитоним отсутствует. *Разноцвёткой* в русских говорах называют следующие растения: '1. Вербена гибридная. Дон. 2. Василёк синий. Забайкал. 3. Лекарственная трава с синими мелкими цветками и полукруглыми листьями, применяется от рахита. Свердл.' [СРНГ 34: 45–46].

Этимология (в том числе народная): появление фитонима *болгáрики* диалектоносители связывают с Болгарией, откуда, по их мнению, цветы были завезены на Кубань: *Цы́нии бы́ли, но мы их назывáли па-другóму*. — А как? — *Балгáрики. Да. Балгáрики это, да. На хúтаре у нас. Мóже, з Балгáрии привазíли* (ст-ца Новоалексеевская). Следует отметить, что родиной растения является Америка. Нельзя исключить и того, что в основу номинации могла быть положена ассоциация насыщенных красочных элементов болгарской национальной одежды с ярким окрасом цинний.

Яркую цветовую гамму имела и одежда татарок. Отсюда, вероятно, появление фитонима *татáрочки*.

Широкий цветовой спектр цветов цинний обусловил появление лексем *лупáстик* (ср. с диалектным прилагательным *лупáтый* 'пестрый, цветастый' [Борисова 2018: 211]) и *разноцвётка* (ср. *разноцветный*).

Диалектное наименование *головáстики* мотивировано прилагательным *головáтый* '2. О растениях: с большой головкой, кочаном' [Гринченко 1: 302]: — А это *панычí*? — *Да. Нумы их назывáим «галавáстики»*. — И *головáстики*, и *панычí*? — *Да. И так, и так*. — А почему *головáстики*? — *Ани галавáтыи вон* (ст-ца Бесстрашная).

О происхождении фитонима *майóры* и его структурных вариантов существует две версии. Номинации могут быть мотивированы украинским глаголом *майорíти* 'мигать, мерцать, сверкать' [Академичний тлумачний словник української мови 4: 599; 700]. Возможна и другая трактовка: в основу наименования легла способность крепкого прямостоячего стебля не наклоняться под тяжестью крупных цветов. Замеченная особенность

послужила поводом для сравнения цинний с гордо стоящими офицерами (майорами). В донских говорах отмечаются тождественные по семантике лексемы: гвардеец ‘цинния Zinnia’ [БТСДК 2003: 104], солдатики ‘цинния Zinnia elegans’ [БТСДК 2003: 500].

Номинация *панычи́* отсутствует в этимологических словарях. В СРНГ лексическая единица имеет 2 значения: ‘1. Молодой барин. 2. Неженатый барин’ [СРНГ 25: 202]. Распространенный в кубанских говорах народный фитоним *панычи́* может быть мотивирован лексемой *паньич* ‘барчонок, холостой барин’ [Даль 3: 16] по ассоциации с панскими детьми — яркими и нарядными: *Горóдчик у сусíдки цвытэ́ яркымы паныча́мы* (ст-ца Марьянская).

ТЫКВА

Введение: тыква (Cucurbita) — однолетние или многолетние травянистые растения с ползучими стеблями-плетями, покрытыми жесткими волосками. Научное название рода происходит от латинских слов *cucumis* ‘огурец’ и *orbis* ‘шар’ по сходству растения с огурцом, а плода с шаром [Нейштадт 1967: 528]. Тыква цветет в июне-июле крупными желтыми или оранжевыми цветками. Плоды — крупные тыквины шаровидной или овальной формы — созревают в августе-октябре. Они также могут вырастать из завязей дополнительной ветви, которая выросла из основной плети.

Диалектные номинации тыквы в кубанских говорах: *га́рбу́з, каба́к, тыкв́ач, тыкв́уша*. Акцентологические варианты *га́рбуз* и *га́рбу́з* широко распространены в западной и юго-западной частях Краснодарского края (кубанские говоры с украинской языковой основой). Слово также представлено в словаре украинского языка [Гринченко 1: 273]. В русских диалектах его ареал — брянские, донские, калужские, курские, орловские и смоленские говоры [СРНГ 6: 138].

Лексема *каба́к* отмечена на всей территории бытования кубанского диалекта. Она представлена в украинском языке [Гринченко 2: 202], а также в донских, красноярских, крымских и оренбургских говорах, ср. [СРНГ 12: 279–280].

Структурными вариантами литературного слова являются *тыкв́ач* (акцентно-словообразовательно-грамматический вариант) и *тыкв́уша* (акцентно-словообразовательный вариант), входящие в активный словарный запас носителей кубанских говоров с южнорусской языковой основой (восток и юго-восток Краснодарского края).

Гиперо-гипонимическая парадигма: гиперонимы — *га́рбу́з, каба́к, тыкв́ач, тыкв́уша*. Гипонимы — *гита́ра, дура́к, кубы́шка, ханка*. По данным лексикографических источников фитонимы: *гита́ра* ‘сорт длинной желтой тыквы’, *дура́к* ‘сорт крупной тыквы’ зарегистрированы в кубанских

говорах с южнорусской языковой основой. В общекубанский лексический пласт входит наименование *хánка* 'сорт мелкой, пустотелой тыквы'. Лексема *гитáра* в русских говорах не используется для наименования растений, ср. [СРНГ 6: 176].

СРНГ фиксирует фитоним *дурáк* '7. Тыква' с пометами Дон., Краснодар., Астрах., Пенз. [СРНГ 8: 264]. В СРНГ также приведены составные наименования *белый дурак* 'белая крупная тыква. Дон.' и *русский дурак* 'небольшая красная тыква. Дон.' [Там же]. В других говорах лексема *дурáк* служит для номинации следующих растений и их частей: '8. Пустоцвет у огурцов. Влад. 9. *Дураки́*. Сорт яблók. Крым. 10. Капустная рассада без сердцевины, не дающая кочана [без указ. места]' [СРНГ 8: 264]. В словаре Б. Д. Гринченко фитоним *дурáк* не представлен. Диалектное наименование *хán(ь)ка* 'сорт тыквы' зафиксировано в украинском языке [Гринченко 4: 385] и в курских, новгородских, новосибирских и ростовских говорах, ср. [СРНГ 49: 294].

Фитоним *кубышка* 'сорт тыквы продолговатой формы' входит в общекубанский лексический пласт. Данная лексема зафиксирована также в астраханских и донских говорах, ср. [СРНГ 15: 387]. В словаре украинского языка Б. Д. Гринченко слово не представлено.

Диалектные фитоморфнимы: *бати(ó)гí* 'побеги на огурцах, арбузах, тыквах, клубнике', *(о)гúдина* 'плеть тыквы, арбузов, огурцов'. Фитоморфнимы *бати(ó)гí* и *(о)гúдина* на территории Краснодарского края имеют широкую сферу фиксации. География наименования *(о)гúдина* представлена донскими, курскими, ростовскими говорами, ср. [СРНГ 22: 360]. Слово отмечено в словаре Б. Д. Гринченко, ср. [Гринченко 3: 38].

Лексема *батогí* фиксируется в значении '8. Стебель щавеля; щавель. Калуж. Смол.' [СРНГ 2: 145]. Кроме того, данная лексическая единица является частью составных наименований растений: *петровы батогí* 'цикорий. Вят.', *синие батогí* 'цикорий. Вят.', *собачьи батогí* (Кем., Арх.), ср. [СРНГ 2: 145]. В словаре Б. Д. Гринченко фитоморфним *batig* — полисемант, имеющий 5 лексико-семантических вариантов, три из которых отражают реалии флоры: '3. Раст. *Scorzonera rosea*. 4. а) Стелющиеся листья, усы у огурцов. б) Раст. *Chondrilla juncea* L. 5. петрові батогі. Раст. а) *Cichorium inthibus* L. б) *Cichorium officinale*' [Гринченко 1: 32].

Этимология (в том числе народная): фитонимы *гáрбуз* и *кабáк* имеют тюркское происхождения (ср. тур., крым.-тат. *karpuz* 'дыня' [Фасмер 1: 83]; тур., тат. *kabak* 'тыква' [Фасмер 2: 148]). Общепринятое существительное *тыква*, структурными вариантами которого являются *тыквáч* и *тыквúша*, восходит к праславянскому **tūkū*, а затем общеславянскому слову *туку*, изменившемуся в *тыква* [Шанский 2000: 328]. Аналогичное изменение находим в словах *Москы* > *Москва*, *буки* > *буква*, ср. [Шанский 2000]. Номинация *тыкы* и ее форма родительного падежа *тыквэ* были известны в древнерусском языке.

Фитоним *дурáк* является результатом контаминации названий растений *бурáк* ‘свекла’ и *дыня* ‘тыква’, ср. [Фасмер 1: 554]. По типу метафорического переноса *бытовой предмет* → *растение* образованы диалектные значения у лексем *гитáра* (плод тыквы напоминает по форме *гитару*) и *кубьíшка* (плод тыквы похож на *кубьíшку* — кувшинчик с выпуклыми боками). В основе появления фитонима *хáнка* лежит звукоподражание тарактению семечек в плоде, которое возникает при игре детей, сжимающих в кулаке семена и потряхивающих ими [ср. ЕСУМ 6: 155].

О происхождении лексем *батí(ó)г* высказывается несколько версий. Мысль о заимствовании фитоморфонимов из тур. *budak* ‘ветка’, чагат. *butak*, тат. *botak* М. Фасмер называет «неприемлемой в фонетическом отношении», ср. [Фасмер 1: 134]. Немецкий ученый отмечает родство лексем *батог* ‘плетя тыквы’ и *бат* ‘дубинка’ [Фасмер 1]. Украинские этимологи обнаруживают связь между фитоморфонимом *batig* и тюркизмами *botak*, *budak* ‘ветка, сук’, ср. [ЕСУМ 1: 150–151]. По данным «Русского этимологического словаря» А. Е. Аникина, слово *батог* произошло от праславянского слова *batog ‘бич, палка’ [Аникин 2: 273–274]. Составители «Этимологического словаря славянских языков» отмечают, что слово *batogъ образовано от основы глагола *batati ‘бить, колотить’ посредством суффикса -ogъ [ср. ЭССЯ 1: 164; 165–166].

Лексическая единица *(о)гúдина* вписывается в ряд континуантов праслав. *obgud-, послужившего основой для появлений лексем *огúда* ‘обманщик, надувала’ (тобол., перм., ср.-урал.), ‘клевета, оговор’ (зап.-брян.), *огúд* ‘ботва (обычно у огурцов, арбузов, дынь)’ [ЭССЯ 27: 44]. По мнению авторов «Этимологического словаря славянских языков», генетическое объединение значений ‘клевета, обманщик’ и ‘стебли бахчевых культур’ может быть основано на смежности семантики ‘клевета’ и ‘плетение’ (ср. русск. *плеть* ‘ботва огурцов’ и *сплетни*) [ЭССЯ 27].

Словообразовательное гнездо: от диалектных наименований тыквы образованы прилагательные со значением ‘тыквенный’. У лексем *гáр-бúз* — 4 деривата с суффиксами -ЯЧ(ИЙ), -Н(ЫЙ), -ОВ(ЫЙ), -ЯН(ЫЙ): гарбузýчий, гарбузýнный, гарбузóвый, гарбузýнный. Слово *кабáк* имеет 5 производных, отличающихся чередованием фонем <К>/<Ч>-<Ш> на стыке корня и суффиксов -ОВ(ЫЙ), -АН(ЫЙ), -АЧ(ИЙ), -КОВ(ЫЙ), -Н(ЫЙ): кабáкóвый, кабáчáнный, кабáчáчий, кабáчкóвый, кабáчнный/кабáшный. Два производных, различающихся суффиксами -Н- и -УШ-Н-, зафиксировано у фитонима *тыквáч* — *тыквáчный*, *тыквúшный*. Один дериват отмечен у лексем *дурáк* — *дурáшный*.

Образный потенциал: шарообразная форма тыквы вызывает ассоциации с головой, а голова, в свою очередь, вызывает устойчивые ассоциации с умственными способностями человека, что послужило основой для метафорического переноса по модели *растение* → *человек*: *кабáк*

‘перен. глупый, неумный человек’. В аналогичном значении слово употребляется на Дону [СРНГ 12: 280]. В кубанских говорах зарегистрирован случай «зеркального» метафорического переноса: *дура́к* ‘1) глупый человек; 2) сорт крупной тыквы’: *Дура́к — э́та ба́льшой каба́к* (ст-ца Тенгинская). На базе прямого значения ‘тыква’ у лексемы *кубы́шка* развилось переносное значение ‘голова’: *Кубы́шка у па́рня була́ з ба́льшы́ми ўха́ми* (ст-ца Ярославская). В переносном значении слово входит в состав фразеологизмов *пустá(я) кубы́шка* ‘о глупом человеке’ и *кубы́шка (не) ва́рит(ь)* ‘кто-л. (не) умён, хорошо (не) соображает’.

Использование в быту: тыква составляла значительную часть пищевого рациона жителей Кубани. С ней и сейчас пекут пироги, варят каши, запекают целиком: *Ка́ша из га́рбуза́ называ́ицца «га́рбузная ка́ша». Од га́рбус па́томиш, а тада́ рыс па́томиш, тудá иво́, ана́ пра́томицца* (ст-ца Кубанская). *Щи и ка́ша га́рбузо́ва — цэ на́илу́чша йи́да* (пос. Парковый). *Га́рбузы са́дым. Из ны́х зимо́у ва́рым га́рбузя́чу ка́шу. А вона́ така́ добра́, да ё́сли малако́м ищэ́ па́лыть* (ст-ца Сергиевская). *Я и ца́с ва́рю ты́квачную́ ка́шу* (ст-ца Упорная). *Пи́раги́ с ты́квачём — э́та ф пэ́рвую бчи́реть. Э́та за са́хар бы́ла* (ст-ца Новоалексеевская). *Ты́квачи́ запика́ли, ка́шу с ты́квача́ ва́рыли* (ст-ца Владимирская). В ст-це Михайловской у лексемы *дед* зарегистрировано значение ‘запечённая тыква’: *Мы, зна́чить, гато́вили с каба́чка́. Называ́лся «дет». Да. Дет. Спикли́ дэ́да. Ф пэ́чки запика́ли ты́кву э́ту. Фку́сна. Ну, зна́иш, ищэ́ саха́рко́м пасы́пиш, и анó... Скава́ро́тку наста́виш в во́льный дух, ана́ пря́м па́джари́ваицца*. Тыкву использовали для приготовления борща: *Из зилёных ты́кваче́й борщ ва́рыли: исть жы́ ахо́та* (пос. Гаркуша). Во время поста она входила в рацион бедных людей, ср. [Бондарь, Креминская 1989: 17].

Тыква спасала в голодное время. До наших дней дошли воспоминания о страшном голоде на Кубани в 1932–1933 гг.: *Страшно́й го́лат був ф тры́цать фтаро́м, тры́цать трэ́тим. Ушла́ мать на ху́тар Пра́литарский. Йий там да́лы кусо́чек каба́ка́. Идэ́ атту́да, а ей ка́жуть там: «Аню́та, в тэ́бэ́ брат умэ́р». А ана́ ка́жэ: «Сла́ва Бо́гу! Оцэ́й каба́к мий бу́дэ»* (ст-ца Дядьковская).

Тыквенные семечки служили способом выражения симпатии: «Парень мог попросить семечек в хороводе у любой понравившейся девушки. Но девушка могла угостить того, кто понравился ей, и поддержать разговор с ним. Причем тыквенные семечки считались более ценными» [Зелинская 1998: 102–104]. Этнограф подчеркивает, что такое лакомство выступало «атрибутом» женской/девичьей половины общества, так как именно женщины брали их с собой на «вулицу», а девушки угощали семечками парней в хороводе и во время собраний [Зелинская 1998].

Из *кубы́шки*, очищенной от семян, можно сделать емкость для воды: *На га́ро́де и кубы́шки расли́, э́то таки́е ты́квачки́, то́льки дли́нные, как гру́шы. У йи́х во́ду ди́ржа́ли. Выдо́лбють снутри́ усэ́ и нали́ва́ють, вада́ усигда́ хало́дная*

у *ййх*. *Бальшы́е ані бы́ли. Воду какую нальёш, такую вазмёш — ни грёйица* (ст-ца Вознесенская). Тыква повсеместно используется и как корм для скота: *Атрубёй сви́нням дава́ли, тыкв́ач, бурáк* (ст-ца Вознесенская).

Обряды и религиозные праздники: тыква выступает атрибутом обряда *Рож(д)ествования/христославения*. Праздник заключался в обходе домов для прославления радостного события — Рождества Христова, поздравления хозяев и пожелания благополучия. Рождественскую звезду, изготовленную из тыквы, носили на шесте до двух метров высотой: «Изнутри *кабак* вычищали, делали прорези. Внутрь вставляли свечу» [Бондарь 2020: 121].

В славянской культурной традиции (у болгар, поляков и восточных славян) тыква выступает символом отказа сватам, ср. [Славянские древности, 5: 337]. В кубанских говорах зарегистрирован ряд устойчивых выражений со значением 'отказать сватам, вручив им тыкву': вручать (вручить) / поставить / давать (дать) гарбуз(а), подвесить/повесить *кабак*. Приведем их в высказываниях информантов: А если туби жыных ны нравицца, так ты жыныху *каба́к* вруча́иш, чи *каву́н*, чи *гарбу́з*, ну *каба́к* (ст-ца Старовеличковская). Ра́ньшэ так сва́талы. Ёсли ты прышо́л, и ны аддаю́ть за жыныха́, жыныха́ ны хатя́ть, то *кабакы́*. *Кабакá* да́лы, ёсли атказáла йимú (ст-ца Старотитаровская). *Було́ такэ́ у нас, шо дифча́тка нэ пишла́ за хло́пця. Воны ра́ньшы жылы́ у са́мой рэ́чки, а цас нэ зна́ю, хто там жыва́. Но ра́ньшы воны́ там жылы́, и вона́ гарбуза́́ дала́ хло́пцю* (ст-ца Киевская).

Фольклор: мотив несогласия на брак посредством вручения гарбуза встречается в шуточной песне: «...Очи кари, бровы чорни, любо подывытсья, / Лычко повнэ як калына — як же нэ влюбытсья. / А хороша, як мак цвйтэ, хто нэ глянэ — ахнэ. / Пишов бы ййи засватав, так гарбузом пахнэ...»¹ [Бигдай 1: 136].

Фитоним гарбуз входит в состав поговорки «За Кубанью и *гарбузы* больше» [Мартыненко, Уварова 2000: 72]. Лексема *кабак* является компонентом поговорки: «*Кабакив* уродыло, хоть грэблю *гаты*» / «*Кабак*ов уродилось, хоть дамбу строй» [Ткаченко 2018: 32].

Народные приметы, сельскохозяйственные прогнозы, связанные с растением: для повышения урожая тыкву нужно сажать на Провода: «столько будет *тыквачей*, как людей на кладбище» [Семенцов 2003: 56]. Под праздник Петра и Павла, 12 июля в 12 часов ночи, *кабаки* следует хлестать стеблями цикория, которому приписывались исключительные продуцирующие способности [Семенцов 2003]. После посадки по полю «ременнаи катались, чтобы *гарбузы* такие же были» [Воронин 2020: 167].

¹ Перевод песни: «...Очи карие, брови чёрные, любо посмотреть, / Личико полное как калина — как же не влюбиться. / А хороша, как мак цветёт, кто не глянет — ахнет. / Пришёл бы её засватать, так тыквой пахнет...».

Представленный в статье материал наглядно демонстрирует возможность создания на базе «Регионального лингвоботанического словаря с этнокультурными данными» целой галереи фитопортретов и фитозарисовок, которые раскрывают народные представления о растениях и дают разноаспектный лингвистический анализ их диалектных наименований.

Литература

- Академичний тлумачний словник української мови: в 11 т. / Гл. ред. И. К. Білодід. Київ: Наукова думка, 1970–1980. 840 с.
- Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М.: Русский язык, 2007–2021. Вып. 1–15.
- Анненков Н. И. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. М.: Типография Императорской Академии наук, 1878. 306 с.
- Бигдай А. Д. Песни кубанских казаков: в 2 т. Т. 1 / Под ред. В. Г. Захарченко. Краснодар, 1992. 440 с.
- Блау М. Г. Судьба эпонимов: 300 историй происхождения слов. М.: ЭНАС, 2010. 272 с.
- Большой толковый словарь донского казачества. М.: ООО «Русские словари», ООО «Астрель», ООО «АСТ», 2003. 608 с. (БТСДК)
- Бондарь Н. И. Календарные праздники, обряды и фольклор // История, этнография, фольклор Кубани. Т. 3: Усть-Лабинский район. Майкоп: Качество, 2018. С. 145–184.
- Бондарь Н. И. Календарные праздники, обряды и фольклор // История, этнография, фольклор Кубани. Т. 2: Горячеключевской район. Ижевск: Принт-2, 2016. С. 106–142.
- Бондарь Н. И., Креминская В. Ю. Полевые материалы I Кубанской интернациональной фольклорно-этнографической экспедиции. Динамика традиционной культуры ст. Николаевской Успенского района Краснодарского края (1882–1987). Краснодар, 1989. 62 с.
- Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
- Воронин В. В. Родильно-крестильные обычаи и обряды // История, этнография, фольклор Кубани. Т. 5. Отраденский район. Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2020. С. 163–184.
- Гринченко Б. Д. Словник української мови: в 4 т. Київ: Академія Наук Української ССР, 1958.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Дрофа, 2011.
- Етимологичний словник української мови: в 7 т. / Гл. ред. О. С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1985–2012.
- Зелінська Е. І. «Дай семечек – поцелуй семь девочек» (к символике ухаживания) // Дикаревские чтения. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 1998 год. Краснодар, 1999. С. 102–104.

- Колосова В. Б.* Этноботаника: Очерк истории // Этноботаника: растения в языке и культуре / Отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. СПб.: Наука, 2010. С. 7–30.
- Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
- Костомаров Н. И.* Славянская мифология. М.: Чарли, 1994. 688 с.
- Лексика и фразеология говоров кубанского линейного казачества: Материалы к словарю-справочнику / Сост. И. В. Кириченко, В. М. Пелих / Отв. ред. В. М. Пелих. Армавир, Армавирский гос. пед. ун-т, 2019. 277 с.
- Мартыненко Л. Б., Уварова И. В.* Пословицы, поговорки, загадки Кубани / Под ред. Л. А. Степанова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. 167 с.
- Нейштадт М. И.* Определитель растений средней полосы Европейской части СССР: Пособие для студентов педагогических вузов и учителей. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1963. 653 с.
- Русский говор Кубани: словарь / Под. ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1992. 414 с.
- Семенцов М. В.* Народные знания кубанских казаков // Дикаревские чтения. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северо-Западного Кавказа за 2002 год. Краснодар: Крайбибколлектор, 2003. С. 54–89.
- Синица Н. А.* Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских странах: дисс. ... канд. филол. наук / Урал. фед. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2017. 311 с.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.
- Словарь русских народных говоров. М.–Л.–СПб.: Наука, 1965–2017. Вып. 1–50. (СРНГ)
- Ткаченко П. И.* Пословица не сломится: Кубанские пословицы и поговорки. Краснодар: Традиция, 2018. 208 с.
- Усачева В. В.* Этноботанический этюд: базилик *Ocimum basillicum* L. // *Stadia slavica*. Языкознание. Литературоведение. История. История науки. К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 92–99.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987.
- Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Школьный этимологический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2000. 400 с.

References

- Akademichnii tлумachnii slovník ukrains'koi movi* [Academic explanatory dictionary of the Ukrainian language]. In 11 vols. / ch. ed. I. K. Bilodid. Kiev, Naukova dumka Publ., 1970–1980.

- Annenkov N. I. *Botanicheskii slovar': Spravochnaya kniga dlya botanikov, sel'skikh hozyaev, sadovodov, lesovodov, farmacevtov, vrachei, drogistov, puteshestvennikov po Rossii i voobshche sel'skikh zhitelei* [Botanical dictionary: A reference book for botanists, farmers, gardeners, foresters, pharmacists, doctors, drogists, travelers in Russia and rural residents in general]. Moscow, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1878. 650 p.
- Bigdaj A. D. *Pesni kubanskikh kazakov* [Songs of the Kuban Cossacks]. In 4 vols. Vol. 1 / ed. V. G. Zacharchenko. Krasnodar, 1992. 440 p.
- Blau M. G. *Sud'ba eponimov: 300 istorii proiskhozhdeniya slov* [The fate of eponyms: 300 stories of the origin of words]. Moscow, ENUS Publ., 2010. 272 p.
- Bol'shoi talkovyi slovar' donsogo kazachestva* [Big explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, OOO "Russkie slovari", OOO "Astrel", OOO "AST", 2003. 608 p. (BTSDK)
- Bondar' N. I. [Calendar holidays, rituals and folklore]. *Istoriya, etnografiya, fol'klor Kubani. T. 3: Ust'-Labinskij rajon* [History, ethnography, folklore of Kuban. Vol. 3: Ust'-Labinsky district]. Maykop, Quality Publ., 2018, pp. 145–184. (In Russ.)
- Bondar' N. I. [Calendar holidays, rituals and folklore]. *Istoriya, etnografiya, fol'klor Kubani. T. 2: Goryacheklyuchevskoi rayon* [History, ethnography, folklore of Kuban. Vol. 2: Goryacheklyuchevskoy district]. Izhevsk, Print-2 Publ., 2016, pp. 106–142. (In Russ.)
- Bondar' N. I., Kreminskaya V. Ju. *Polevye materialy I Kubanskoj internacional'noi fol'klorno-etnograficheskoj ekspedicii: Dinamika tradicionnoi kul'tury st. Nikolaevskoi Uspenskogo rayona Krasnodarskogo kraja* [Field materials of the I Kuban International Folklore-Ethnographic Expedition: Dynamics of the traditional culture of the village of Nikolaevskaya, Uspensky district, Krasnodar Territory]. Krasnodar, 1989. 62 p.
- Borisova O. G. *Opyt slovarya kubanskikh govorov* [Experience of the dictionary of the Kuban dialects]. Krasnodar, Kuban St. Univ. Publ., 2018. 485 p.
- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Living Great Russian language]. In 4 vols. Moscow, Drofa, 2011.
- Etimologichnii slovník ukraínskoi movi* [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. In 7 vols. / ch. ed. O. S. Mel'nchuk. Kiiv, Naukova Dumka Publ., 1985–2012.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 2. St. Petersburg, Azbuka Publ., 1986. 672 p.
- Grinchenko B. D. *Slovník ukrains'koi movi: V 4 t.* [Dictionary of the Ukrainian language: In 4 vol.]. Kyiv, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1958.
- Kolosova V. B. *Etnobotanika: Ocherk istorii* [Ethnobotany: Outline of History]. V. B. Kolosova, A. B. Ippolitova (eds). St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 7–30.
- Kolosova V. B. *Leksika i simbolika slavyanskoi narodnoi botaniki: Etnolingvisticheskii aspekt* [Vocabulary and symbolism of Slavic folk botany: Ethnolinguistic aspect]. Moscow, Indrik Publ., 2009. 352 p.
- Kostomarov N. I. *Slavyanskaya mifologiya* [Slavic mythology]. Moscow, Charli Publ., 1994. 688 p.
- Martynenko L. B., Uvarova I. V. *Poslovicy, pogovorki, zagadki Kubani* [Proverbs, sayings, riddles of the Kuban]. Krasnodar, Kuban St. Univ. Publ., 2000. 167 p.

- Nejshtadt M. I. *Opredelitel' rastenij srednej polosy Evropejskoj chasti SSSR: Posobie dlya studentov pedagogicheskikh vuzov i uchitelei* [Key to plants in the Middle Zone of the European Part of the USSR: A handbook for students of pedagogical universities and teachers]. Moscow, State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1963. 653 p.
- Russian dialect of the Kuban: dictionary / E. P. Sheinina (ed.), E. F. Tarasenkova (ed.). Krasnodar, 1992. 414 p.
- Semencow M. V. [Folk knowledge of the Kuban Cossacks]. *Dikarevskie chteniya: Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovanij etnicheskikh kul'tur Severo-Zapadnogo Kavkaza za 2002 g.* [Dikarevsky readings: Results of folklore and ethnographic studies of the ethnic cultures of the North-Western Caucasus for 2002]. Krasnodar, Krajbibkollektor Publ., 2003, pp. 54–89. (In Russ.)
- Shanskii N. M., Bobrova T. A. *Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [School etymological dictionary of Russian]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 400 p.
- Sinica N. A. *Portretirovanie kak metodika etnolingvisticheskikh issledovanij (na materiale obrazov svyashchennosluzhitelei v slavyanskikh stranah: diss. ... kand. filol. nauk* [Portraiture as a technique of ethnolinguistic research (based on the images of clergy in Slavic countries. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2017. 311 p.
- Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar'*. [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vols. Moscow, International Relationships Publ., 1995–2012.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian national dialects]. Moscow – Leningrad – St. Petersburg, Sceine Publ., 1965–2017, vol. 1–50. (SRNG)
- Tkachenko P. I. *Poslovica ne slomitsya: Kubanskije poslovicy i pogovorki* [The proverb will not break: Kuban proverbs and sayings]. Krasnodar, Tradition Publ., 2018. 208 p.
- Usachyova V. V. [Ethnobotanical etude: basil *Ocimum basillicum* L.]. *Stadia slavica: Yazykoznanie. Literaturovedenie. Istorija. Istorija nauki. K 80-letiyu Samuila Borisovicha Bernsheina* [Stadia slavica: Linguistics. Literary criticism. History. History of science. To the 80th anniversary of Samuil Borisovich Bernstein]. Moscow, Institute of Slavic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR, 1991, pp. 92–99. (In Russ.)
- Vocabulary and phraseology of dialects of the Kuban linear Cossacks: Materials for a reference dictionary / I. V. Kirichenko, V. M. Pelikh (comp.) / V. M. Pelikh (ed.). Armavir State Pedagogical University, 2019. 277 p.
- Voronin V. V. Maternity and baptismal customs and rites Istorija, etnografiya, fol'klor Kubani. T. 5: Otradnenskij rajon [History, ethnography, folklore of Kuban. Vol. 5: Otradnensky district]. Rostov-on-Don, Print Shop Publ., 2020, pp. 163–184. (In Russ.)
- Zelinskaya E. I. ["Give seeds – kiss seven girls" (to the symbolism of courtship)]. *Dikarevskie chteniya: Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovanij etnicheskikh kul'tur Severo-Zapadnogo Kavkaza za 1998 g.* [Dikarevsky readings: Results of folklore and ethnographic studies of the ethnic cultures of the North-Western Caucasus for 1998]. Krasnodar, 1999, pp. 102–104. (In Russ.)

Существует ли феномен разговорного ударения?

Мария Леонидовна Каленчук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), mkalenchuk@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170025481-8

АННОТАЦИЯ: Как известно, появление фактов разговорной фонетики обусловлено ситуацией речи, в первую очередь установкой на неофициальный, непубличный, непринужденный, бытовой характер общения. А можно ли говорить о *разговорных ударениях*? Признать наличие феномена разговорного ударения можно только тогда, когда в речи одного и того же человека в одних и тех же словах и словоформах место ударения меняется при изменении ситуации общения. Существуют ситуации, в которых говорящий перестает строго контролировать свою речь, в определенной степени «расслабляется». Так, образованный человек знает, что словари требуют произнесения *балова́ть, включи́шь, жалюзи́, кухо́нный, све́кла*, и он так и произносит, когда качество его речи важно для него и окружающих. Но в другие моменты он может позволить себе произнести *ба́ловать, вклю́чишь, жа́люзи, кухо́нный, све́кла*. Носитель языка чувствует, что эти варианты не противоречат закономерностям системы и вот-вот станут нормативными, и допускает их в своей речи. Складывается впечатление, что многие новые акцентологические явления «обкатываются» в разговорной речи до того, как приобрести статус полноценной нормы. Как представляется, распределение подобных вариантов выглядит как реализация противопоставления *кодифицированный — разговорный*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: норма произношения, акцентологические нормы, кодифицированные нормы ударения, разговорные нормы ударения, ситуация речи

для цитирования: Каленчук М. Л. Существует ли феномен разговорного ударения? // Русская речь. 2023. № 2. С. 21–28. DOI: 10.31857/S013161170025481-8.

Issues of Modern Russian Language

Is There a Phenomenon of Colloquial Stress?

Maria L. Kalenchuk, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), mkalenchuk@yandex.ru

ABSTRACT: The appearance of the facts of spoken phonetics is due to the situation of speech, first of all, the inclination to the informal, non-public, relaxed, routine nature of communication. Is it possible to talk about conversational accents? It is plausible to recognize the presence of the phenomenon of conversational stress only when the same person's speech changes the place of stress in the same words and word forms in case the communication situation changes. There are situations in which the speaker ceases to control their speech fully, and, to a certain extent, relaxes. For instance, any educated person knows that the dictionaries require the pronunciation of *balovát', vklíuchít, zháliuzi, kúchonnyi, sv'ókla*, and the person pronounces it when the quality of their speech is important to them and others. But at other times a person can afford to say *bálovat', vklíúchít, zháliuzi, kuchónnyi, sveklá*. A native speaker feels that these options do not contradict the laws of the system and are about to become normative, and allows them in the speech.

It appears that many new accentological phenomena are tested in colloquial speech before acquiring the status of a full-fledged norm. It seems that the distribution of such variants is the implementation of the opposition *codified – colloquial*.

KEYWORDS: pronunciation norm, accentological norms, codified stress norms, colloquial stress norms, speech situation

FOR CITATION: Kalenchuk M. L. Is There a Phenomenon of Colloquial Stress? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 2. Pp. 21–28. DOI: 10.31857/S013161170025481-8.

Как известно, русский литературный язык — сложная система, представленная, в частности, двумя противопоставленными друг другу разновидностями — кодифицированный литературный язык (КЛЯ) и разговорный язык (РЯ). Выделение этих двух подсистем связано с наличием специфических лингвистических особенностей в фонетике, морфологии, синтаксисе, словообразовании, лексике, номинативных средствах [Русская разговорная речь 1973; Земская 2020: 586–588]. Использование тех или иных способов реализации языковых единиц зависит от характера внеязыковой ситуации.

Появление фактов разговорного языка (разговорной речи) обусловлено ситуацией речи, в первую очередь установкой на неофициальный, непубличный, непринужденный, бытовой характер общения. «...Использование допускаемых нормой вариантов может зависеть от условий речи: от стиля, жанра, степени внимания говорящего к собственной речи, официальности/неофициальности обстановки и т. п. Одни и те же носители языка могут выбирать разные варианты в зависимости от указанных условий» [Беликов, Крысин 2016: 29].

Очевиднее всего «разговорность» проявляется на уровне лексики. Но и звуковая форма слова подвергается трансформации в определенных экстралингвистических условиях, которые приписывают разговорному общению. Это можно наблюдать в появлении «разговорных» звуковых синонимов, противопоставленных кодифицированным вариантам слов и выражающихся в различных компрессиях и деформациях на сегментном произносительном уровне. «В фонетике разговорного языка выделяется тот же набор фонем, что и в КЛЯ, однако реализация фонем и позиционные закономерности в РЯ иные, чем в КЛЯ» [Касаткин 2014: 195]. Во всех имеющихся описаниях фактов разговорной фонетики анализируется только сегментный уровень звукового оформления слов и морфем.

А можно ли говорить о *разговорных ударениях*? Обычно, говоря о вариантах ударения, мы имеем в виду возможность разного акцентирования слов и словоформ в речи *разных людей*: одни говорят *ба́ржа*, *джи́нсовый*, *кру́жится*, *мя́жки*, другие — *баржа́*, *джинсо́вый*, *кружи́тся*, *мяжки́*. Признать

наличие феномена разговорного ударения можно только тогда, когда в речи *одного и того же человека* в одних и тех же словах и словоформах место ударения меняется при изменении ситуации общения. Кодифицированный и разговорный акцентные варианты в этом случае оказываются парадигматически соотнесенными и распределяются в зависимости от внеязыковых условий.

Поиск такого рода фактов в реальной живой звучащей речи весьма затруднен в связи со сложностью моделирования и воспроизведения языковых ситуаций, на фоне которых реализуются те или иные языковые закономерности. В связи с этим было принято решение провести исследование с опорой на языковую рефлексию образованных носителей русского литературного языка.

Языковая рефлексия — это осознание, осмысление собственного языкового поведения и речевой деятельности, а также особенностей устройства языка и отдельных языковых явлений в нем. Она определяет особый тип отношения к языку, предполагающий сознательное пользование языком и речью, языковые наблюдения, соотношение своих оценок с оценками других людей, своих употреблений с нормой и узусом [Шмелева 2003: 810]. Языковая рефлексия в той или иной степени свойственна всем носителям языка, но развита эта особенность у людей в разной степени.

Для проведения исследования была отобрана группа из 149 информантов разного возраста и пола. 17 участников эксперимента — лингвисты, остальные представители других специальностей; информанты имеют высшее образование или являются студентами старших курсов. Все участники эксперимента не связаны общим местом работы или учебы, чтобы исключить возможность обсуждения материала.

Всех их в индивидуальном порядке просили ответить, *бывает ли, что они произносят одно и то же слово или форму слова с разным местом ударения, и просили перечислить все подобные случаи, которые они могут вспомнить, и прокомментировать по возможности, от чего зависит употребление разных вариантов ударения*. На выполнение этого задания было дано две недели.

После обработки полученной информации выяснилось, что 31 человек из участников эксперимента ответили на поставленный вопрос отрицательно, указав, что в их речи никогда не бывает случаев использования разного акцентирования в одних и тех же словах и словоформах. Невозможно определить, действительно ли это так или испытуемые просто не захотели тратить усилия на выполнение задания. Ответы остальных значительно отличались количеством перечисленных случаев и детальностью описания (от двух приведенных примеров до пятидесяти). Если попытаться классифицировать приводимые в анкетах случаи различ-

ного места ударения в одних и тех же словах и словоформах, то можно достаточно условно свести их к следующим группам фактов. В приведенном ниже списке приводятся названные информантами слова и словоформы с возможным разным местом ударения, при этом вариант, соответствующий рекомендованной в словарях норме, выделен полужирным шрифтом.

1. Варианты ударения в одном и том же слове во всех формах:

1.1. случаи, когда оба варианта признаются нормативными хотя бы в нескольких современных словарях:

- *áвгустовский* и *августóвский*
кулиnáрия и *кулинарiя*
новорождённый и *новорóбжденный*
одноврёмменно и *одновремённо*
твóрог и *творóг*

1.2. случаи, когда нормативным в большинстве современных словарей считается только один вариант:

- *баловáть* и *бáловать*
бóчковый и *бочковóй* (*бочковое пиво*)
бúnгало и *бунгáло*
ветерина́рия и *ветеринарiя*
галá-концерт и *гáла-концерт*
гастроно́мия и *гастрономiя*
жалюзи́ и *жа́люзи*
iконопись и *икóнопись*
завсегдáтай и *завсегдатáй*
каучúк и *каучук*
кúхонный и *кухóнный*
ломóта и *ломотá*
мусоропровóд и *мусоропрóвод*
обеспéчение и *обеспечéние*
свёкла и *свеклá*
сли́вовый и *сливóвый*
украiнский и *укра́инский*

2. Варианты ударения в словоформах, объединенных в определенные грамматические подпарадигмы:

- *сущ. м. р. им. п. мн. ч.*: *архите́кторы*, *аэропóрты*, *инстру́кторы*, *дже́мперы*, *догово́ры*, *штóрмы* и *архитекторá*, *аэропортá*, *инструкторá*, *джерпéра*, *договорá*, *штормá* и пр.;

- личные формы глаголов на -ить: *водрузи́т, вклю́чит, зубри́т, сверли́т, исклю́чит, окру́жит, отклю́чит* и *водрузит, включит, зубрит, сверлит, исключит, окружит, отключит* и пр¹.;
- глаголы прош. вр. ср. р. ед. ч.: *лгáло, ли́ло, плы́ло, позва́ло* и *лгалó, лилó, плылó, позвалó*;
- возвратные глаголы прош. вр. м. р. ед. ч.: *заперся́, начался́, принялся́* и *заперся, начался, принялся* и пр.;
- полные причастия: *маня́щий, за́гнутый, по́гнутый, унесённый* и *манящий, загнутый, погнутый, унесенный* и пр.;
- кратк. страд. прич.: *залитá, занятá, начатá* и *залита, занята, начата*;
- наречия: *дб́чиста, завидно́, ненадóбно, то́тчас* и *дочистá, за́видно, нена́долго, тотча́с*

3. Фразеологизмы:

темна вода во облацех и *темна вода во облацѣх*
валом ва́лит и *ва́лом ва́лит, ва́лом ва́лит*
вымыть в трех вода́х и *вы́мыть в трех водах*
быть на сно́сях и *быть на снося́х*
не в де́ньгах счастье и *не в деньга́х счастье*

Некоторые респонденты просто зафиксировали в своих анкетах возможность двоякого акцентирования слов и словоформ, не обсуждая, можно ли выявить условия появления тех или иных вариантов в их речи. Но многие информанты признали, что появление того или иного варианта ударения связано с экстралингвистической характеристикой ситуации речи, и постарались сформулировать условия, типичные для появления конкретных вариантов. С одной стороны, они указывали, что «на лекции я скажу только так», «в официальной обстановке», «если буду устраиваться на работу», «если выступаю с докладом, на радио и телевидении», с другой стороны — «у себя на кухне», «с соседями на даче», «в семье» и пр. Так, в одной из анкет рассказывалось, что муж информанта трепетно относится к сохранению традиционных норм произношения, и она в разговоре с мужем всегда себя контролирует — только *творóг*. «Но в отсутствии мужа и *твóрог* нормально». В некоторых анкетах были указаны особые условия — «когда говорю со своими детьми, стараюсь произносить правильно», «никогда при сыне не скажу *ба́ловать* — ему же ЕГЭ в этом году сдавать, а без него могу и *ба́ловать*». Одна из респондентов в анкете

¹ Интересно, что ни в одной из анкет не было указано употребление личных форм глагола *звонить* с ударением на основе — *звóнишь* и др. Такое произношение уже так скомпрометировано в СМИ, что респонденты, как кажется, стараются его не упоминать вообще.

рассказала, что, покупая на строительном рынке шторы, поймала себя на том, что произносит *жа́люзи*, как бы «подстраиваясь» под речь продавцов, которые в разговоре с ней многократно ставили ударение именно так. При этом она отметила, что обычно произносит только *жалюзи́* — «ведь так правильно».

Некоторые информанты связывали возможность появления ненормативного варианта в своей речи с языковой игрой — «когда шучу, могу и неправильно». Как известно, «играть» отступлениями от нормы может только тот, кто тонко чувствует норму, — в этих случаях проявляется языковая игра. Так, например, Р. Ф. Касаткина, уходя с работы, могла сказать в шутку — вечером *созво́нимся*, и в ее устах это являлось яркой приметой шуточного использования языкового средства. Но такого рода факты не связаны с проблематикой данной статьи и не учитывались.

Итак, многие информанты указывают, что возможность двоякого акцентирования слов и словоформ связана с оценкой ситуации речи. Они противопоставляют ситуации, в которых говорящий перестает строго контролировать свою речь, в определенной степени «расслабляется», ситуациям, при которых человек старается «говорить правильно», «как в словарях». Так, образованный человек знает, что словари требуют произнесения *балова́ть, вклю́чишь, жалюзи́, кухо́нный, све́кла*, и он так и произносит, когда качество его речи важно для него и окружающих. Но в другие моменты он может позволить себе произнести *ба́ловать, вклю́чишь, жа́люзи, кухо́нный, све́кла*. Если распределить все полученные в исследовании факты на две группы, то получится следующее: в одной группе акцентные варианты, соответствующие кодифицированной норме. А что объединяет факты, которые попали во вторую группу, «привязанную» к нестрогой, неофициальной бытовой речи? В этой выборке нет вариантов ударения, в которых ощущается явная устарелость (*варíт, в да́ли*), нет и тех случаев, которые относят к просторечию (*средствá, по́ртфель* и пр.). Почти все указанные информантами факты относятся либо к вариантам, еще недавно запрещавшимся словарями и разрешенным в качестве нормативных только некоторыми словарями последнего времени (*августовский, вклю́чит, кулинари́я* и пр.), либо к вариантам, не рекомендованным в лексикографических источниках, но явно находящимся на пути к приобретению подобного статуса, обычно такие случаи снабжаются мягкой запретительной пометой (*позва́ло, тотча́с, укра́инский*). Носитель языка чувствует, что эти варианты не противоречат закономерностям системы и вот-вот станут нормативными, и допускает их в своей речи.

Складывается впечатление, что многие новые акцентологические явления «обкатываются» в разговорной речи до того, как приобрести статус полноценной нормы. Как представляется, распределение подобных

вариантов выглядит как реализация противопоставления *кодифицированный — разговорный*. А следовательно, можно положительно ответить на вопрос, вынесенный в заголовок данной статьи, — феномен разговорного ударения существует!

Литература

- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. Учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. 339 с.
- Земская Е. А. (ред.). Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 485 с.
- Земская Е. А. Разговорная речь, разговорный язык // Русский язык: Энциклопедия. М.: АСТ ПРЕСС-Школа, 2020. С. 586–588.
- Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М.: Академия, 2014. 272 с.
- Шмелева Т. В. Языковая рефлексия // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Наука, 2003. С. 810–811.

References

- Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika. Uchebnik dlya bakalavriata i magistratury* [Sociolinguistics. Textbook for undergraduate and graduate studies.]. Moscow, Yurait Publ., 2016. 339 p.
- Kasatkin L. L. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian Language. Phonetics]. Moscow, Akademiya Publ., 2014. 272 p.
- Shmeleva T. V. *Yazykovaya refleksiya* [Language reflection]. Kul'tura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 810–811.
- Zemskaya E. A. (ed.). *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 485 p.
- Zemskaya E. A. *Razgovornaya rech', razgovornyi yazyk* [Colloquial speech, colloquial language]. Kul'tura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Moscow, AST PRESS-Shkola Publ., 2020, pp. 586–588.

Фразеологизмы в зеркале орфоэпии: акцентуационные варианты и динамика норм

Татьяна Николаевна Коробейникова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), tkorobejnikova@inbox.ru

DOI: 10.31857/S013161170025482-9

АННОТАЦИЯ: Считается, что в словах в составе фразеологизмов сохраняется старый вариант ударения, который фиксируется орфоэпическими словарями. Например, в выражении *волею судьб* в слове *судеб* рекомендуется ставить ударение на второй слог, хотя в свободном употреблении в этом слове нормативно произношение *судеб*. Но эксперимент, в котором участвовали москвичи — носители литературного произношения, показал, что многие рекомендации словарей необходимо менять, так как в ряде фразеологизмов ударение в словах варьируется. В эксперимент было включено 28 фразеологизмов, которые по результатам исследования были разделены на 5 групп: 1) ударение в слове во фразеологизме и в свободном употреблении различается в словарях, но почти всегда совпадает в речи информантов; 2) ударение во фразеологизме и вне его различается в словарях, в речи ударение в слове во фразеологизме колеблется; 3) в словарях зафиксирована вариативность в слове в свободном употреблении (при равноправии вариантов или при доминировании одного из них) и один вариант ударения во фразеологизме, но в реальном употреблении вариативность присутствует в обоих случаях; 4) ударение в слове во фразеологизме и вне его различается и в словарях, и в речи информантов; 5) словоформа используется только во фразеологизме или же встречается вне его редко, ударение при этом может ставиться под влиянием смысловых ассоциаций. В статье представлен краткий анализ состава каждой группы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: акцентуация, фразеологизмы, динамика норм, вариативность

для цитирования: Коробейникова Т. Н. Фразеологизмы в зеркале орфоэпии: акцентуационные варианты и динамика норм // Русская речь. 2023. № 2. С. 29–42. DOI: 10.31857/S013161170025482-9.

Issues of Modern Russian Language

Phraseological Units From Orthoepic Point of View: Stress Variation and Norm Change

Tatiana N. Korobeynikova, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), tkorobeynikova@inbox.ru

ABSTRACT: It is believed that words in phraseological units preserve old variant of stress, which is supported by orthoepic dictionaries. For example, in the phraseological unit *voleyu sudeb*, the obsolete variant *sudéb* is recommended instead of the modern. However, the results of the experiment with speakers of standard pronunciation show that many recommendations given by the dictionaries should be changed since some phraseological units contain words with stress variation. The experiment includes 28 phraseological units which were divided into 5 groups: 1) word stress in phraseological units and in free phrases is different in the dictionaries, but the same in the speech; 2) word stress in phraseological units and in free phrases is different in the dictionaries, but the stress in phraseological units varies; 3) dictionaries show word stress variability in free phrases and only one variant in phraseological units, but in speech variability is present in both cases; 4) word stress in phraseological units and in free phrases is different in the dictionaries as is in speech; 5) word forms are typically used in phraseological units, the stress could be influenced by meaning associations. The article contains the analyses of each group.

KEYWORDS: accentuation, phraseological units, norm change, variability

FOR CITATION: Korobeynikova T. N. Phraseological Units From Orthoepic Point of View: Stress Variation and Norm Change. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 2. Pp. 29–42. DOI: 10.31857/S013161170025482-9.

Ф

разеологизмы¹ представляют собой особую подсистему языка и отличаются от свободных словосочетаний с разных точек зрения. На звуковом уровне в них могут наблюдаться сегментные особенности (произносится *друг сердце[ш]ный*, но *серде[ч']ные заболевания*), а также просодические — место ударения, не совпадающее с ударением в свободных сочетаниях. Так, при ударении на флексии в словоформе *козу́* во фразеологизме (*драть, бить*) как *Сидорову козу́* отмечается ударение на основе. Расхождение в месте ударения возникло в результате того, что в устойчивых выражениях сохранился старый вариант акцентуации.

В орфоэпических словарях встречаются фразеологизмы, в составе которых ударение в словах отличается от нормативного ударения в этих же словах в свободном употреблении². Как представляется, стоит пересмотреть словарные рекомендации по акцентуации слов в ряде таких устойчивых сочетаний³. Эта необходимость назрела, так как в настоящее время говорящие зачастую не воспринимают некоторые фразеологизмы как цельные сочетания слов, поэтому мы можем выдвинуть гипотезу о том, что ударение в словах в (фр.) становится таким же, как в данных словах в (св.) и претерпевает те же изменения, что и последнее. Чтобы проверить эту гипотезу, был проведен эксперимент с носителями литературного произношения (москвичами во 2-м и 3-м поколениях с высшим образованием из младшей (до 30 лет), средней (30–60 лет) и старшей (от 60 лет) возрастных групп). Для эксперимента было отобрано 28 фразеологизмов, которые встречаются в авторитетных орфоэпических словарях [Аванесов (ред.) 1983; Касаткин (ред.) 2012⁴; Резниченко 2021]. При этом отбирались

¹ Как фразеологизмы рассматриваются все типы устойчивых сочетаний из классификации В. В. Виноградова [Виноградов 1977: 140–161].

² Далее для краткости слова в составе фразеологизмов будут отмечаться — (фр.), в свободном употреблении — (св.).

³ На сегодня нет специальных работ об акцентуации слов в (фр.). Отдельные замечания на эту тему содержатся, например, в предисловии к ОСРЯ 1983 и словарю [Резниченко 2021].

⁴ В статье используются сокращения. БОС 2012 — [Касаткин (ред.) 2012], ОСРЯ 1983 — [Аванесов (ред.) 1983].

фразеологизмы, словарные рекомендации по акцентуации которых, на наш взгляд, могут расходиться с вариантами ударения, распространенными в узусе. Респондентов просили прочитать список предложений, в которых были использованы одни и те же слова в (фр.) и (св.).

Эксперимент показал, что исследованные фразеологизмы можно разделить на 5 групп: 1) ударение в слове в (фр.) и (св.) различается в словарях, но почти всегда совпадает в речи информантов⁵; 2) ударение в слове в (фр.) и (св.) различается в словарях, в речи ударение в (фр.) колеблется; 3) в словарях зафиксирована вариативность в (св.) и один вариант ударения в (фр.), но в узусе вариативность есть в обоих случаях; 4) ударение в слове в (фр.) и (св.) различается в словарях и в речи информантов; 5) словоформа используется только в (фр.) или же встречается в (св.) редко, ударение при этом может ставиться под влиянием смысловых ассоциаций.

Ниже дан состав каждой из групп (полужирным выделено слово в (фр.), ударение в котором проверялось).

Данные таблицы 1 показывают расхождение между словарными рекомендациями и результатами эксперимента⁶. Так, словари рекомендуют произносить *не ровён час*, но многие респонденты произносят *не рóвен час*. Этот фразеологизм встречается в стихотворных текстах НКРЯ с начала XIX века, при этом во всех примерах ритм и размер подсказывают ударение в прилагательном на первый слог. Значит, рекомендации словарей требуют пересмотра.

Во фразеологизме *волею судеб* словари рекомендуют произносить *судёб*, но многие респонденты произносят *сúдеб*. Это выражение встречается в трех текстах поэтического подкорпуса НКРЯ середины XIX века с ударением на второй слог:

Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущенный хлеб...

Так мы десять лет, ровнехонько

Бились, **волею судёб**.

Н. А. Некрасов. Филантроп: «Частью по глупой честности...» (11.1853)

Важно, что в (св.) в стихотворных текстах варианты *сúдеб* и *судёб* встречаются с примерно одинаковой частотой, при этом вариант с ударением на первый слог появляется только в сороковые годы XX века. Переход этого слова к новой акцентуации, вероятно, еще не до конца завершился,

⁵ При этом в 5 случаях из 6 ударение во (фр.) уподобляется ударению в (св.), в одном случае наблюдается обратное (см. таблицу 1).

⁶ В этой группе много книжных фразеологизмов, их чаще читают, чем произносят, что могло ускорить утрату старого ударения.

Табл. 1. Словоформы, ударение в которых в (фр.) и (св.) различается в словарях, но почти всегда совпадает в речи информантов

Table 1. Word forms in which word stress in phraseological units and in free phrases is different in the dictionaries, but the same in the speech

Словоформа в (фр.) и (св.)	ОСРЯ 1983	БОС 2012	Резниченко 2021	Ст. группа	Ср. группа	Мл. группа
не ровён час (фр.)	не ровён час	не ровён час	не ровён час ! <i>неправ.</i> не ровен час	30 %	40 %	0 %
рóвен (св.)	рóвен	рóвен	рóвен	100 %	100 %	100 %
волею суде́б (фр.)	волею суде́б	—	волею суде́б	30 %	30 %	0 %
су́деб (св.)	су́деб и <i>доп.</i> <i>устар.</i> суде́б	—	су́деб	100 %	100 %	100 %
царство те́ней (фр.)	царство те́ней	царство те́ней	царство те́ней	0 %	10 %	0 %
тенёй (св.)	тенёй	—	тенёй <i>в поэтич.</i> <i>речи возм.</i> <i>мн. те́ней</i>	90 %	90 %	100 %
на кру́ги своя (фр.)	нет	на кру́ги своя	на кру́ги своя ! <i>неправ.</i> на круги́	30 %	20 %	10 %
круги́ (св.)	круги́	круги́	круги́, кру́ги — <i>устар.</i>	100 %	100 %	100 %
валóм ва-лит (фр.)	валить валóм ! <i>не рек.</i> валить ва́лом	валить валóм ! <i>не рек.</i> валить ва́лом	валóм валит и ва́лит	10 %	0 %	0 %
ва́лом (св.)	—	—	—	не вошло в эксперимент		
в 2 верста́х (фр.)	в стольких-то верста́х	в стольких-то верста́х	в стольких-то верста́х	100 %	100 %	90 %
в вёрстах (св.)	вёрсты, вёрстам	вёрсты, вёрстам	вёрсты, вёрст	0 %	0 %	40 %

о чем свидетельствуют данные примеры и результаты эксперимента для старшей группы, поэтому, думается, в словарях нужно указывать оба варианта произношения как старшую и младшую норму.

В выражении *царство теней* словари рекомендуют ставить ударение в словоформе *теней* на первый слог. Но только 10 % участников эксперимента из средней группы произнесли *тёней*. В (св.) *теней* также доминирует с большим отрывом. Важно, что в НКРЯ в поэтических текстах выражение *царство теней* встречается 10 раз с 1851 по 1986 г., при этом вариант *тёней* встретился лишь дважды: в середине XIX века и в начале XX века.

Противоречие между результатами эксперимента и данными словарей наблюдается для фразеологизма *на круги своя*. Это библейское выражение широко известно в современном светском обществе во многом благодаря песне «Ветер перемен» (автор слов — Наум Олев, 1983 г.), в которой поется *на круги своя*. Но поэтический корпус НКРЯ показывает, что в стихотворных текстах в (фр.) отмечается только форма *кргуи*. При этом в (св.) эта форма встречается с ударением на основу только в текстах начала XIX века. Итак, в поэтических текстах в (фр.) сохраняется старое ударение, но эксперимент показал преобладание в нем новой акцентуации, что необходимо фиксировать в орфоэпических словарях.

Во фразеологизме **валить валом** ударение в обоих словах заслуживает внимания. Словари предлагают варианты *ва́лит ва́лом* и *ва́лит ва́лом*, но в эксперименте обнаружилось и *ва́лит ва́лом*. Примеры из НКРЯ показывают, что в стихотворных текстах ударение на основу в *валом* в (св.) встречается еще в XIX веке, отмечены и примеры, в которых ударение падает на основу в этом слове в (фр.). Значит, рекомендации словарей относительно произношения существительного в выражении *валить валом* необходимо менять.

Особого внимания требует последний фразеологизм этой группы. Словари рекомендуют произносить *в стольких-то верста́х*, но в *вёрстах*. В эксперименте в (св.) преобладает ударение на окончание. При этом большинство примеров из НКРЯ — устойчивые сочетания, в которых ударение падает на флексию. По-видимому, историзм *верста* в (св.) используется редко, поэтому ударение на основу, свойственное его формам мн. ч., вытеснилось флексийным, характерным для (фр.), который используется чаще.

Итак, необходим пересмотр словарных рекомендаций, введение новых вариантов произношения с соответствующими пометами для всех фразеологизмов 1-й группы, кроме *в стольких-то верстах*. В последнем случае требуется пересмотр рекомендаций для слова в (св.).

Табл. 2. Словоформы, ударение в которых в (фр.) и (св.) различается в словарях, в узусе ударение в (фр.) колеблется

Table 2. Word forms in which word stress in phraseological units and in free phrases is different in the dictionaries, but the stress in phraseological units varies

Словоформа в (фр.) и (св.)	ОСРЯ 1983	БОС 2012	Резниченко 2021	Ст. группа	Ср. группа	Мл. группа
как Сидорову ко́зу (фр.)	бить, как Сидорову ко́зу	бить, как Сидорову ко́зу	би́ть как Си́дорову ко́зу	90 %	100 %	70 %
козу́ (св.)	козу́	козу́ (! <i>неправ.</i> ко́зу)	козу́	100 %	100 %	100 %
в 2 ряда́ (фр.)	2, 3, 4 ряда́	2, 3, 4 ряда́	2, 3, 4 ряда́	80 %	70 %	50 %
ряда (Р. п.) (св.)	ряда	ряда	ряда	100 %	100 %	100 %
многая ле́та (фр.)	многие ле́та	многие ле́та	—	90 %	90 %	70 %
летá (св.)	летá, летáм	летá, летáм	—	90 %	90 %	90 %

Во второй группе наиболее «устойчив» с точки зрения акцентуации фразеологизм *как Сидорову козу*, в котором ударение *ко́зу* подчеркивает просторечный характер выражения. Но 30 % респондентов из младшей группы произнесли его с ударением на флексию, что говорит о необходимости ввести помету (! *неправ.* козу́) в словарную статью, посвященную данному выражению.

Ударение на основу в существительном в сочетании *2, 3, 4 ряда*, типичное для этого слова в (св.), ставят в (фр.) 50 % респондентов из мл. группы. А. А. Зализняк писал, что в сочетании с 2, 3, 4 в словах *шага, ряда, часа* флексийное ударение связано с действием закономерности — «в ед. ч. у неисчисляемых существительных ударение на основу, у исчисляемых — на окончание» [Зализняк 2002: 508]. Возможно, эта закономерность начала разрушаться. В следующих экспериментах планируется проверить, распространился ли этот процесс на *2, 3, 4 шага, часа*.

Существительное в составе фразеологизма *многая лета* большинство респондентов произнесли с ударением на основу, но 30 % представителей младшей группы поставили ударение на флексию, что может быть связано с нечастотностью фразеологизма и его церковным происхождением.

Итак, для фразеологизмов 2-й группы пересмотр словарных рекомендаций не требуется, но стоит задуматься о введении запретительных помет.

Табл. 3. Словоформы, ударение в которых варьируется в (св.) и (фр.)

Table 3. Word forms in which dictionaries show word stress variability in free phrases and only one variant in phraseological units, but in speech variability is present in both cases

Словоформа в (фр.) и (св.)	ОСРЯ 1983	БОС 2012	Резниченко 2021	Ст. группа	Ср. группа	Мл. группа
валом ва́лит (фр.)	валить валом (! не рек. валить ва́лом)	валить валом (! не рек. валить ва́лом)	валом ва́лит и ва́лит	60 %	60 %	10 %
ва́лит (св.)	ва́лит и <i>допуст. младш.</i> ва́лит	ва́лит и <i>допуст. младш.</i> ва́лит	ва́лит и ва́лит	30 %	50 %	60 %
не ба́луй (фр.)	—	—	—	60 %	70 %	80 %
не ба́луй (св.)	ба́луй, ба́луйет ! не рек. ба́ловать, ба́луйю, ба́луйет	ба́луйю, ба́луйет и <i>допуст. младш.</i> ба́луйю, ба́луйет	ба́луйю, <i>разг.</i> ба́луйю	60 %	80 %	80 %
отрезанный ломо́ть (фр.)	отрезанный ломо́ть	—	—	90 %	90 %	40 %
ломо́ть (св.)	ломо́ть, ломтя́ и <i>доп.</i> ломо́ть	ло́моть и ломо́ть	ломо́ть	80 %	90 %	30 %
вор у вора́ дубинку украл (фр.)	вор у вора́ дубинку украл	вор у вора́ дубинку украл	—	60 %	10 %	40 %
у вора́ (св.)	во́ра (! <i>неправ.</i> вора́)	во́ра (! <i>неправ.</i> вора́)	во́ра	60 %	100 %	70 %
на воре́ и шапка горит (фр.)	—	—	—	80 %	70 %	80 %
на воре́ (св.)	—	—	—	10 %	70 %	40 %
в стена́х чего-либо (фр.)	в стена́х чего-л.	—	в стена́х чего-л.	40 %	80 %	60 %

Окончание табл. 3

Словоформа в (фр.) и (св.)	ОСРЯ 1983	БОС 2012	Резниченко 2021	Ст. группа	Ср. группа	Мл. группа
в стéнах (св.)	стéнам и <i>доп.</i> <i>устар.</i> стенáм	стéнам и <i>доп. устар.</i> стенáм	стéнам и стенáм	40 %	60 %	30 %
всякое лыко в стрóку (фр.)	всякое лыко в стрóку	—	всякое лыко в стрóку	50 %	60 %	80 %
в стрóку (св.)	в стрóку	—	в стрóку (<i>устар.</i> в стрóку)	80 %	70 %	60 %
как с гúся вода (фр.)	как с гúся вода	как с гúся вода	как с гúся вода	90 %	90 %	70 %
гуся́ (Р. п.) (св.)	гúся и <i>доп.</i> гуся́	гúся и <i>доп.</i> гуся́	гúся и гуся́	60 %	70 %	70 %

Словари фиксируют равноправные варианты ударения в слове *валит* в (св.). В (фр.) варианты есть только в словаре Резниченко. В эксперименте соотношение вариантов *ва́лит* и *валíт* почти совпадает в (фр.) и в (св.) у старшей и средней групп. Представители младшей группы чаще ставили ударение на основу в глаголе в (фр.), несмотря на то что в нем старшая норма теоретически должна сохраняться лучше. По-видимому, на выбор варианта произношения повлияла ритмическая структура фразеологизма: ударение на первый слог в слове *валом*, стимулирует аналогичную акцентуацию слова *валит*. Итак, процесс переноса ударения на основу в глаголах на *-ить*, давно захвативший словоформу *валит*, проявляется и при произношении этого слова в (фр.), что стоит отражать в словарях.

Выражение *не балуй* не встретилось в проанализированных словарях, но казалось важным включить его в эксперимент, так как словари фиксируют вариативность в произношении форм глагола *баловать*, по-разному его оценивая (см. таблицу 3). Участники эксперимента чаще выбирали вариант с ударением на второй слог в (фр.) и (св.). Думается, что данный фразеологизм стоит внести в орфоэпические словари и снабдить пометой, показывающей наличие разговорного или допустимого варианта произношения.

Фразеологизм *отрезанный ломоть* встретился только в ОСРЯ 1983 с ударением на второй слог в существительном, в (св.) слово *ломоть* дается во всех словарях с разными рекомендациями. Эксперимент показал

наличие двух вариантов произношения при преобладании *ломóть* в старшей и средней группах и *лómоть* — в младшей. Данные НКРЯ отчасти подтверждают результаты эксперимента: в поэтическом подкорпусе вариант *лómоть* встречается только в нескольких текстах второй половины XX века в (св.), в (фр.) отмечается только *ломóть*. В эксперименте же соотношение вариантов в (св.) и (фр.) почти одинаковое, что говорит об отсутствии «особой» акцентуации слова в составе фразеологизма. Итак, младшая норма уместна для этого слова как в (св.), так и (фр.).

В формах ед. ч. слова *вор* по современной норме ударение падает на основу. А. А. Зализняк отмечал, что это «одно из старых слов, склонных к переходу в акцентный тип *b*», в нем переход от наосновного ударения к флексийному в ед. ч. происходит «на наших глазах» [Зализняк 2002: 490]. Но, судя по данным эксперимента, этот переход вряд ли свершится: в (св.) форма у *ворá* отмечается реже, чем у *вóра* во всех возрастных группах. Во фразеологизме *вор у вора дубинку украл* ударение на окончание в данной словоформе преобладает только в старшей группе. Очевидно, что в словаре стоит указывать два варианта акцентуации словоформы у *вора*. В словоформе *на воре* ударение на окончании встречается значительно чаще, как в (фр.), так и в (св.). При этом «особое» ударение в данной словоформе в составе фразеологизма отмечается очень редко (10 % — в старшей группе и 20 % — в младшей). Важно отметить, что в старшей группе вариант с флексийным ударением преобладает в (св.), что также говорит о расшатывании особого ударения в (фр.).

В (фр.) в *стенах чего-либо* словари рекомендуют ставить ударение на флексию, в словоформе *стенах* в (св.) основной вариант ударения — на основу, но эксперимент выявил колебания в постановке ударения в обоих случаях. Данные НКРЯ показывают, что колебания в акцентуации слова *стенах* как в (фр.), так и в (св.) наблюдаются в поэтических текстах XX века. Значит, варианты произношения стоит указывать и для существительного в (фр.).

Интересны колебания в акцентуации слова *строку*. О. В. Антонова пишет о том, что во мн. ч. ударение на основу в этом слове должно быть не допустимым, а основным [Антонова 2021: 43]. В корректировке, очевидно, нуждаются и рекомендации для формы ед. ч. В. п.: вариант *в стрóку* был отмечен в 40 % ответов респондентов из младшей группы, поэтому вряд ли может быть назван устаревшим.

Вариативность акцентуации формы *гуся* в (св.) повлияла также на ударение в ней в (фр.): вариант *гуся* выбрали 30 % испытуемых из младшей группы. Норма произношения фразеологизма, вероятно, начала расшатываться, поэтому стоит ввести запретительную помету (! *неправ. гуся*) при фиксации фразеологизма в словаре.

Итак, вариативность в постановке ударения в словоформах в (фр.) 3-й группы должна отражаться в словарях с помощью соответствующих помет.

Табл. 4. Словоформы, ударение в которых (фр.) и (св.) различается в словарях и в речи информантов

Table 4. Word forms in which word stress in phraseological units and in free phrases is different in the dictionaries as is in speech

Словоформа в (фр.) и (св.)	ОСРЯ 1983	БОС 2012	Резниченко 2021	Ст. группа	Ср. группа	Мл. группа
пришла беда, отворяй ворота́ (фр.)	—	—	отворяй ворота́	100 %	100 %	90 %
ворота́ (св.)	ворота́, <i>в поэтич. речи возм.</i> ворота́	—	ворота́	100 %	100 %	80 %
без следа́ (фр.)	без следа́	без следа́	без следа́	100 %	100 %	100 %
не осталось и следа́ (фр.)	не осталось и следа́	не осталось и следа́	не осталось и следа́	100 %	100 %	100 %
следа́ (св.)	следа́	следа́	следа́	80 %	90 %	90 %
широк в кости́ (фр.)	широ́к в кости́	широ́к в кости́	широ́к в кости́	100 %	90 %	80 %
в кости́ (П. п.) (св.)	П. п. не указан ! <i>неправ.</i> род. и дат. ед. кости́	о кости́ , <i>но в, на кости́</i> и в, на кости́	кости́	50 %	90 %	80 %

В 4-ю группу вошли фразеологизмы, в которых особое ударение сохраняется почти в 100 % случаев. Стилистическое различие между *ворота́* и *ворота́*, подкрепляемое тем, что в выражении *пришла беда отворяй ворота́* рифма подсказывает ударение на флексии, не отразилось в речи нескольких представителей младшей группы, вероятно, незнакомых с этим выражением. Думается, отражать эти колебания в словарях нет необходимости. Более пристального внимания заслуживают отклонения от принятых норм в форме *следа*. По-видимому, частотные выражения *без*

следа, не осталось и *следа*⁷ влияют на менее употребительное *следа* в (св.), чем, вероятно, объясняются примеры с ударением на флексию в (св.).

Результаты, полученные для формы *в кости*, показывают, что рекомендации БОС 2012 верны: вариативность в акцентуации присутствует во всех возрастных группах. Итак, фразеологизмы 4-й группы не требуют корректировки словарных рекомендаций. Для формы *в кости* справедливости рекомендации БОС 2012.

Табл. 5. Словоформы, которые встречаются только в (фр.) или редки в (св.)

Table 5. Word forms are typically used in phraseological units or rarely used in free phrases

Словоформа в (фр.)	ОСРЯ 1983	БОС 2012	Резниченко 2021	Ст. группа	Ср. группа	Мл. группа
от мала до велика	—	—	от ма́ла до вели́ка	90 %	100 %	100 %
на рыси́	на рыси́	на рыси́	—	10 %	40 %	10 %
на рыся́х	на рыся́х	на рыся́х	—	70 %	60 %	20 %
за здоро́во живешь	—	не за здоро́во живёшь ! <i>неправ.</i> не за здо́рово живёшь	—	70 %	70 %	20 %
темна вода во обла́цах	—	—	темна вода во обла́цах	30 %	20 %	0 %
малая толи́ка	толи́ка ! <i>неправ.</i> то́лика	—	толи́ка ! <i>неправ.</i> то́лика	10 %	10 %	10 %
маховая саже́нь	—	саже́нь	—	20 %	10 %	0 %

В 5-ю группу вошли выражения с устаревшей формой прилагательного *от мала до велика* и существительного *темна вода во обла́цах*. И если первое знакомо большинству респондентов и произносится согласно норме, то второе было неизвестно многим испытуемым. Участники эксперимента спрашивали, что означает слово *обла́цах*, запинались при его произношении. В их ответах встречался как вариант *облаце́х*, который может быть мотивирован аналогией с формой *облака́х*, так и *обла́цах*, появление которого можно объяснить произношением «наугад». Значит, фиксируя данный фразеологизм в орфоэпический словарях, необходимо обращать внимание на единственно верный вариант произношения.

⁷ Важно отметить, что при наличии семантики отрицания ударение в этом слове всегда переходит на окончание: *нет ни следа́, ни одного следа́*.

Интересны результаты для выражений *на рыси́* и *на рыся́х*: первое большинство респондентов произносит с ударением на основу, вероятно, под влиянием формы *рысью*, второе — большинство представителей старшей и средней групп — с ударением на флексию, в младшей преобладает наосновное ударение. Но, думается, эти результаты не могут быть поводом для введения второго варианта произношения, поскольку некоторые испытуемые не поняли значения выражения, что подтверждается опросом после эксперимента. Так, представители младшей группы выдвигали гипотезы о том, что *на рысях* означает ‘очень аккуратно, осторожно’ или считали его формой слова *рысь* в значении ‘животное’. Итак, для обоих фразеологизмов стоит ввести вариант произношения с ударением на основу с запретительной пометой.

Результаты эксперимента относительно слова *толика* подтверждают данные О. В. Антоновой [Антонова 2020]: вариант *то́лика* встречается чаще, чем *толи́ка*, что должно быть отражено в словарях. Запретительная помета для фразеологизма *за здорово живешь* в БОС 2012 весьма уместна, что подтверждает эксперимент: 80 % участников младшей группы, по-видимому, связывают это выражение с наречием *здóрово* и ставят ударение на первый слог.

Ударение в историзме *сажень* как в (фр.), так и в (св.) варьируется давно, о чем свидетельствуют примеры из НКРЯ: в поэтических текстах XX века отмечены варианты *са́жень* и *саже́нь*. Многие участники эксперимента выбрали ударение на первый слог, вероятно, в скором времени этот вариант станет доминирующим, а *саже́нь* — устаревшим.

Итак, анализ 28 фразеологизмов, встречающихся в орфоэпических словарях, показал, что: 1) рекомендации по акцентуации многих фразеологизмов должны быть пересмотрены; 2) для ряда выражений требуется введение младшей или допустимой⁸ нормы произношения; 3) следует признать, что многие фразеологизмы сегодня «неустойчивы» с точки зрения ударения: слова в их составе зачастую отражают те же процессы в акцентуации, что и данные слова в свободном употреблении.

Литература

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М.: Русский язык, 1983. 703 с.

⁸ Помета *допустимое* указывает на литературное, но менее предпочтительное произношение.

- Антонова О. В. *Толі́ка и то́лика* в живой речи и орфоэпических словарях // Русская речь. 2020. № 6. С. 7–16.
- Антонова О. В. Акцентуация имен существительных ж. р. на -а, -я // Норма произношения в узусе и кодификации: Коллективная монография / Под ред. М. Л. Каленчук и Д. М. Савинова. М., 2021. С. 26–57.
- Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 2002. 752 с.
- Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 1001 с.
- Резниченко И. Л. Словарь ударения и произношения слов русского языка. 5–9 кл. М.: АСТ-ПРЕСС Школа, 2021. 368 с.

References

- Antonova O. V. *Tolika* i *tolika* v zhivoi rechi i orfoepicheskikh slovariah [Tolika and tolika in oral discourse and orthoepic dictionaries]. *Russkaya Rech'*, 2020, no. 6, pp. 7–16. (In Russ.)
- Antonova O. V. Akcentuaciya imyon sushchestvitel'nykh zhenskogo roda na -a, -ya [Variants of accentuation of non-derivative feminine nouns with a stem in -a (-ya)]. Pronunciation norm in usus and codification. Ed. by M. L. Kalenchuk, D. M. Savinov. Moscow, 2021, pp. 26–57. (In Russ.)
- Avanesov R. I. (ed.). Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Moscow, Russkii Yazyk, 1983. 703 p. (In Russ.)
- Kasatkin L. L. (ed.). Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty [The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. Moscow, AST-Press Shkola Publ., 2012. 1001 p. (In Russ.)
- Reznichenko I. L. Slovar' udareniya i proiznosheniya slov russkogo yazyka [Dictionary of accents of the Russian language]. 5–9 kl. Moscow, AST-PRESS Shkola Publ., 2021. 368 p. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. Ob osnovnykh tipah frazeologicheskikh edinic v russkom yazyke [About main types of phraseological units in Russian language]. Vinogradov V. V. Selected works. Lexicology and lexicography. Moscow, 1977, pp. 140–161. (In Russ.)
- Zalizniak A. A. Russkoe imennoe slovoizmenenie [Russian nominal inflection]. Moscow, 2002. 752 p. (In Russ.)

«Я ору с тебя»: новые значения известного глагола

Татьяна Валерьевна Леонтьева, Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург), t.v.leontieva@urfu.ru

Анна Викторовна Щетинина, Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург), anna-73.schetinina@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170025483-0

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена появлению неологизмов в русском языке посредством семантической деривации. На примере глагола *орать* рассматривается появление жаргонных лексико-семантических вариантов слова. Глагол, обозначающий в русском литературном языке крик, плач и ругань, функционирует в настоящее время в новых значениях: ‘смеяться’ и ‘испытывать возмущение’. Конструкции с этим предикатом маркируют психологическое состояние человека (веселье, радость, восхищение, удивление или возмущение), имеющее симптоматику смеха (*я ору*). Подчеркивается не соответствующая литературному языку сочетаемость глагола. Установлено, что в словосочетаниях, образованных по модели управления, новый глагол *орать* управляет существительными в родительном падеже с предлогами «с» и «от», при этом генитив имеет значение причины. Зависимым словом может выступать обозначение лица (*я ору с тебя / с друга / с Лёхи*). Отмечается, что жаргонный глагол *орать*, который начал широко использоваться примерно с 2016 года, распространен прежде всего в письменных форматах интернет-коммуникации, преимущественно в молодежной среде, хотя может употребляться и в устном общении. Показано, что подавляющее большинство словоупотреблений анализируемого глагола представляет собой форму 1 л. ед. ч. (*ору*), однако глагол реализует в речи полную словоизменительную парадигму. Оценивается деривационный потенциал жаргонизма *орать*: за 5–6 лет

функционирования жаргонный глагол *орать* приобрел производные и начал включаться в состав устойчивых оборотов: *проорать, орнуть, орево, орать в голосину*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантическая деривация, жаргонизмы, лексика эмоций, эмоция смеха, эмоция возмущения, орать, интернет-коммуникация
ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. «Я ору с тебя»: новые значения известного глагола // Русская речь. 2023. № 2. С. 43–55. DOI: 10.31857/S013161170025483-0.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 20-68-46003 «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс».

Issues of Modern Russian Language

Ya Oru s Tebya (“I Yell of You”): A New Guise of a Well-known Verb

Tatyana V. Leontyeva, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg), t.v.leontieva@urfu.ru

Anna V. Shchetinina, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg), anna-73.schetinina@yandex.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the emergence of neologisms in the Russian language through semantic derivation. The paper presents the case study of the verb *orat'* (to yell), which illustrates the appearance of slang lexical-semantic variants of the word. The verb denoting screaming, crying and swearing in Russian literary language now functions in new meanings: ‘laugh’ and ‘experience indignation’. Constructions with this predicate mark the psychological state of a person (fun, joy, admiration, surprise or indignation), which has features of laughter *Ya oru* (I yell). The prominent specialty of this case is that the combinability of the verb does not correspond to the literary language norm. It has been established that in phrases formed according to a new control model, the new verb *orat'* modifies nouns in

the genitive case with the prepositions “s” (“of”) and “ot” (“from”), while the genitive has the meaning of reason. A dependent word can be a designation of a person *Ya oru s tebya / s druga / s Lekhi* (*I yell of you / of a friend / of Lyokha*). It is noted that the slang verb *orat'* began to be widely used around 2016, primarily in written formats of Internet communication, mainly among young people, although it can also be used in oral communication. The study reveals that the verb *orat'* is mostly used in 1st person, singular (*oru*), however, the verb implements a complete inflectional paradigm in speech. The article gives assessment of derivational potential of the jargonism *orat'* in the span of 5–6 years of functioning, the slang verb *orat'* acquired derivatives and became part of fixed expressions: *proorat'*, *ornut'*, *orevo*, *orat' v golosinu*.

KEYWORDS: semantic derivation, jargon, vocabulary of emotions, emotion of laughter, emotion of indignation, yelling, Internet communication

FOR CITATION: Leontyeva T. V., Shchetinina A. V. *Ya Oru s Tebya* (“I Yell of You”): A New Guise of a Well-known Verb. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2023. No. 2. Pp. 43–55. DOI: 10.31857/S013161170025483-0.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study is supported by Russian Science Foundation, project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”.

Современный период развития языка характеризуется лингвистами как время стремительного обновления лексики. «Появление новых слов или новых значений у старых слов означает, что мир вокруг нас изменился. В нем либо появилось что-то новое, либо что-то существующее стало важным настолько, что язык (а в действительности мы сами) создает для него имя. В последнее время в русском языке появилось столько новых слов, что лингвисты не успевают следить за ними и издавать словари, а обычные люди часто просто не понимают, о чем идет речь» [Кронгауз 2009: 13]. Особенно активно пополняется фонд номинаций, характеризующих коммуникацию, средства и способы общения, форматы взаимодействия. Возможность самовыражения на просторах интернета, обуславливающая свободный выбор стилистических средств для ведения блогов, создания мемов, общения на форумах и др., объясняет появление многих новых слов и переосмысление уже известных значений. *Артикулировать, орать, риторика, тема, эпичный* и многие другие языковые

единицы широкого семантического поля «Речь» приобрели новые значения, иногда, казалось бы, совершенно неожиданные. К таким случаям относится и расширение значения глагола *орать*.

В толковых словарях для этого многозначного слова, имеющего помету «разговорное», предлагается три значения: ‘издавать громкие крики, вопли; кричать’ (в оттенках: ‘громко, переходя на крик, плакать (о ребенке); реветь.’, ‘говорить слишком громко’), ‘громко, переходя на крик, бранить кого-л.; кричать’, ‘громко, во все горло петь’ [Евгеньева (ред.) 1999: 636]. Во всех значениях слово *орать* входит в ряд глаголов, которые «используются в речи для передачи количественных изменений эмоционального состояния посредством указания на степень громкости и силы звучания» [Оспанова 2011: 87]. Семантика эмоционального состояния сохраняется в новых жаргонных значениях глагола *орать*, семантический объем которых мы и рассмотрим далее.

Грамматическая сочетаемость по модели «местоимение + глагол действия + предлог *на* + объект» является традиционной, поэтому интерпретация значения не вызывает сомнений. Например, глагол *орать* употребляется в значении крика, брани в следующем примере: *Здравствуйте! Моей дочери 2 года, иногда, когда она специально или нет, делает что-то не так, как я прошу, ... я ору на нее как бешеная, понимаю, что так не нужно, но не могу остановиться* (Я ору на ребенка как бешеная // ya-roditel.ru, 2022).

Жаргонизм *орать* ‘хохотать, смеяться’. Затруднение в декодировании смысла возникает в том случае, когда появляется нетипичная конструкция управления, например, с существительным в родительном падеже, включающая в себя предлог *с*: *Я думаю, новость старая, но не могу все равно не поделиться с вами тем, как я все еще с нее ору: авторы снесли запись «Голубого Урганта» с канала, потому что там на столе в кадре блестками было выложено...* (Новогоднее шоу Урганта удалили из сети за мат // lenta.ru, 2019) [НКРЯ]; *Я знаю что баян, но я ору каждый год с этого видоса, завидую тем, кто еще не смотрел))))))* (pikabu.ru, 2022). В такой конструкции, активно используемой в разговорной речи молодежи, глагол *орать* приобретает значение ‘громко смеяться, очень радоваться чему-то, восхищаться чем-/кем-либо’. Семантика крика отходит на второй план и даже совершенно утрачивается, хотя значение проявления сильной эмоции очевидно. Необычное управление глагола отсылает нас к фразе «Я с вас смеюсь!», известной исследователям городского просторечия и, вероятно, являющейся украинизмом.

Жаргонизм *орать* как объект лингвистических исследований. Исследуемый глагол уже попадал в поле зрения лингвистов в контексте осмысления новых жаргонизмов в русском языке. Приведем эти краткие заметки, которые имеются в научной периодике. П. Д. Доронина,

анализируя язык подростков в социальных сетях, отмечает, что глагол *орать* ассоциируется с криком радости, причем здесь реализуется метафора как продуктивный способ создания слов подросткового жаргона [Доронина 2017: 137–138]. Метафорическую природу подчеркивает и Л. В. Милешина, помещая слово *орать* в ряд жаргонных глагольных единиц, «образованных от общеупотребительных глаголов, приобретших дополнительное метафорическое значение» [Милешина 2019: 308]. Точно так же Ю. В. Подкина относит слово *орать* к «метафоризированным выражениям», которые она характеризует как «относительно “свежие” сленговые единицы», приводит контекст *Я ору с нарядов моей чокнутой сестры* и отмечает, что глагол *ору* служит для «вербального замещения живых эмоций» [Подкина 2020: с. 163]. Словопроизводительные потенции слова *орать* затрагиваются в работе О. Н. Заикиной, которая указывает на наличие производного существительного: «Последнее время в социальных сетях и в речи подростков распространяется существительное *орево* со значением “очень веселая вечеринка” — дериват от широко известного глагола *орать*, который в речи подростков имеет значение “бурно веселиться, смеяться» [Заикина 2019: 33]. Е. Б. Кузнецова, говоря о динамичном обновлении жаргона, усматривает преемственность семантики между словом *орать* и другим языковым знаком со сходным значением, который утрачивает популярность к настоящему времени, и, кроме того, предполагает первичность иконического знака (стилизованного графического изображения счастливого лица смеющегося человека) по отношению к лексеме: «Устаревшее жаргонное слово, означавшее смех до колик, *ржунимагу* вытеснено частотным глаголом *орать*, видимо, вербализующим соответствующую картинку-эмодзи: смайлик с широко разинутым в хохоте ртом» [Кузнецова 2022: 155].

Интернет-общение как сфера функционирования жаргонного слова *орать*. Глагол, который выступил предметом нашего внимания, приобрел широкое распространение примерно с 2016 года, стал употребителен в молодежной среде, по крайней мере в письменных форматах интернет-коммуникации: *Пользователей соцсети тоже порадовала шутка матери Алексы. «Это лучшее из всего, что я когда-либо видела», «Просто ору!», «Потрясающе», — комментировали они снимки (Мать повторила снимки дочери в купальнике и прославилась // lenta.ru, 2019) [НКРЯ]; «Блин, ребят, ору, я кинул жалобу на тот пост про скидку за размер груди, и его удалили», — похвастался он (Московское кафе предложило скидку по размеру груди и попало под шквал критики // lenta.ru, 2017) [НКРЯ]; «Я просто ору от милэшности», — написал один из подписчиков аккаунта (Сын Майкла Фелпса поразил пользователей сети стильным видео из бассейна // lenta.ru, 2016) [НКРЯ].*

Популярность репрезентации эмоций посредством глагола *орать* в повседневной речи нашла отражение в мемах (рис.).

Рис. Интернет-мемы с конструкцией *я ору* в вербальной части и изображением смеющегося человека в визуальной составляющей

Анализируемый глагол включен в состав названий фото и видеозаписей с юмористическим содержанием (*Видеозаписи Я Ору ВКонтакте; Я ОРУ от смеха!*), названий групп в социальных сетях (ВКонтакте: *Я ору, сэр!*; *Я Ору Чувствуем где смешно; То, с чего я ору*). На то, что слово *ору* употребляется в названиях аккаунтов именно в рассматриваемом значении, указывают пояснения в информационном блоке, например: *То, с чего я ору. Никакого оригинального контента: только репосты и баяны-бабаяны от прошлогодних до Древнего Египта. Мой личный склад картинок, но если у нас схожее чувство юмора — Вам будет весело* (<https://vk.com/moeorevo>, 2022).

Но смех не всегда бывает веселым. Ср. употребление в разговорной речи слов «смешно», «смех» (*Сама она будет зарабатывать / смешно!*), зафиксированных, например, в «Толковом словаре разговорной речи» (**Смешно.** DEF: нелепо, странно, неправильно (выражение несогласия, возмущения); **Смех.** 1. DEF: нечто, вызывающее насмешку, достойное иронии или удивления) [Крысин (ред.) 2021: 200, 203].

Следующий пример как раз иллюстрирует такой невеселый смех: *Я ору с пособий. В апреле сначала одобрили с 3 до 7, прислали 600р с копейками. Потом тишина, сказали в МФЦ заново подавать. Вот 5 мая подали, сегодня только пришел отказ, якобы доходы превышают. Окей, когда было три человека в семье видимо нам не хватало денег и одобряли, сейчас стало четыре человека в семье и мы резко стали зарабатывать чтоли больше не считая того что, я в декрете, а у мужа минималка указывается на работе* (baby.ru, 2022).

Совмещение значений 'смеяться' и 'возмущаться', 'огорчаться' в одном слове вполне обосновано реалиями возникновения и проявления эмоций,

между этими смысловыми таксонами нет непреодолимой семантической пропасти: человек смеется, испытывая разные чувства, иногда взаимоисключающие, то есть смех может выступать средством выражения как положительных, так и негативных реакций.

Жаргонизм *орать* 'испытывать возмущение'. Сила эмоции подчеркивается и еще в одном новом значении лексемы *орать* — 'возмущаться'. Оно семантически близко второму значению слова *орать* в русском литературном языке: 'громко, переходя на крик, бранить кого-л.; кричать' (*орать на кого-л.*) [Евгеньева 1999: 636]. Так, при обсуждении поведения участников телепроекта «Дом-2» пользователь написал: **Я ору с этих клоунов. Как можно гадить человеку и вообще отношения этого человека на протяжении всей твоей жизни на проекте дом2 и потом в ответственный для тебя момент помощи просить?** (Даша помощи выбрать платье, schlock.ru, 2009). При этом возмущение может выражаться по самым разным поводам, от обсуждения безнравственного поведения, как в приведенном примере, до остро критического отношения к сложившейся бытовой ситуации. Ср. пост, размещенный в паблике «Инцидент Кузбасс»: — **Купили на вынос пиццу «4 сыра»... Открываю коробку, начинаю выкладывать пиццу и выбегает рыжий. Я, конечно, очень напугалась (терпеть их не могу)... Итого три рыжих друга: один бездвижен, двое бегают по коробке. Я ору,** — поделилась кемеровчанка (gazeta.a42.ru, 2022).

Предложно-падежное управление жаргонного глагола *орать*. Обращает на себя внимание глагольное управление. В качестве зависимых слов при лексеме *орать* выступают существительные или личные местоимения в родительном падеже с предлогами, чаще — «с», реже — «от» (**с кого/чего, от кого/чего**): **Как же я ору с бомжей которые играют через вай фай походу** (VimeWorld // ВКонтакте, 2020); **Ору с этой жизни** (название группы в ВКонтакте); **Я ору от смеха** (videomin.org) и др. Последняя экспрессивная конструкция отличается семантической избыточностью (так как фактически означает «смеяться от смеха»).

Обратим внимание, что у глагола *орать* нет приставки, семантически соотносительной с предлогом (как в случаях *извлечь из кармана* или *донести до стола*). В целом же конструкции *орать с/от чего-л.* напоминают коллокацию *умирать со смеху*. Эта же просторечная модель управления реализована в конструкциях, описывающих негативные физиологические состояния: *Мне с грибов / с острого / с жирного / со спиртного плохо*. Значение генитива в них, вероятно, следует отнести к отложительным значениям и реконструировать так: или активная причина (предлог *от*: *плакать от радости, побледнеть от страха*), или — в большинстве случаев — пассивная причина, обусловленная психическим или физическим

состоянием действующего лица (предлог *с*: *плакать с радости, зачехнуть с тоски, нагрубить с досады / с отчаяния*) [Шведова, Лопатин 1989: 369].

Специфика глагола *орать* заключается, как это уже показано выше, и в его способности управлять одушевленными существительными или местоимениями, заменяющими обозначения лиц: *Ору с друга* (Видео ВКонтакте); *Я Ору От вас* (Учительский сайт, infourok.ru). Заполнение семантико-синтаксической валентности глагола эмоцией обозначением человека любопытно нетипичностью подобной сочетаемости для глаголов группы «Выражение эмоций». Невозможно представить в литературном языке конструкции вида **кричу с/от кого, *радуюсь с кого, *возмущаюсь с кого, *злюсь/сержусь с кого, *грющу с кого* и под.

Зато жаргонные единицы как раз демонстрируют регулярную сочетаемость такого рода (*угорать, тащиться, бомбить, пригорать, рофлить, орать с чего/кого*): *Женаты год и до этого 4 года встречались. И я тащусь просто от него!!! Я хочу кричать от своей любви. Говорят страсть проходит — бред!!! Вообще девочки желаю вам всем бесконечной любви (Я тащусь от своего мужа // Форум Woman.ru); Я с него тащусь (ok.ru/video)*. Таким образом, позиции просторечной модели управления «Я + глагол + с кем, от кого, с кого» укрепляются. Сравним с наблюдениями П. Д. Дорониной: «Примерами могут являться следующие высказывания: “Я бомблю с тебя!” (то есть “меня что-то в тебе раздражает”), “Меня бомбит от того, что она натворила!” (то есть “меня злит то, что она сделала”). Схожей семантикой обладает и фразеологизм у меня *пригорает* (“бесит”). Значение этого выражения основано на эмоции краткосрочного гнева, испытываемого в тот момент, когда на плите что-то сгорело (напр.: “У меня пригорает с этой тетки!”)» [Доронина 2017: 138]. На это указывает и Е. Б. Кузнецова: «Отметим, что грамматическая сочетаемость популярных лексем *рофлить* и *орать* предполагает использование конструкции с предлогом *с*, что считается нарушением грамматической нормы для литературного синонима *смеяться*: *рофлю с тебя; ору с этого мема*» [Кузнецова 2022: 155].

Парадигма спряжения глагола *орать*. Как мы видим по примерам, подавляющее большинство словоупотреблений анализируемого глагола представляют собой форму 1 л. ед. ч. Численное преимущество создает превратное впечатление о неполноте словоизменительной парадигмы, если исследователь не предпримет специальных усилий к поиску других форм слова. Так, в статье Л. В. Милешиной заявлено, что «глагол *орать* (смеяться) употребляется школьниками только в 1 л. ед. ч.: *Я с него ору*» [Милешина 2019: 308], что не соответствует действительности, как маловероятно и предположение о диалектном происхождении анализируемого лексико-семантического варианта: «Возможно, такая семантика глагола

возникла из омского говора» [Милешина 2019: 308]. Все же глагол *орать* в речи используется в разных формах, и даже можно говорить о полной парадигме форм этого глагола со значением 'очень веселиться, смеяться' (2 л., 3 л., ед. и мн. ч., прош. и буд. время, совершенный и несовершенный вид), что подтверждается материалами из сети Интернет: *Мы орём с фильма «Горько». На мой взгляд, самая смешная комедия 10-х* (10 фильмов для event-менеджеров // Кинопоиск, kino.gambler.ru); *блин через неделю буду орать с этого фильма* (Дочь пережившей Холокост женщины подала в суд на актера и создателей фильма «Борат» // www.nur.kz); *Знаю никому не будет смешно но я орала* :sweat_smile: (aminoapps.com); *Я орала с этого видоса Не пожалейте лайк, творению* (tiktok.com).

Деривационный потенциал жаргонизма *орать*. Сравнительно недавно начав функционировать в жаргоне, глагол *орать* уже демонстрирует способности к производству новообразований. В частности, помимо уже упомянутого выше существительного *орево*, обнаруженного и упомянутого О. Н. Заикиной [Заикина 2019: 33], широко используется глагол *орнуть* со значением однократности действия: *На паре моментов в середине я ставил фильм на паузу, просто чтобы орнуть. Орнуть из-за происходящего на экране* (Н. Тришин. Пересмотр! Том 1. Даже не начал, books.google.ru, 2016); *Зай, ты сейчас орнешь, но у меня LvL не 32, как на скриншоте, а 40. Или даже 41 (DontWorry_2 — Жалобы на персонал // VimeWorld — Форум, 2018); так как <...> вы не так громко орёте с мемов, если вообще орёте, а некоторые и вовсе не знают, что вышел новый мем, то вот вам лайвхак как не пропускать новые мемы => увеличить актив в группе* (ВКонтакте, 2018); *Но через несколько на нем появилась безумная улыбка. Он орнул от счастья, но Джон сидел в комнате и смотрел на камеру в которой был Санс* (Фанфик про Harrytale, Amino, 2018); *Первое что я сказала недавно после наркоза было: «какие же вы все таки классные врачи, сдохнуть мне не дали, здоровычка всем и спасибо кто принимал участие». Они орнули над моей благодарностью* (Брат — анестезиолог. Он всегда рассказывает... отложительным значениям Подслушано, 2019); *Кесандрийская Империя Озвучка 2x2 не нрав. Причем, не я один такой, после 1 стрима я скинул ее 3 моим друзьям, которые смотрели Наруто, примерно в одно со мной время. Все они орнули. Ибо озвучка 2x2 это минус атмосфера* (t.me/tokioshow/1740). Надо сказать, что этот глагол (в сравнении с производящим *орать*) ведет себя «вольнее» в грамматическом отношении: по материалам сети Интернет можно подтвердить его полную словоизменительную парадигму (по временам, лицам, родам), а форма 1 лица ед. ч. как раз совсем не частотна.

Встречается в текстах сети Интернет и фразеологизм *орнуть в голосину*, который отсылает нас к идиоме *орать в голос* 'громко кричать, плакать': *Конкретно орнула в голосину с Эда Оксенбульда (того мелкого засранца-*

недорепера), чисто из-за него было реально интересно, что там в конце произойдет (Argrenskaya. Рецензия на фильм «Визит» // kinopoisk.ru, 2015).

Популярность набирает также префиксальный дериват *проорать*, тоже со значением завершенности однократного действия: *Его фильм приводит к нам сотни туристов, всем ведь интересно как на самом деле у нас, а дураки едут чисто проорать с этого* (Дочь пережившей Холокост женщины подала в суд на актера и создателей фильма «Борат» // www.nur.kz).

Заключение. Таким образом, выражение сильной эмоции через смех посредством глагола *орать* коррелирует с семантикой громкости и силы голоса, характерной для исходного значения этого слова в литературной разновидности русского языка. В лингвистических работах, в которых освещались особенности функционирования «симптоматической лексики — языковых единиц, описывающих реакцию, сопровождающую эмоцию человека», то есть отражающих «концептуализацию эмоции через симптом, который соотносится с этой эмоцией» (рус. *краснеть от страха, уши горят, бредить*, франц. *haleter, malade, jaunisse, suer*, англ. *to rave* и др.) [Иоанесян 2020: 91], не обнаруживается регулярной семантической модели ‘производить крик’ > ‘смеяться’, хотя такой семантический ход, актуализирующий связь между чувством (эмоцией) и симптомом (криком), кажется вполне легитимным с позиции потенциалов языка.

П. С. Дронов, рассматривая русские идиомы, относящиеся к семантическому полю «Радость/удовольствие», выделяет таксон «смех, улыбка», включающий в себя (среди прочих) фразеологизмы, внутренняя форма которых маркирует мотивационный признак «широко открытый рот»: *скалить зубы; улыбаться... во весь рот; рот до ушей [хоть завязочки пришей] (у кого-л.); смешинка в рот попала (кому-л.); от уха до уха* [Дронов 2018: 77]. Кроме того, в семантике (уже не во внутренней форме) многих выражений этой группы очевидно реконструируется сема подключения голоса к выражению эмоций, то есть посредством идиом описывается именно громкий хохот: *смеяться / хохотать до коллик(ов) / до упаду* и под.

На фоне этих представлений о смехе как способе выразить эмоции с участием голоса (громко), с характерной гримасой (широко открытый рот) не составляет труда объяснить появление жаргонизмов *орать, орнуть, орево*, в которых реализовался перенос ‘кричать’ → ‘выразить накал чувств, эмоцию’. При этом очевидно, что носители языка нашли возможность приложения симптоматики устной коммуникации к удовлетворению потребностей письменной сетевой интернет-коммуникации. Действительно, вполне возможно, что семантическое преобразование известной в другом значении номинации (*орать* ‘громко говорить или плакать, кричать, ругаться’) происходило не без влияния иконического знака — смайлика, изображающего лицо громко смеющегося человека

(часто «смеющегося до слез»), поскольку подобные изображения в настоящее время выполняют роль вспомогательной знаковой системы, обслуживающей и сопровождающей вербальную коммуникацию.

Семантическая деривация в данном случае сделала удивительный крен от крика к чувству, двинувшись в сторону двойного одновременного преобразования значения: (1) 'очень громко говорить' → 'смеяться, выражать эмоции', (2) 'выражать чувство (криком)' → 'испытывать чувство (словно при крике)'. Возможно даже рассматривать эти две модели в составе одной цепочки, поскольку на одну ступень можно поместить семантому 'проявление чувств, выражение эмоций'.

В управлении анализируемого глагола *орать* реализуется характерный для носителей просторечия генитив причины, примерно такой же, как в конструкциях, описывающих негативные физиологические состояния: *Мне с грибов / с острого / с жирного / со спиртного плохо*. В случае же с жаргонизмами маркируется состояние психологическое, имеющее симптоматику смеха.

За 5–6 лет функционирования жаргонный глагол *орать* начал обрастать производными, включаться в состав устойчивых оборотов: *проорать, орнуть, орево, орать в голосину*.

Литература

- Доронина П. Д. О языке подростков в социальных сетях // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 136–143.
- Дронов П. С. До потолка прыгать: лексико-грамматические изменения идиом семантического поля «Радость и удовольствие» // Научный диалог. 2018. № 12. С. 75–84. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-75-84.
- Евгеньева А. П. (ред.) Словарь русского языка: в 4 т. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. К–О. 736 с.
- Заикина О. Н. Современный молодежный жаргон: актуальные процессы // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2019. № 38. С. 31–34.
- Иоанесян Е. Р. Симптоматическая лексика со встроенной эмоцией // Научный диалог. 2020. № 7. С. 91–104. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-91-104.
- Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак; Языки славянских культур; Литрес, 2009. 250 с.
- Крысин Л. П. (ред.) Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4. С–Т. М.: Языки славянской культуры, 2021. 680 с.
- Кузнецова Е. Б. Зумеру – зумерово, бумеру – бумерово? Наблюдения за лексикой петербургских студентов // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения –

- 2021): сборник научных трудов 21-й конференции, Санкт-Петербург, 24 апреля 2022 года. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. С. 152–161.
- Милешина Л. В. Глагол в речевой коммуникации школьников // Экология языка и речи: материалы VIII Международной научной конференции, Тамбов, 21–23 ноября 2019 года. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 305–311.
- Оспанова И. В. Номинации фонационных признаков выражения эмоционального состояния как средство эмотивной перцептуальности // Сибирское юридическое обозрение. 2011. № 15. С. 86–88.
- Подкина Ю. В. Особенности современной сленговой речи // Гуманитарные технологии в современном мире: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции: в 2 частях, Калининград, 28–30 мая 2020 года. Калининград: РА Полиграфычъ, 2020. С. 161–166.
- Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. (ред.). Краткая русская грамматика. М.: Русский язык, 1989. 639 с.

References

- Doronina P. D. [About the language of teenagers in social networks]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*, 2017, no. 3 (56), pp. 136–143. (In Russ.)
- Dronov P. S. [Do potolka prygat': Lexical and grammar changes of idioms of semantic field of "Joy/Pleasure"]. *Nauchnyi dialog*, 2018, no. 12, pp. 75–84, DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-75-84. (In Russ.)
- Evgenieva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Rus. Yaz.; Polygraph Resources Publ., 1999, vol. 2, K–O, 736 p.
- Ioanesyan E. R. [Symptomatic vocabulary with built-in emotion]. *Nauchnyi dialog*, 2020, no. 7, pp. 91–104, DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-91-104. (In Russ.)
- Krongauz M. A. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language on the verge of a nervous breakdown]. M.: Sign; Languages of Slavic Cultures; Litres, 2009. 250 p.
- Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [A dictionary of Russian everyday speech]. V. 4. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2021.
- Kuznetsova E. B. [Zumer – zumerovo, boomeru – boomerovo? Observations on the vocabulary of St. Petersburg students]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya – 2021): sbornik nauchnykh trudov 21-y konferentsii, Sankt-Peterburg, 24 aprelya 2022 goda* [Print and word of St. Petersburg (Petersburg readings – 2021): collection of scientific papers of the 21st Conference, St. Petersburg, April 24, 2022]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2022, pp. 152–161. (In Russ.)
- Mileshina L. V. [Verb in speech communication of schoolchildren]. *Ekologiya yazyka i rechi: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Tambov, 21–23 noyabrya 2019 goda*

- [Ecology of Language and Speech: Proceedings of the VIII International Scientific Conference, Tambov, November 21–23, 2019]. Tambov, Publishing House Derzhavinsky, 2019, pp. 305–311. (In Russ.)
- Ospanova I. V. [Nominations of phonational signs of emotional state expression as a means of emotive perceptuality]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 2011, no. 15, pp. 86–88. (In Russ.)
- Podkina Yu. V. [Features of modern slang speech]. *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire: sbornik statey VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 chastyakh, Kaliningrad, 28–30 maya 2020 goda* [Humanitarian technologies in the modern world: collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference: in 2 parts, Kaliningrad, May 28–30, 2020]. Kaliningrad, RA Polygraphych Publ., 2020, pp. 161–166. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu., Lopatin V. V. (eds.). *Kratkaya russkaya grammatika* [Brief Russian grammar]. Moscow, Russian Language, 1989. 639 p.
- Zaikina O. N. [Modern youth jargon: actual processes]. *Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera*, 2019, no. 38, pp. 31–34. (In Russ.)

Что изменилось за эти пару десятков лет в согласовании?

Елена Вячеславовна Маринова, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород), marinova@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170025484-1

АННОТАЦИЯ: Рассматривается феномен массового употребления в русских письменных текстах формы множественного числа определений при их согласовании со словоформой *пара* в составе количественно-именного словосочетания со значением неопределенного количества. Это значение *пара* реализует в словосочетаниях с зависимыми словами, обозначающими отрезки времени. Отмечаются наиболее частотные конструкции с различными предложно-падежными формами существительного *пара*, в которых наблюдаются колебания в выборе грамматического числа определения. Материал исследования — тексты русскоязычных СМИ (печатных и сетевых), художественный дискурс. Источники исследования — Национальный корпус русского языка, сервис «Архив СМИ» электронного медиабанка «Интегрум». Преимущественный выбор говорящим формы множественного числа (*за эти пару лет*), вместо нормативного единственного, объясняется прежде всего собственно лингвистическими причинами. К ним относятся действие тенденции к семантическому согласованию, аналогия с согласовательным типом, реализуемым в случае с близкими по семантике оборотами *несколько дней, два-три дня*, требующими при себе определение в плюральной форме. Не исключается роль экстралингвистических факторов: воспроизведение ошибки в неоднократно перепечатанном в различных СМИ медиатексте. Анализируется также выбор при обороте *пара дней (лет и т. п.)* числовой формы сказуемого, которая, как и в случае с определением, варьируется. Обнаруженные в ходе исследования аномалии

в виде невыраженных грамматических признаков рода и падежа (*эти пару дней были простыми*), имеющих явно не единичный характер, интерпретируются как процесс лексикализации оборота со словом *пара* в значении 'несколько'.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантическое согласование, формальное согласование, координация, русский язык, количественно-именное словосочетание, квантитативный субстантив, семантика неопределенности, числовые грамматические варианты, определение, сказуемое

для цитирования: Маринова Е. В. Что изменилось за *эти пару десятков лет* в согласовании? // Русская речь. 2023. № 2. С. 56–69. DOI: 10.31857/S013161170025484-1.

Issues of Modern Russian Language

What Has Changed *Za Eti Paru Desyatkov Let* (‘Over These Two Couples of Decades’) in the Agreement?

Elena V. Marinova, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod),
marinova@list.ru

ABSTRACT: The research conducted on Russian written texts studies the phenomenon of the mass use of the plural form of attributes in the case of their agreement with the word form *para* as part of a quantitative-nominal turn with the meaning of an indefinite quantity. This meaning of the word *para* is realized when combined with dependent words denoting time periods. The author notes the most frequent constructions with various prepositional-nominals forms of the noun *para*, in which there are fluctuations in the choice of the grammatical number of the attribute. The research material is media and literary texts in Russian. The sources of the research are the National Corpus of the Russian Language and the electronic media bank

Integrum (Media Archive service). The reasons for the speaker's preferential choice of the plural form (*za eti paru let*) instead of the normative singular are primarily linguistic. The effect of the tendency to semantic agreement and the analogy with the type of agreement implemented in the case of semantically similar turns *neskol'ko dney*, *dva-tri dnya* that require an attribute in a plural form belong to them. Extralinguistic factors are also important, and one of them is the reproduction of an error in a text repeatedly reprinted in various media. The study also examines the choice of the numerical form of the predicate with the subject *para dney* (*let*, etc.), which, as in the case of the attributes, varies. The author interprets the detected anomalies in the form of unexpressed grammatical markers of gender and case, which are clearly not of a singular nature, as a process of lexicalization of a turn with the word *para* 'a few'.

KEYWORDS: semantic agreement, formal agreement, coordination, Russian language, quantitative-nominal word-combination, quantitative substantive, semantics of uncertainty, numerical grammatical variants, attribute, predicate

FOR CITATION: Marinova E. V. What Has Changed *Za Eti Paru Desyatkov Let* ('Over These Two Couples of Decades') in the Agreement? *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2023. No. 2. Pp. 56–69. DOI: 10.31857/S013161170025484-1.

Начнем с небольшого теста. Выберите, особо не задумываясь, окончание прилагательного в следующей фразе: *За последн... пару месяцев обстановка не изменилась*.

На первый взгляд кажется, что задание не имеет смысла, ответ на поверхности — конечно, *последнюю*. Однако реальная речевая практика, закрепленная в письменных текстах, нашу убежденность может заметно поколебать. Так, поиск по цифровому медиабанку «Интегрум», являющемуся на сегодняшний день наиболее крупной электронной базой русскоязычных СМИ, показывает, что **в подавляющем большинстве** случаев говорящий, а точнее пишущий, избирает форму **множественного** числа для определения при сочетаниях *пару* (вин. пад.) *дней* <*лет, недель, месяцев...*>. Вот несколько иллюстраций:

- (1) *По словам президента Автомобильной Ассоциации Эдмунда Кинга, за последние пару дней количество аварийных вызовов превысило норму на 25% (Снегопад в Британии... Коммерсантъ. 12.12.2022);*

- (2) *Цены на эти автомобили заметно выросли буквально за последние пару недель* (Новые Volkswagen Bora из Китая... Fine-news. 15.12.2022);
- (3) *Но темпы и масштабы российского строительства за последние пару месяцев не имеют себе равных* (New York Times впечатлил масштаб... Российская газета. 14.12.2022);
- (4) *За последние пару лет* министерство культуры Пермского края действительно хорошо продвинулось в преодолении территориальной дискриминации... между крупными городами и сельской местностью (Министерство культуры Пермского края подвело итоги... Комсомольская правда — Пермь. 16.12.2022).

Варианты словоупотреблений с полным согласованием определений (не только в падеже — винительном, но и в роде и числе) с определяемым существительным *пару* (*дней, лет* и т. д.) встречаются крайне редко. Приведем примеры грамматически точных форм в составе обследуемых сочетаний:

- (5) *Игорь Иванов передал также слова своего израильского коллеги о том, что «в последнюю пару дней наметилось некоторое ослабление напряженности»* (Состоялся телефонный разговор... Новости. НТВ. 28.11.2000);
- (6) *...только за последнюю пару месяцев сожгли в городе и окрестностях, по предельно осторожному подсчету, эквивалент трех-четырёх счетных бригад* (Вечерние новости... Русский Дозор. 15.12.2022);
- (7) *...качество мобильной связи значительно ухудшилось за последнюю пару лет* (Все трассы Казахстана «телефонизируют». Колёса. 14.12.2022).

Однако, повторимся, всё это единичные факты. Следует учесть, что ситуация с другими словами, выступающими в функции определения при рассматриваемых сочетаниях, та же: значительно преобладают *за эти пару дней (лет и т. д.)*, *за какие-то пару дней (лет и т. д.)*, *за следующие пару дней (лет и т. д.)*¹.

Итак, что перед нами — результат произошедшего языкового изменения? становление новой грамматической нормы? Или все же массовая, имеющая длительный характер фиксации на письме ошибка?

Попробуем разобраться. Но прежде...

¹ Лексико-грамматический поиск в НКРЯ по запросам *последнюю пару* и *последние пару* (в основном корпусе 129 вхождений) также дает показательный результат: 10 случаев — *последнюю пару (дней, лет...)*; 99 — *последние пару (дней, лет...)* (в 20 контекстах словоформа *пару* использована в другом значении), т. е. форма множественного числа используется в десять раз чаще, чем форма единственного числа, хотя именно ее диктует грамматическая форма определяемого существительного.

Пара замечаний о слове *пара*

Существительное *пара* рядовому носителю языка кажется, благодаря благозвучию и краткости, исконно русским, однако на самом деле это заимствование. Время его появления в русском языке, согласно «Этимологическому словарю русского языка», — конец XVII в. [Фасмер 1987].

За два с лишним столетия (к сер. XX в.) существительное *пара* развило несколько значений и оттенков: «Словарь современного русского литературного языка» фиксирует девять основных лексико-семантических вариантов (ЛСВ); некоторые из них имеют разговорную и даже просторечную окраску (*пара* как оценка, например). Нас интересует следующее значение: «8. В знач. числ. Разг. Несколько; небольшое количество чего-либо (обычно со словами, обозначающими отрезок времени)» [Чернышев (ред.) 1959]. Разговорность употребления слова в этом значении фиксируется и в «Большом толковом словаре русского языка» [Кузнецов (ред.) 2000]. В «Словаре русского языка» ЛСВ *пара* 'несколько' дается как просторечное [Евгеньева (ред.) 1987].

В настоящее время, однако, сочетания слова *пара* с обозначениями различных отрезков времени в роли номинаций, не претендующих на точность, весьма употребительны в текстах публицистического стиля. Судя по официальной тематике некоторых материалов, где встречаются такие сочетания, их сниженная окраска не осознается авторами (и редакторами) статей: сочетания *пара дней* (*лет* и т. д.), по-видимому, оцениваются как вполне приемлемые для языка прессы (см. примеры 1–7). Отметим, что в НКРЯ при поисковом запросе *пару дней* такой инструмент анализа, как *График по годам*, демонстрирует увеличение числа употреблений этого сочетания с 1985 г. по 2005 г. вдвое и с 1985 г. по 2015 г. почти в три раза, что подтверждает наши эмпирические наблюдения. Между тем ни в деловой речи, ни в научном дискурсе подобные обороты со словом *пара* по-прежнему неуместны (поэтому прошу прощения за выбор названия этого раздела: это, конечно же, сделано намеренно).

Стилистическое «повышение в ранге» (термин Л. П. Крысина) слова *пара* в значении 'несколько' представляется нам одним из множества фактов расшатывания стилистической нормы русского литературного языка как проявления тенденции к демократизации словарного состава. Кроме того, стилистическая перекалфикация слова *пара* в составе сочетаний *пара дней* (*лет* и т. д.), ставших более частотными в книжных стилях речи, способствовала, на наш взгляд, **расшатыванию грамматической нормы**, отвечающей за согласование определения, сопровождающего эти сочетания.

Но была ли когда-нибудь кодифицирована такая норма?

Пара и другие квантитативные субстантивы

Чтобы ответить на этот вопрос, определим место слова *пара* среди имеющихся в современном русском языке других обозначений расчлененного количества. Как известно, это могут быть не только имена числительные, но и существительные. Некоторые исследователи называют такие имена существительные «квантитативными субстантивами» или «субстантивными квантитативами», причисляя к ним слова *тройка* (*лидеров*), *десяток* (*яиц*), *сотня* (*бойцов*) [Копелиович 2011: 60]. В эту группу входит и слово *пара* в его первичном значении, которое соотносится с вполне определенным количеством, равным двум: *пара чулок* или *ботинок*. Так же как и другие субстантивные квантитативы, *пара* именно в этом значении используется в составе количественно-именных словосочетаний (ср. в других значениях: *кофейная пара*; *носить пару* — о костюме; *он тебе не пара*; *получить пару* — об оценке).

С этой точки зрения интерес представляют генитивные сочетания *пара брюк* <*ципцов, ножниц*>, которые, в отличие от *пара ботинок* например, обозначают **один предмет**. В таких сочетаниях с конкретными существительными Pluralia Tantum («парного рода», по концепции А. А. Зализняка) слово *пара* реализует значение 'предмет, состоящий из двух одинаковых, соединенных вместе частей', отмечаемое толковыми словарями как разговорное [Чернышев (ред.) 1959], [Евгеньева (ред.) 1987], [Кузнецов (ред.) 2000]. Что касается функции этого слова в данном ЛСВ, она определяется уже как *счетная*, или функция *именного классификатора, нумератива* [Плунгян 2012: 159]. В этой функции *пара* встраивается в известный ряд лексем типа *штука, голова* (*пять голов скота*), без которых невозможны не только некоторые нумеративные конструкции, но и «подсчет» соответствующих предметов [Плунгян 2012].

Наконец, *пара* в том значении, которое нас больше всего интересует, — в значении 'несколько', — так же как и рассмотренные выше ЛСВ, используется в количественно-именных конструкциях, однако «управляет» существительными, в семантике которых не заложена сема «парности» (как, например, в слове *ботинок*: предмет, обозначенный этим словом, предполагает для своего использования наличие другого, соотносительного; или в слове *брюки*). Это, наряду с уже упоминавшимися обозначениями промежутков времени (*день, месяц, минута* и т. д.), слова, именующие результат речевой (мыслительной) деятельности — см. *пара слов, пара строк, пара замечаний, пара мыслишек* и под. И в случае с обозначениями временных отрезков, и в особенности в случае с субстантивами типа *слово* или *мысль*, для говорящего не существенно указание на точное, расчлененное количество (можно ли подсчитать мысли? имеет ли смысл в повседневном общении подсчитывать сказанные слова? по-

траченные минуты, если это только не особые ситуации?). Употребления слово *пара* ‘несколько’ в сочетании с указанными существительными отличаются от употреблений других его ЛСВ **фразеологичностью** (идиоматичностью) — ср. подобное свойство в устойчивом обороте *на два слова* ‘для короткого разговора, сообщения и т. п.’ [Молотков 1986: 431], а также в разговорном выражении *пара-тройка* ‘несколько; немного’, также не предполагающем указание на расчлененное количество.

Итак, перед нами три типа генитивных конструкций со словом *пара*, выделенные нами с точки зрения его семантики (см. табл. 1).

Табл. 1. Генитивные (нумеративные) конструкции с разными ЛСВ слова *пара*

Table 1. Genitive (numerative) constructions with different lexical and semantic variants of the word *para*

№	генитивные конструкции	ЛСВ
1	<i>пара ботинок</i>	два предмета
2	<i>пара брюк</i>	один предмет
3	<i>пара дней</i> <i>пара слов</i>	несколько (небольшое количество) предметов

Посмотрим на особенности их согласования в так называемых *правом* и *левом* контекстах.

В случае с генитивными конструкциями 1 и 2 грамматическая вариантность при согласовании словосочетаний с определением («левый контекст») не замечена. Говорят: *почистил последнюю пару ботинок*, но не **последние пару ботинок*; *достал из шкафа последнюю пару брюк*, но не **последние пару брюк*. Перед нами, по-видимому, «сильный участок» языка (по терминологии М. Я. Гловинской) с **полным согласованием** определения и главного существительного, не требующим кодификации. И действительно, правила, закрепляющего согласование определения с конструкциями 1 и 2, мы не обнаружили². Однако в том же источнике кодифицирован выбор числовой формы **сказуемого** («правый контекст») при подлежащем, выраженном словом *пара* и другими квантитативами, см.: «При наличии в составе подлежащего имени существительного со значением определенного количества (*тройка, сотня, пара* и т. п.) сказуемое ставится в форме единственного числа. Например: *Семерка самолетов устремилась вперед. Сотня ребят разбежалась во все стороны*» [Розенталь 1989: 246].

Но вот вопрос: можно ли сказать по-другому? Варьируется ли выбор грамматической формы сказуемого в подобных случаях? В «Словаре

² В качестве источника использовался справочник по литературной правке [Розенталь 1989].

грамматических вариантов русского языка» варианты типа *сотня ребят разбежалась* — **сотня ребят разбежались* не зафиксированы [Граудина и др. 2008], как и в многочисленных научных работах, посвященных проблеме выбора числовой формы в случае с согласованием сказуемого с подлежащим, выраженным количественно-именным словосочетанием [Герасимова, Лютикова 2018], [Глинкина и др. 2011], [Кувшинская 2013], [Рогачёва 2014], [Сидорова 2018], [Corbett 2006]. Некоторые исследователи даже считают избыточным перечень условий для выбора числа сказуемого (обычно к ним относят порядок следования подлежащего и сказуемого, одушевленность/неодушевленность управляемого существительного в составе подлежащего и др.), если речь идет о подлежащем, выраженном генитивным сочетанием с главным словом *тысяча* (*миллион, миллиард*), — по той причине, что форма сказуемого при таких подлежащих не варьируется [Сидорова 2018: 232]. Однако в справочнике по литературной правке особо отмечаются возможные в речи конструкции типа ***Тысяча солдат бросились на правый фланг***, образцом для которых, по-видимому, служат случаи согласования сказуемого с подлежащим — счетным оборотом на базе числительного (ср. *Двое учеников пришли вовремя*) [Розенталь 1989: 244]³. В наших материалах встретилась, например, такая фраза: *Последняя **сотня дней** в этом году **будут** как сегодня...* (Интегрум. 28.12.2015). В то же время не обнаружены подобные случаи с подлежащим *пара* 'два' (ЛСВ 1), т. е. **пара ботинок нашлись в шкафу* вряд ли возможно.

Иными словами, независимо от наличия/отсутствия факта кодификации грамматической нормы она в случае с генитивными конструкциями 1 и 2 и не нарушается.

Рассмотрим теперь ситуацию с ЛСВ слова *пара* 'несколько' (3). Выбор числовой формы в «правом контексте», видимо, подчиняется следующему правилу: «В единственное число ставится сказуемое также при существительных со значением неопределенного количества (*масса, уйма, бездна, пропасть* и т. п.)» [Розенталь 1989: 246]. Что касается «левого контекста», выбор числовой формы определения не кодифицирован, так же как и в случае с 1 и 2. Но именно на этом участке языка и наблюдается варьирование (*за эту пару лет — за эти пару лет*), причем с явным количественным преимуществом плюральной формы определения при согласовании с существительным, стоящим — парадокс! — в форме единственного числа. Есть ли этому объяснение?

³ Как пишет М. В. Шульга в специальном исследовании, посвященном слову *тысяча*, подобные употребления — «по образцу числительных» — встречаются, согласно НКРЯ, начиная с первой четверти XIX в. и знаменуют постепенное движение данного слова «в направлении числительных» [Шульга 2019: 97].

По-видимому, здесь мы имеем дело с явным преобладанием смыслового согласования определения с определяемым словом над формальным: форма множественного числа вместо единственного избирается с учетом общего смысла высказывания — речь идет о множестве. Думается, на такой выбор влияет и аналогия согласования определения, стоящего в плюральной форме, с близкими по семантике (и структуре) конструкциями, ср.: *за последние несколько дней*; *за последние два дня*.

Рассмотрим, в каких именно предложно-падежных конструкциях с согласованным определением встречаются в письменных текстах обороты с ЛСВ слова *пара* 'несколько'.

Корпусное исследование материала

Мы исследовали полученные в результате гипотетически заданных поисковых запросов (с различными определениями при оборотах со словом *пара* и различными зависимыми словами при нем) контексты из русскоязычных медийных, в том числе сетевых, текстов по двум электронно-поисковым базам — НКРЯ (основной и газетный подкорпусы) и «Интегруму», а также контексты из художественных произведений (основной подкорпус НКРЯ).

Наиболее частотной синтаксической конструкцией с варьированием числа в определении является следующая: *за X пару дней* <лет, месяцев и т. д.>. См. выше примеры 1–7. Словоформа *пару* может быть использована и с другими предлогами (*в, на, спустя*) или же без предлога, например⁴:

- (8) *Также в эти пару дней возможны кратковременные дожди* (Москвичам обещана передышка в жаре. SM News. 17.08.2012);
- (9) *«...безумно рады были стать частью феста на эти пару дней», — рассказывает гость фестиваля* (В Тульской области отгремела «Дикая Мята». МК.ru. 28.06.2019);
- (10) *И вот спустя эти пару лет решила, наконец, опробовать лэпбук на школьном 2 классе* (Использование lapbook на уроках... Конспект.ру. 13.10.2020);
- (11) *Только из этой программы последние пару лет можно было узнать о том, что в природе существуют «союзники»...* (З. Прилепин. Санька. 2006) [НКРЯ].

⁴ В тех же конструкциях и с той же семантикой неопределенного, но небольшого количества употребляется оборот *пара-тройка*. См.: *За какие-то пару-тройку лет все неудачники пересели с трамваев и вагонов метро в автомобили...* (Г. Садулаев. Таблетка. 2008) [НКРЯ]. Поиск форм множественного числа определений при словах *десяток (лет), сотня (лет и т. д.)* результатов не дал.

Материалы медиабанка «Интегрум» и НКРЯ содержат также примеры употребления оборота *пара дней* (*лет* и т. д.) с предложениями, требующими при себе формы родительного падежа. См.:

- (12) *Остальные 7 часов мы выполняли данную нам работу (после этих пары дней мы выучили большинство раб. процессов...)* (Юрист Он-лайн. 21.06.2022);
- (13) *Преподаватели лондонского колледжа St Martin's заметили, что на протяжении последних пары лет их студенты склонны цитировать именно этих дизайнеров (А. Карабаш. Белые одежды... Домовой. 04.03.2020) [НКРЯ].*

Все обнаруженные предложные и беспредложные обороты, с винительным или родительным падежом слова *пара*, имеют обстоятельственное значение времени. Как видим, форма множественного числа определения в них практически регулярна. Если же оборот имеет другое грамматическое значение (не обстоятельственное, а, например, объектное и др.), формы множественного числа не проявляются — избирается единственное число в соответствии с формальным согласованием, см.:

- (14) *Утрату популярности едва ли можно объяснить внутренними и внешнеполитическими неудачами последней пары лет, хотя они были...* (Г. Арбатов. Человек Системы. 2002) [НКРЯ].

Наконец, наблюдаемый нами оборот, в сопровождении определения, используется и в функции подлежащего. Вот какие примеры мы обнаружили:

- (15) *Друг уволился с работы, съехал с квартиры, попросился пожить «на пару дней», но эти пару дней затянулись уже на месяц, вы не видите, что он усердно ищет работу и вещи не собирает* (Базовые принципы гештальта. Studwork.org. 21.08.2022);
- (16) *Его просьба пожить у меня пару дней — да не вопрос! Только вот чем обернутся эти пару дней для меня?* (Истина с секретным подвохом. Онлайн-ТВ НТВ-ПЛЮС. 02.06.2022);
- (17) *11 и первую половину 12 июля прошу вас быть аккуратными, даже когда вы занимаетесь простой чисткой кожи или ее увлажнением. Эти пару дней могут доставить вам серьезные неприятности в плане изменений своего образа* (Восход Оленьей Луны... Russianteleweek.ru. 10.07.2022);
- (18) *Но, помимо этого, последние пару лет принесли с собой множество сообщений, связанных с новыми версиями предыдущих игр Metal Gear* (Konami намекнул на ремейк Metal Gear Solid? INC News. 30.12.2022).

Очевидно, в примерах 15 и 16 *пару дней* вместо *пара дней* можно объяснить чем-то вроде приема цитирования, дословного воспроизведения

чужой реплики (см. подчеркивание), и тогда форма множественного числа сказуемого координируется с уже знакомым нам определением *эти*, выполняющим функцию номинатива.

Но в следующих примерах, 17 и 18, приема цитирования нет, однако подлежащее, как видим, то же — *пару дней*. И вновь форма множественного числа глагола соотносится с плюральной формой определений. В наших материалах большинство случаев именно такие, как 17 и 18, хотя есть и примеры грамматически строгого построения предложения и в «левом», и в «правом» контексте с именительным падежом *пара*, но они (по крайней мере для выборки по 2022 году) редкие:

- (19) *Эта пара лет растянулась на долгие годы* (В Баку прошел творческий вечер Джаваншира Гулиева. Day.Az. 19.10.2022).

И еще один вариант согласования — формального в «левом» контексте и семантического в «правом»:

- (20) *...последняя пара лет нашей жизни были настолько необычные и не по плану, что я просто пожелаю нашим дорогим читателям, сохранить то, что есть и уберечь себя* (Выстраиваем нейронные сети. Ru24.net. 04.01.2023).

Наблюдения за выбором формы сказуемого обнаруживают тот же тип грамматического варьирования — по числу, с преобладанием форм множественного числа, как и в случае с согласованием определений. Следует, однако, заметить, что в целом числовое варьирование сказуемого при обороте с *пара* все же не выглядит таким уж аномальным (см., например, 20), как числовое варьирование определений, результатом которого стало преобладание форм множественного числа (за *эти пару дней*). Приходится признать, что действие тенденции к семантическому согласованию определений при оборотах с различными падежными формами слова *пара* приводит к тому, что у этого существительного не реализуется признак грамматического рода, что с этой точки зрения сближает его с именами числительными.

Что же касается варьирования падежной формы слово *пара* 'несколько', выступающего в предложениях в роли подлежащего, здесь выбор говорящим формы *пару* (см. примеры 15–18) мог бы быть объяснен оговоркой, случайностью, если бы не был так распространен. Даже если ряд примеров — результат речевой небрежности, зафиксированной (случайно?) на письме, можно интерпретировать *пару лет/дней* в структурах типа *Эти пару лет были...* как некие застывшие, идиоматичные обороты, в которых уже ни род, ни падеж главного слова оказываются непроявленными (что обычно происходит при лексикализации).

Итак, преимущественный выбор говорящим формы множественного числа вместо нормативного единственного (*за эти пару лет*) объясняется прежде всего собственно лингвистическими причинами. К ним относятся действие тенденции к семантическому согласованию⁵; аналогия с согласовательным типом, реализуемым в случае с близкими по семантике оборотами *несколько дней, два-три дня*, требующими при себе определение в плюральной форме. Массовая грамматическая ошибка, имеющая, однако, вполне объяснимую лингвистическую причину, за последнюю пару десятков лет получила возможность устойчиво воспроизводиться в письменной речи, оказалась растиражированной в сфере медиа вследствие повсеместной журналистской и издательской практики перепечатки одного и того же медиатекста (в «Интегруме» на 100 документов, выдаваемых системой на поисковый запрос, в среднем примерно 40% перепечаток). Однако не вызывает сомнений, что сейчас мы имеем новый, не отмеченный, по нашим данным [Маринова 2018], ранее в специальной научной литературе тип грамматической вариантности, заслуживающий дальнейшего изучения.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.11.2022).

Интегрум: Архив СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://search.integrum.ru> (дата обращения: 10.01.2023).

Литература

Валгина Н. С. Активные процессы в русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.

Герасимова А. А., Лютикова Е. А. Согласуемые и субстантивированные прилагательные в русских конструкциях с малыми числительными: экспериментальное исследование // Rhema. Рема. 2018. № 4. С. 50–71.

Глинкина Г. В., Мартынец М. С., Зорина В. Л. Единство языков в их многообразии: сказуемое в русском и иностранном языках. Красноярск: ККИПКИ ППРО, 2011. 215 с.

Граудина Л. К., Катлинская Л. П., Ицкович В. А. Словарь грамматических вариантов русского языка. 3-е изд. М.: Астрель; АСТ, 2008. 555 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд. М.: Русский язык, 1987. Т. 3. 752 с.

Копелиович А. Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. М. — Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГУ, 2008. 147 с.

⁵ См. об этой тенденции в [Шведова (ред.) 1980: 57], [Розенталь 1989: 241], [Валгина 2003: 227].

- Кувшинская Ю. М. Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой с количественным значением (по данным НКРЯ за 2000–2010 гг.) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 112–150.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. С. 1536 [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B0&all=x> (дата обращения: 12.12.2022).
- Маринова Е. В. Новые участки вариантности языковых единиц и становление нормы современного русского литературного языка // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 83–92.
- Молотков А. И. (ред.). Фразеологический словарь русского языка. 4-е изд. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
- Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 384 с.
- Рогачева Е. С. Проблема выбора формы числа глагола-сказуемого в процессе его согласования с количественно-именными словосочетаниями // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32): в 2 ч. Ч. 1. С. 149–152.
- Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. 5-е изд. М.: Книга, 1989. 320 с.
- Сидорова М. И. Проблемы вариативности согласования числа сказуемого со счетным оборотом // Актуальные проблемы общего и сравнительно-исторического языкознания. XXVIII Ежегодная богословская конференция. М.: ПСТГУ, 2018. С. 231–233.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987. Т. 3 (Муза – Сят). 832 с.
- Чернышев В. И. (ред.). Словарь современного русского литературного языка в 17 т. М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1959. Т. 9. 1483 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Русская грамматика: в 2 т. и др. Т. 2. М.: Наука, 1980. 709 с.
- Шульга М. В. Динамика форм имени числительного в современном русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 4. С. 88–104. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019A7>
- Corbett G. G. Agreement (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 346 p.

References

- Chernyshev V. I. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language in 17 vol.]. Moscow, Leningrad, The Academy of Science of Soviet Union Publ., 1959. Vol. 3. 1483 p.
- Corbett G. G. Agreement (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 346 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian language: in 4 vol.]. Moscow, Russian Language Publ., 1987. Vol. 3. 752 p.

- Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian language: in 4 vol. (Russ. ed.: Trubachev O. N.)]. Moscow, Progress Publ., 1987. Vol. 3. 832 p.
- Gerasimova A. A., Lyutikova E. A. [Agreeing and substantivized adjectives in Russian paucal constructions: An experimental study]. *Rhema. Rema*, 2018, no. 4, pp. 50–61. (In Russ.)
- Glinkina G. V., Martinets M. S., Zorina V. L. *Edinstvo yazykov v ikh mnogoobrazii: skazuemoe v russkom i inostrannykh yazykakh* [The unity of languages in their diversity: predicate in Russian and foreign languages]. Krasnoyarsk, KKIPKI PPRO Publ., 2011. 215 p.
- Graudina L. K., Katlinskaya L. P., Itskovich V. A. *Slovar' grammaticheskikh variantov russkogo yazyka* [Dictionary of grammatical variants of Russian language]. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2008. 555 p.
- Kopeliovich A. B. *Rod i grammatika mezhslovnnykh sintaksicheskikh svyazey* [Gender and grammar of inter-word syntactic relations]. Moscow, Vladimir, Inst. of Linguistics of the RAS&VGGU Publ., 2008. 147 p.
- Kuvshinskaya Yu. M. [Predicate agreement with quantifier phrase in Russian (According to the data of the National Russian Corpus for the period of 2000–2010)]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2013, no. 2 (26), pp. 112–150. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of Russian language]. Available at: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%B0%D1%80%D0%B0&all=x> (accessed 12.12.2022). (In Russ.)
- Marinova E. V. [New fields of variation of language units and establishment of the norm of modern Russian literary language]. *Verkhnevolszhsky filologicheskyy vestnik*, 2018, no. 3, pp. 83–92. (In Russ.)
- Molotkov A. I. (ed.). *Frazeologicheskyy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, Russian Language Publ., 1986. 543 p.
- Plunguan V. A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the problems]. Moscow, Knizhny Dom "Librokom" Publ., 2012. 384 p.
- Rogacheva E. S. [Problem of selecting verb-predicate number form in the process of its agreement with quantitative noun phrases]. *Filologicheskyye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 2 (32), part 2, pp. 149–152. (In Russ.)
- Rozental D. E. *Spravochnik po pravopisanii i literaturnoy pravke: dlya rabotnikov pechati* [Handbook of spelling and literary editing: For press workers]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 320 p.
- Shulga M. V. [Evolution of Number Names in Modern Russian]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 88–104. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019A7>
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 709 p.
- Sidorova M. I. [Problems of variability of the agreement of the predicate number with the countable turn]. XXVIII Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya "Aktual'nye problemy obshchego i sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznanija" [Proc. XXVIII Annual Theological Conf. "Actual problems of general and comparative-historical linguistics"]. Moscow, 2018, pp. 231–233. (In Russ.)
- Valgina N. S. *Aktivnyye protsessy v russkom yazyke* [Active processes in Russian language]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p.

***Блогеры такие блогеры,* или О новой фразеосхеме в русском языке**

Виктория Анатольевна Марьянчик¹, Лариса Владиславовна Попова²,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Россия, Архангельск),
v.marjyanchik@narfu.ru¹, plarisa20@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170025485-2

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена сравнительно новой в языке, но активно используемой в интернет-коммуникации конструкции *N1 такие (-ой, -ая, -ое) N1: Блогеры такие блогеры; Театр такой театр*. Материал для исследования получен из Генерального интернет-корпуса русского языка. Конструкция используется преимущественно в блогах, в хештегах, в названиях сообществ, то есть в интернет-коммуникации, тяготеющей к экспрессии при экономии языковых средств. Обсуждаются структурные свойства конструкции, значение ее постоянного местоименного компонента, синонимия с другими тавтологическими конструкциями, семантика и частотность существительных в позиции N1, семантические и прагматические особенности конструкции. Конструкция определяется как новая псевдотавтологическая фразеосхема, характеризующаяся воспроизводимостью, идиоматичностью, оценочностью. Значение фразеосхемы: приписывание предмету типичных, ожидаемых от него признаков. В основе оценочного значения конструкции лежит коннотативный потенциал лексемы — имени существительного. Именно коннотативное значение существительного, а не его принадлежность к определенному лексико-грамматическому разряду влияет на возможность использования в данной фразеосхеме. Специфика прагматического значения фразеосхемы связана с субъектом оценки, который формирует тональность высказывания (ласкательность, шутливость, ироничность и смешанные оттенки, например умиление)

и коммуникативную структуру высказывания, присваивая себе «право» оценки и занимая позицию более статусного коммуниканта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: корпусная лингвистика, русский язык, блогосфера, фразеосхема, тавтология, экспрессивный синтаксис, *такие*

для цитирования: Марьянчик В. А., Попова Л. В. *Блогеры такие блогеры*, или О новой фразеосхеме в русском языке // Русская речь. 2023. № 2. С. 70–82. DOI: 10.31857/S013161170025485-2.

благодарности: Авторы выражают благодарность команде Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ) за предоставленный доступ к материалам корпуса.

Issues of Modern Russian Language

Blogery Takie Blogery (Bloggers Are Such Bloggers), Or About a New Phraseoscheme in Russian

Victoria A. Maryanchik¹, Larisa V. Popova², Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Russia, Arkhangelsk), v.marjanchik@narfu.ru¹, plarisa20@mail.ru²

ABSTRACT: The article is devoted to a comparatively new structure in the language ‘*N1 takie N1*’ (*N1 such N1*), actively used in Internet communication. The study is based on the material from the General Internet Corpus of the Russian language. The structure is used mainly in blogs, in hashtags, in community names, that is, in Internet communication, which has a tendency to be excessively expressive and to save language resources. The article discusses structural properties of the phrase, the meaning of its permanent component ‘such’, the synonymy with other tautological constructions, semantics and frequency of nouns in position N1 and semantic and pragmatic features of the construction. The structure is defined as a new psvedvotautological phraseoscheme characterized by reproducibility, idiomaticity and evaluativeness. The phraseoscheme attributes typical, expected features to the subject. The connotative potential of the lexeme (of the noun) is the

basis of the evaluative meaning of the structure. It is the connotative meaning of the noun, and not its lexical and grammatical category, that affects the possibility of its using in this phraseoscheme. The specificity of the pragmatic meaning of the phraseoscheme is associated with the subject of evaluation, which forms the tone of the expression (affectionateness, jokiness, irony and mixed shades, for example, tenderness) and the communicative structure of the expression, appropriating the 'right' to be evaluated and taking a position of a more significant communicant.

KEYWORDS: corpus linguistics, Russian language, blogosphere, phraseoscheme, tautology, expressive syntax, *takoj (such)*

FOR CITATION: Maryanchik V. A., Popova L. V. *Blogery Takie Blogery (Bloggers Are Such Bloggers), Or About a New Phraseoscheme in Russian*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 2. Pp. 70–82. DOI: 10.31857/S013161170025485-2.

ACKNOWLEDGEMENTS: The authors express their gratitude to the Team of the General Internet-Corpus of Russian (GICR) for providing access to the content.

У

стойчивые синтаксические конструкции на основе тавтологии представляют собой яркое явление русского языка, преимущественно его разговорной стихии, которая отличается богатым арсеналом средств выражения модальных и субъективных смыслов. В разговорной речи модальные, оценочные, эмоциональные значения часто проявляются имплицитно или средствами грамматики, интонации, словорасположения, повтора. Повтор существительного в одинаковых или разных грамматических формах используется в ряде синтаксических устойчивых конструкций, или «фразеосхем» [Шмелёв 1960], например: **N1 как N1** (*Дети как дети; Дача как дача*), **N1 и N1** (*Платье и платье, ничего особенного*), **N1 есть N1** (*Работа есть работа*), **N1 всем N5 N1** (*Мать всем матерям мать!*), **N1 N5** (*Дурак дураком*), **N1 так N1** (*Уборка так уборка*), **N1 значит N1** (*Экзамен значит экзамен*), **N1 всегда N1** (*Война всегда война*), **N1 и в Африке N1** (*Воскресенье и в Африке воскресенье*) и др.

Все эти конструкции относятся к конструкциям экспрессивного синтаксиса, по сути, представляют собой избыточные ресурсы языка, все они имеют стилистическую окраску разговорности и обладают ярко выраженной оценочностью. Их востребованность опирается прежде всего на особую экспрессивность, а также отвечает принципу экономии речевых усилий, что характерно для разговорной речи.

Наш исследовательский интерес обращен к новой конструкции типа *Девочки такие девочки, Питер такой Питер, Море такое море, Блогеры такие блогеры*, активно используемой в современной интернет-коммуникации, конкретнее в блогосфере. Активность данной модели обусловлена не только ее значением, несколько отличающимся от значения сходных фразеосхем, но и наличием в ее составе слова *такой*, частотность употребления которого в современной речи отмечена многими исследователями [Саюткова, Воейкова 2010; Сулимова, Шклярчук 2021]. Заметим, что местоимение *такой* может использоваться и в единственном, и во множественном числе. Выбор конструкции со множественным числом в качестве исходной формы для анализа обусловлен семантикой типичности, стереотипности признаков группы лиц или предметов. Можно ли считать модель *NI такие NI* новой фразеосхемой, или она является функциональным вариантом одной из имеющихся устойчивых синтаксических конструкций?

Материал исследования

При исследовании новых языковых явлений данные классических корпусов оказываются недостаточными. В этом случае неоценимую пользу в поиске и обработке материала оказывают «неклассические» корпуса, значимость которых отмечается исследователями [Пиперски 2020]. В качестве материала для исследования мы используем данные Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ).¹ Большую часть примеров составили высказывания из Живого журнала и сети ВКонтакте (2010–2015 гг.). Получено и проанализировано свыше 2000 примеров исследуемой конструкции.

Семантика конструкции

В силу относительной новизны конструкции мы не нашли подробного, детального описания ее семантики, конструкция не отмечена в «Русской грамматике — 80», не включена в «Синтаксический фразеологический словарь русского языка» [Меликян 2013].² В данной статье представлена попытка интерпретации семантики конструкции, ее частных значений

¹ Поиск по запросу «*Девочки такие девочки*» в НКРЯ не дал ни одного результата, тогда как в ГИКРЯ по этому же запросу получено 399 употреблений (ЖЖ) и 715 употреблений (ВК).

² Отметим, что в данные Русского Конструктикона внесены конструкции с повтором и словом *такой*: *Леди такая леди; Она такая девочка-девочка* [Bast, Radovan, Anna Endresen, Laura A. Janda, Marianne Lund, Olga Lyashevskaya, Daria Mordashova, Tore Nettet, Ekaterina Rakhilina, Francis M. Tyers, Valentina Zhukova. 2021. The Russian Constructicon. An electronic database of the Russian grammatical constructions. Available at: <https://constructicon.github.io/russian/>].

на основе компонентного анализа составляющих, анализа контекста, а также языковой интуиции авторов.

В единственной найденной нами статье, посвященной данной конструкции с местоимением в форме множественного числа (*такие*), дается следующая формулировка ее значения: «подчеркивание характерных, стереотипных, как правило поведенческих, черт группы лиц в сочетании с различными эмоционально-оценочными оттенками» [Кротова, Пермякова 2017: 241]. Однако в данном определении конструкция ограничена характеристикой человека, при том что материал ГИКРЯ демонстрирует семантическое разнообразие существительного, а также использование форм не только единственного, но и множественного числа.

Можно выделить несколько составляющих, определяющих общее значение конструкции:

а) конвенциональное значение конструкции, основанное на типовом значении исходной свободной модели предложения, а также на значении постоянного компонента, выступающего в роли частицы-связки;

б) семантика именного компонента, его коннотативное значение, в том числе и фоновые знания;

в) контекст или ситуация, позволяющие выявить прагматическое и оценочное значения. Поскольку иллюстративный материал связан в основном с блогосферой, важно учитывать и мультимедийность блога (картинки, фотографии, видеофайлы и др.).

Основой для данной конструкции послужила свободная модель предложения со значением характеристики (N1 cop N1), в которой слово *такой* выполняет функцию частицы-связки со значением интенсификации признака. Позицию сказуемого в свободной конструкции без тавтологии занимает оценочное слово — существительное или прилагательное: *Девочки такие красавицы, умницы, паиньки, лапочки* и пр.; *Девочки такие милые, смешные, забавные, глупые* и пр.

Если в свободной конструкции характеристика субъекта опирается на лексическое значение слова в позиции предиката, то в тавтологической фразеосхеме учитывается прежде всего «коннотативный потенциал» (Ю. Д. Апресян) лексемы. Кроме того, возможность использования в позиции предиката не только оценочных существительных, но и, например, существительных с референцией к классу предметов/лиц приводит к а) изменению значения местоимения и б) формированию идиоматического значения конструкции. Это значение можно сформулировать так: предмет определяется как проявляющий типичные, ожидаемые от него признаки.

Экспрессивность конструкции заключается в некотором эффекте обманутого ожидания, поскольку адресат получает не прямую оценку субъекта,

а, скорее, указание на какие-либо коннотации, связанные с определяемым субъектом. Ю. Д. Апресян пишет, что при интерпретации тавтологий «эксплуатируется коннотативный потенциал лексемы, заполняющей переменную» [Апресян 1995: 167]. Значение конструкции *Девочки такие девочки* в некоторой степени синонимично значению фразеосхемы *Дети есть дети*. Значение обеих моделей можно отнести к «псевдотавтологии» (Ю. Д. Апресян), поскольку в них сообщается о качестве, свойстве предмета.

Лексико-грамматические характеристики конструкции

Конструкция состоит из трех компонентов, первый и третий компонент представлены одной лексемой — именем существительным в именительном падеже. Лексически устойчивый, синтаксически обязательный компонент — местоимение *такой* — занимает позицию между двумя именительными падежами.

Данные ГИКРЯ не позволяют говорить о временной парадигме конструкции, о ее распространении детерминантами. Темпоральное значение конструкции можно определить как настоящее расширенное, или постоянное. Отмечены немногочисленные случаи атрибутивного распространителя при первом компоненте (*Горные поэты такие поэты, Эти коты такие коты*) и обстоятельственного распространителя предиката (*Девочки всегда такие девочки, Девочки иногда такие девочки*). В отличие от фразеосхем *Парень как парень*, конструкцию нельзя использовать в позиции сказуемого (ср. *Он — парень как парень*), поскольку сохраняется синтаксическая расчлененность — «субъект и его признак». Однако возможна реализация данной конструкции с вынесенным топилом — существительным — и последующей заменой на местоимение: *Глобализация — она такая глобализация; Мальчишки конечно тоже хорошо, но девочки — они такие девочки ... это конечно разные миры — мальчишки и девчонки*).

В таком варианте обнаруживается сходство с конструкцией разговорного синтаксиса с именительным темы, выполняющим функцию актуализации члена высказывания. Именительный темы интонационно отделен от последующего высказывания, что передается на письме тире или запятой. Сравним с примерами без тавтологии: *А печь, она присмотрю любит; опоздал домой — глядь, она и погасла; Мышь — она тварь глупая, ей самой интересно; Теща, она тяжелая, грузная* (все примеры из текстов Т. Толстой).

Похожее значение выражается во фразеосхеме со связкой *и есть*: *Ваня, он и есть Ваня: медом не корми, дай вылупиться* (В. Шукшин); *Псих, он и есть псих, — подводит итог этой истории Табаки* (М. Петросян); *Сапон он и есть Сапон. Вообще не понимаю фотоаппаратов от Sony* (ЖЖ).

Значение компонента *такой*

Местоимение *такой* в конструкции обнаруживает экспрессивно-оценочные смыслы: гиперболизация или типизация, усреднение признака. При особой интонации местоимение проявляет значение, близкое к значению восклицательных частиц *как* — *какой*, *так* — *такой*: *Вы только подумайте, она такая хозяйка! Вс--то трудится, деточка, все трудится!* (М. Рошин). П. А. Лекант квалифицирует сочетания частиц *какой*, *как*, *такой*, *так* с «полными» словами с оценочной семантикой как «особую синтаксическую форму — интенсив, которая определяет субъективную окраску высказывания» [Лекант 2010: 59].

Поскольку в данной конструкции редко встречаются существительные с оценочной семантикой, возникает некий диссонанс в сочетании интенсива *такой* с семантикой существительного (конкретного, безоценочного, собственного). Это приводит к актуализации в местоимении типизирующей функции: «усреднение», возведение к типу, «активизация общих представлений о качествах предмета» [Сатюкова, Воейкова 2010: 201]. Актуализация этой функции зависит от интонации и логического ударения и во многом определяет эмоционально-оценочное значение всей конструкции.

Сохранение значение интенсива при существительных без оценочной семантики возможно при особой интонации: *Такие дети, такие дети!.. Царем не надо быть, когда бог благословит такими детьми...* (Д. Айзман); *Это девочка такая, прямо девочка такая, в общем девочка такая, ей уже пять лет!* (Стихи.ру).

Семантика именного компонента

Фразеологизация модели предполагает максимальную свободу наполнения ее переменных компонентов, однако в отношении тавтологических моделей высказываются замечания о типичности в их составе существительного с коннотативным значением [Апресян 1995: 167]. Собранный материал демонстрирует не одинаковую частотность существительных различных лексико-семантических разрядов, что, возможно, не позволяет говорить о свободе наполнения конструкции. Наши наблюдения показали: а) наиболее частотными являются примеры, обозначающие человека (*девочки, мальчики, мамочки, папы, студенты* и др.), животных (*котики, пёсики* и др.); б) менее активны неодушевленные существительные (*лето, зима, море, ночь, утро, работа, война, экзамены* и др.), в том числе отвлеченные (*любовь, счастье, наука* и др.); в) встречаются примеры с именами собственными (*Америка, Сочи, Турция, Пушкин, Ленин* и др.); г) единичные примеры включают конкретные существительные, лишённые оценочной семантики (*колонны, могила* и др.).

Такие результаты могут быть объяснены не лексико-грамматическим значением существительного, а его «коннотативным потенциалом». Так, примеры с конкретными существительными (*Колонны такие колонны, Дом такой дом, Машины такие машины, Посуда такая посуда*) осмысляются адресатом, но «это происходит на гораздо более субъективной основе, чем в случае узаконенных языком коннотаций» [Апресян 1995: 167]. Пониманию значения конструкции помогают контекст или средства визуализации (картинки, фото). Можно предположить, что лексическое значение существительного не является ограничением, так как главную роль играет идиоматическое значение фразеосхемы.

Прагматические значения конструкции

В целом перед нами оценочное высказывание, эксплицитная структура которого включает облигаторные компоненты — объект оценки и оценочный предикат. Основная функция данной фразеосхемы в речи — дать оценку, аксиологически категоризировать действительность. Однако контекстная семантика, прагматические функции высказывания зависят а) от лексического наполнения и б) от логического ударения и интонации.

В высказываниях с оценочной лексикой (*Преступники такие преступники; Воры такие воры; Красавицы такие красавицы* и др.) при логическом ударении на существительное актуализируется оценочная сема, входящая в структуру значения слова. Например: *С другой стороны, психи такие психи, и необходимо их все-таки контролировать*. В семантической структуре слова *псих* выделяем пейоративные семы: «Психически неуравновешенный или психически больной человек» [Ожегов]. Пейоративные семы актуализируются в предикате и определяют оценочную рамку высказывания (по Е. М. Вольф): «Они *психи* — и это плохо». В этом случае семантика местоимения *такие* приближается к значениям прилагательного *настоящий* ‘образцовый, наиболее полно показывающий, каким должен быть объект данного класса’ или ‘подлинный, действительный, не поддельный’.

Или: *Оно мне улыбалось и, кажется, радовалось. Счастье такое счастье. Такое яркое и доброе*. В семантическую структуру существительного *счастье* включены мелиоративные семы: «Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения... *Успех, удача*» [Ожегов]. Эти семы формируют оценочную рамку высказывания.

Пейоративное значение лексемы не исключает положительной эмоциональной окраски высказывания, что подтверждается непунктуационными знаками: *...а им никак, все равно им, пока жизнь не перемелет. Дураки такие дураки :).*

Частотность употребления слов с нейтральной/нулевой оценочностью гораздо выше. Это имена неодушевленные (*интернет, водка, пиво, кино, школа, работа, учёба, море, зима, лето, ночь, утро*), одушевленные со значением лиц (*дети, мамы, папы, бабушки, дедушки, мужчины, мальчики, девочки, девушки, женщины, студенты, медики, филологи, поэты, русские, американцы, японцы*) и животных (*котики, пёсики, коты, панды*).

Более ярко выражена оценка в высказываниях с уменьшительно-ласкательными формами: *Котики такие котики; Бабушки такие бабушки* и т. п. Оценочная категоризация ряда высказываний основывается на скрытой комплементарной антонимии: *Девочки такие девочки; Мужчины такие мужчины*.

В большинстве случаев оценочное значение слов реализуется в результате актуализации коннотативных сем или ассоциаций в контексте фразеосхемы. Например: *Филологи такие **филологи**. Все люди как люди, а они — филологи!* Ассоциации, связанные с объектом аксиологической категоризации: 'странные, не похожие на обычных людей'. Или: *Типа немецкие бомбометы на фоне заката. Так их, конечно, никогда не ставили, ибо на такой позиции их уничтожить легко. Но кино такое **кинó**.* Ассоциации, мотивированные текстом: 'сфера, требующая нестандартных решений'.

В структурах с безоценочной лексикой на первый план выходит функция типизации, усреднения, местоимение *такой* транслирует соответствующее значение: 'типичные филологи', 'типичное кино'.

При ином логическом ударении высказывание меняет смысл и стилистическое задание: *Психи **такіе** психи; Филологи **такіе** филологи и др.* В ударной позиции местоимение *такой*, как говорилось выше, выполняет функцию интенсификатора. В этом случае оценочное значение усиливается даже в случае амбивалентности и имплицитности оценки. Отметим, что логическое ударение в нашем материале не подсказывается однозначно контекстом и зависит от интерпретации адресата.

Особый интерес представляют используемые в фразеосхеме имена собственные: (*Москва, Сочи, Крым, Питер, Петербург, Россия, Америка, Архангельск, Пушкин, Достоевский, Ленин, Путин, Фрейд, Навальный, Наташи*). Очевидно, что использование онимов в конструкции зависит от прецедентности имени. В материале встречаются социально-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены (классификация по [Красных 2003: 173]). Прецедентное имя представляет собой «сложный знак, при употреблении которого происходит апелляция к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [Красных 2003: 198]. В. В. Красных утверждает, что невозможно представить полный набор дифференциальных признаков прецедентного имени. Аксиологический

механизм высказывания основан на актуализации оценочного признака или оценочно-эмотивной ассоциации.

Имя собственное сохраняет полную референтность в первой позиции и утрачивает ее в позиции предиката, где на первый план выходят характеристики, известные говорящему и адресату — фоновые знания о предмете речи. Общеизвестные признаки могут быть связаны с предметным/вещным миром (*Питер такой Питер. Питерские крыши. Исаакий в лесах*), с состояниями (*то снег, то солнце, то дождь, ну в общем питер такой питер; Питер такой Питер. Опять приболеть и опять дождь*), с пространственными/размерными характеристиками (*Америка такая Америка. Одноэтажная и до горизонта*), с типичными привычками и поведением (*Америка такая Америка :))*) *Тут и правда в машинах слушают трансляции матчей; ...запретила своей маленькой дочке петь на школьном утреннике песню «Артиллеристы, Сталин дал приказ». В песне, правда, имя Сталина убрали. Но она всё равно запретила, потому что Сталин такой Сталин*).

В некоторых случаях фоновые знания о предмете речи являются довольно сложными, неделимыми «ощущениями, впечатлениями», то есть имеют гештальтную природу, например: *И дело тут не в Бараке Обаме. Америка такая Америка; Ну что вы, ничего личного. Просто Фрейд такой Фрейд, понимаете ли*. Хотя и в этом случае выделяются семантические доминанты, см.: Америка — традиции, привычки, Фрейд — учение, основные постулаты. В позиции заголовка такие высказывания выполняют проспективную функцию, то есть предлагают адресату выявить дифференциальные признаки прецедентного имени, актуализируемые в тексте (см. заголовок *Архангельск такой Архангельск*).

В случае использования в конструкции непрецедентного имени оним выполняет метонимическую функцию. См. заголовок к публикации: *Эти Наташи такие Наташи* — о типичном поведении некоторых девушек в определенной социальной ситуации. Антропоним выступает знаком этноса.

В материалах корпуса есть случаи последовательного контактного употребления фразеосхем, что говорит о том, что конструкция является способом презентации особого когнитивного стиля, способа восприятия и отражения мира: *ох, Фрейд такой Фрейд, Фрай такой Фрай...; от того, что старшина такой старшина, Навальный такой Навальный, а сапчак такая сапчак, нездоровая суть не меняется...* В последовательной конструкции особенно ощутима эмотивная семантика высказывания: говорящий принимает ситуацию такой, как она есть. Подобные «фразеологизированные цепочки» с тавтологическими фразесхемами определяются как стилистический прием [Золотарева, Окатова 2021: 16].

Специфика прагматического значения фразеосхемы, в состав которой входят одушевленные существительные, связана с обязательным компонентом в структуре оценочного высказывания — с субъектом оценки. В подобных конструкциях субъект формирует: а) тональность высказывания (ласкательность, шутливость, ироничность и смешанные оттенки, например умиление); б) коммуникативную структуру высказывания, поскольку субъект сообщает адресату информацию о лице, присваивая себе «право» оценки и занимая позицию более статусного коммуниканта. В результате выстраивается с лицом (объектом оценки) суперстандартная коммуникация, которая ведет к увеличению коммуникативной дистанции «по вертикали», а с адресатом — субстандартная коммуникация, нацеленная на сокращение дистанции (термины — по В. И. Карасику). Рассмотрим пример контекста: *...батарейки вставляются в пластмассу. И как они должны работать? Китайцы такие китайцы.* Говорящий позволяет себе оперировать негативными этностереотипами, при этом оценку имплицитно — не использует прямых пейоративов, следовательно, удерживает коммуникативную дистанцию с объектом оценки (*китайцы*). В контексте эксплицируется общность картины мира говорящего и адресата, близость их точек зрения — с помощью не только рассматриваемой конструкцией, но и риторического вопроса. Такая прагматическая структура отсутствует в близких фразеосхемах, ср.: *Кино такое кино и Кино как/есть кино, Филологи как/есть филологи и Филологи такие филологи.*

Выводы

Исследуемый материал дает основание говорить о новой псевдотавтологической фразеосхеме, обладающей признаками воспроизводимости, идиоматичности, экспрессивности. Отметим ее преимущественное использование в блогах, в хештегах, в названиях сообществ, то есть в интернет-коммуникации, тяготеющей к экспрессии при экономии языковых средств. Основным значением конструкции является оценка, заключающаяся в категоризации/типизации предметов и их свойств и опирающаяся на коннотативное значение существительного. Последнее может быть закреплено в речи, а может возникать в контексте, подкрепляться экстралингвистическими средствами. Считаем, что данная модель требует дальнейшего изучения, поскольку отличается активностью, продуктивностью, проникновением в разговорный и художественный стили. Кроме того, требуют описания и варианты данной модели, например *Белые зубы такие белые, Саратовские актеры такие саратовские.*

Источники

ГИКРЯ — Генеральный интернет-корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/> (дата обращения: 20.02.2022).

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/193922> (дата обращения: 20.02.2022).

Литература

Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды: в 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 156–178.

Золотарева Л. А., Окатова Н. Т. Текстовые реализации фразеосхемы «N1-6 + так + N1-6» в публицистическом и художественном дискурсах // Научный диалог. 2021. № 1. С. 9–28.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.

Кротова А. Г., Пермякова Т. Н. «Фразеологизмы такие фразеологизмы»: фразеосхемы в интернет-коммуникации // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции, Москва, 08–09 февраля 2017 года / Российский университет дружбы народов. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2017. С. 238–244.

Лекант П. А. Интенсив — это форма или конструкция? // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. № 1. С. 57–60.

Меликян В. Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. М.: Флинта, 2013. 400 с.

Пиперски А. Ч. Русский язык и корпусное разнообразие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции, Москва, 17–20 июня 2020 года / Российский государственный гуманитарный университет. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2020. С. 615–627.

Сатюкова Д. Н., Воейкова М. Д. Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2010. Т. 6. № 2. С. 184–224.

Сулимова Т. С., Шклярчук Е. Я. Об особенностях совместного употребления единиц *такой* и *чисто* в русской устной речи // Мир русского слова. 2021. № 2. С. 45–52.

Шмелёв Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.

References

- Apresyan Yu. D. [Connotations as part of the pragmatics of the word]. *Izbrannye trudy. T. II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works: Vol. II. Integral description of language and system lexicography]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1995, pp. 156–178.
- Krasnyh V. V. "Svoi" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? ["Own" among "strangers": myth or reality?]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 375 p.
- Krotova A. G., Permyakova T. N. ["Phraseological units are such phraseological units": phraseoschemes in Internet communication]. *Russkii yazyk v Internetе: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura: sbornik statei I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Moskva, 08–09 fevralya 2017 goda* [Russian language on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles of the I International Scientific and Practical Conference, Moscow, February 08–09, 2017]. Moscow, RUDN Publ., 2017, pp. 238–244. (In Russ.)
- Lekant P. A. [Intensive – is it a form or a construction?]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2010, no. 1, pp. 57–60. (In Russ.)
- Melikyan V. Yu. *Sintaksicheskii frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Syntactic phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., 2013. 400 p.
- Piperski A. Ch. [Russian language and corpus diversity]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva, 17–20 iyunya 2020 goda* [Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the annual International Conference, Moscow, June 17–20, 2020]. Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2020, pp. 615–627. (In Russ.)
- Satyukova D. N., Voeikova M. D. [Features of the functioning of the pronoun "such" in oral colloquial speech]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Metropolitana. Proc. of the Institute of Linguistic Research]. 2010, vol. 6, no. 2, pp. 184–224. (In Russ.)
- Shmelev D. N. [On "related" syntactic constructions in the Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1960, no. 5, pp. 47–60. (In Russ.)
- Sulimova T. S., Shklyaruk E. Ya. [On the peculiarities of the joint use of such and purely units in Russian oral speech]. *Mir russkogo slova*, 2021, no. 2, pp. 45–52. (In Russ.)
- Zolotareva L. A., Okatova N. T. [Text of the implementation of freesociety "N1-6 + so + N1-6" in journalistic and literary discourses]. *Nauchnyi dialog*, 2021, no. 1, pp. 9–28. (In Russ.)

Из истории русского языка

Щёголь и щан в русском фольклоре

Мария Александровна Бобунова, Курский государственный университет (Россия, Курск),
bobunova61@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170025486-3

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются наименования модников в русском фольклоре. Материалом описания выбраны тексты онежских былин, исторических песен и необрядовой лирики, записанной в разных регионах России в XIX в. С опорой на лексикографические материалы составлены и проанализированы списки слов, именующих модников и модниц, в разных фольклорных жанрах. Отмечено, что наибольшим разнообразием отличается перечень лексем в лирических песнях, центральное место в котором занимает существительное *щеголь*. Это слово является вершиной развернутого словообразовательного гнезда, в котором зафиксированы диалектные и специфически фольклорные слова. Показано, что в онежском эпосе модно одетого человека чаще называют *щаном*, а щегольство характерно для двух былинных героев — Чурилы и Дюка, соперничающих друг с другом. Подобная сюжетная обусловленность характерна и для исторических песен, где лексемы, называющие модного человека, встречаются исключительно в текстах XVII века о сыне Стеньки Разина. В статье отмечаются особенности употребления анализируемого пласта слов и выявляются наиболее частотные конструкции. Делается вывод о наличии общежанровых, межжанровых и специфически жанровых особенностей в употреблении лексики, называющей и характеризующей модников в устном народном творчестве, и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наименования модников, язык фольклора, былина, историческая песня, лирическая песня, жанровая специфика

для цитирования: Бобунова М. А. *Щёголь и щап* в русском фольклоре // Русская речь. 2023. № 2. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013161170025486-3.

From the History of the Russian Language

“*Shchyogol*” and “*Shchap*” in Russian Folklore

Maria A. Bobunova, Kursk State University (Russia, Kursk), bobunova61@mail.ru

ABSTRACT: The article describes denominations denoting dandies in Russian folklore. The research is based on texts of Onega epics, historical songs and non-ritual lyrics recorded in different regions of Russia in the 19th century. We compiled and analyzed lists of words denominating dandies and fashionistas in different folklore genres based on the lexicographic materials. The article demonstrates that the corpus of the lyrical songs in comparison with the other sources contains the greatest variety of lexemes under analysis, in which the noun *shchyogol* takes the central place. This word is the head of the expanded word-formation socket, comprising dialectal and specific folklore words. It is illustrated that in the Onega epics a fashionably dressed person is often called *Shchap*, and dandyism is characteristic of two epic heroes — Churila and Dyuk, who compete with each other. A similar plot connection is typical of historical songs, where lexemes denominating a fashionable person are found exclusively in the 17th century texts about Stenka Razin’s son. The article notes the usage features of the analyzed type of words and identifies the most frequent constructions. The author concludes about the existence of the general genre, intergenre and specific genre features in the usage of vocabulary that names and characterizes dandies in oral folklore art, and outlines prospects for further research.

KEYWORDS: words denominating dandies, folklore language, bylina, historical song, lyric song, genre specifics

FOR CITATION: Bobunova M. A. “*Shchyogol*” and “*Shchap*” in Russian Folklore. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2023. No. 2. Pp. 83–93. DOI: 10.31857/S013161170025486-3.

В русском языке есть немало слов для наименования людей, любящих наряжаться. В «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой, вышедшем в середине XX в., в синонимический ряд с доминантой *щеголь* включены существительные *франт; модник, ферт, пижон, стилиага* (разг.); *форсун* (прост.); *нетиметр, денди* (устар.) [Александрова 1968: 595]. В словарях XXI века этот ряд заметно расширен за счет слов разных стилистических пластов. Так, в электронном словаре синонимов В. Н. Тришина в данном ряду 30 существительных, среди которых *выпендрёжник, дамуазо, модерняга, смазень, фуфыра* и др. [Тришин].

Лингвисты уже обращались к указанному пласту лексики, интересуясь происхождением слов, вербализующих образ модника в русском языке XVIII–XXI вв. [Березовский 2015], динамическими процессами в «щегольской лексике» [Иванов 2003], значением и эмоционально-экспрессивной окраской отдельных слов [Добродомов 2002; Ефремов 2009] и др.

Целью нашего исследования стало описание наименований модников в устном народном творчестве. Учитывая то, что русский фольклор отличается жанровым разнообразием, материалом данной статьи мы выбрали тексты онежских былин [ОБ] и необрядовой лирики, записанной в разных регионах России в XIX в. [НЛ]. Кроме того, привлекались тексты исторических песен [ИП] — переходного от эпики к лирике жанра [Путилов 2003: 174]. Отбор же конкретных источников обусловлен авторитетностью данных изданий.

С опорой на подготовленные нами лексикографические материалы (алфавитные словники, частотные словари и лексикографические комплексы — см., например: [Бобунова 2003, 2019]) мы составили списки слов, именующих модников и модниц, в разных фольклорных жанрах. Как оказалось, наибольшим разнообразием отличается перечень лексем в лирических песнях, центральное место в котором занимает существительное *щеголь*.

*Ах ты, щеголь, щеголь молодой,
Спобывай-бывай в гостях у меня!* (НЛ, 4, № 349).

*Тем я, девица, счастлива,
Что я щеголя любила.
По походке очень статен,
По природе деликатен* (НЛ, 4, № 83).

В необрядовой лирике указанное существительное является вершиной развернутого словообразовательного гнезда, в котором представлены слова разной частеречной принадлежности:

- существительные, именующие конкретных лиц и их совокупности (*щеголек, щеголюшка, щеголиха, щеголье, подщegoльье*):

*Полюблю я с того с горюшка-досады
Расхорошаго себе молодца,
Расхорошаго себе, распригожаго,
Я Иванушку люблю **щеголька!** (НЛ, 2, № 157);
Черной шляпою махает,
Молодцов сокликает:
«Молодцы разхавецкие,
Щеголье сиделевские! (НЛ, 2, № 221);*

- прилагательные (*щегольской, щегольливый, щеглеватый*):

*Поцелую я иную,
Хорошую-баскую,
Деревенску **щегольскую,**
При ленте голубой... (НЛ, 5, № 47);
Уж как шли-прошли два молодчика,
Оба холосты, не женатые,
Парни бравые, **щеглеватые** (НЛ, 2, № 203);*

- наречия (*щегольно*):

*Ты велишь ли, моя радость,
Щегольно ходить? (НЛ, 5, № 280);*

- глаголы (*щеголять*):

*Наряжаемся обрядно,
Щеголяем, как хотим (НЛ, 6, № 162).*

Обратим внимание на то, что в указанном словообразовательном гнезде зафиксированы диалектные и специфически фольклорные слова, например: *подщegoльье* ‘щеголь’ [Сороколетов (гл. ред.) 1994: 260], *щегольливый* (в словаре В. И. Даля указана краткая форма женского рода со специальной пометой: *щеголли́ва, нес.* [Даль 2000: 652]).

*Не сповыбрали родители,
Не сповыбрали сердечные
Мне-ка **щеголя** московскаго,
Да **подщegoля** вытегорскаго (НЛ, 4, № 92).*

В литературном языке используются наречия *щегольскі́* и *щеголева́то*, что подтверждают материалы НКРЯ, где не встретилось ни одного примера со словом *щегольно* [НКРЯ], что, вероятно, говорит об ограниченной сфере его употребления.

Красну девицу любить — щегольно ходить (НЛ, 4, № 380).

Своеобразие фольклорных лексем проявляется в их синтагматических связях, которые позволяют уточнить семантику слова. Так, прилагательное *щегольской/щегольский* в народной лирике используется для описания плавной походки:

*Такого дружка мне во веки не забыть,
Мне не возрастом, ни ростом, дева, красотой
И молодецкой его поступи, модной, щегольской...* (НЛ, 5, № 145).

В этом случае указанное слово оказывается синонимом прилагательного *модный* со специфически фольклорной семантикой: 'Фольк. Плавный, красивый (о походке)' [Филин (гл. ред.) 1982: 198].

Если слова с корнем *щегол-* были зафиксированы в песнях, записанных в разных областях России, то существительные с корнем *форс-* (*форсун*, *форсяк*, *форсотá*) встретились только в лирике северных регионов (Вологодская и Олонецкая губернии).

*Нажила я себе мужа **форсяка**:
Не умеет запоясать кушака!* (НЛ, 2, № 429).
*Мой-то миленький **форсун** таки, **форсун**:
На нем шапочка форменная,
И жилеточка суконенькая* (НЛ, 4, № 92).

Заметим, что в анализируемых песенных текстах не было выявлено ни одного словоупотребления существительного *модник*, в то время как для характеристики лица женского пола в песнях Поволжья используется слово *модница*.

*Родился малешенек,
Женился глупешенек,
Взял жену **модницу**,
Посадил во горницу...* (НЛ, 3, № 446).

Обратимся к текстам других фольклорных жанров, где тоже выявлены лексемы, называющие модников. В онежском эпосе низкочастотное слово *щеголь* идиолектно маркировано, поскольку встречается только в былине, записанной от сказителя Рябинина (Кижь).

*Хвастает богатой золотой казной,
Золотой казной он безсчетною,
Щеголь хвастает одежей драгоценною,
Сильный хвастает-то силушкой великою,
Иной хвастает богатырь добрым конем* (ОБ, 2, № 81).

Значительно чаще модно одетого человека в онежском эпосе называют *цапом* ‘щеголь, франт, нарядный и причесанный напоказ’ [Даль 2000: 651]. Это существительное не входит в словники современных словарей синонимов и не фиксируется в НКРЯ. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера у слова *цап* указано два значения: ‘щеголь’ и ‘зарубка на дереве’. По мнению автора словаря, первое значение «относится к ряду смысловых переходов “дерево” ~ “человек”» [Фасмер 1987: 496].

Щапство/щегольство характерно для двух былинных героев — Чурилы и Дюка, которые соперничают друг с другом.

*И дават ёму Владимир столно-киевской
Самолучшего ёму богатыря,
А й того Шурилу цапа Пленкова (ОБ, 3, № 213).*

В онежском эпосе выявлен целый ряд однокоренных слов: *цап*, *ца́пить* ‘щеголять напоказ, франтить’ [Даль 2000: 651], *ца́пливый* ‘стар. щегольский, нарядный’ [Там же], *ца́пство* ‘щегольство, роскошь, и самые наряды’ [Там же], *цапё*, *выца́пливать*, *переца́пить* ‘Фольк. Взять верх над кем-либо, превзойти кого-либо’ [Сороколетов (гл. ред.) 1991: 279–280], *поца́пка* ‘1. Щегольство. 2. Походка’ [Сороколетов (гл. ред.) 1997: 41], *проца́пить* ‘Провести какое-л. время красуясь, щеголяя, пощеголять’ [Сороколетов (гл. ред.) 1999: 55]. Большинство указанных лексем зафиксировано на территории Олонецкой губернии, что подтверждается территориальными пометами в диалектном словаре.

*Как занарядил Шурилу цапа Плёнкова
На три годину да ён **выцапливать**,
Он со Дюком тут ведь Степановичем
Ены стали ведь тут **цапить**-то есть.
А что деничек, то платье сменное,
И **процапили** оны тут два годичку (ОБ, 3, № 213).*

Обратим внимание на то, что для необрядовой лирики слова с данным корнем не характерны. Нам встретился лишь один пример использования прилагательного *цапливый* в олонечских песнях, записанных на той же территории, что и былины.

*Была Дунюшка **цаплива**,
Авдотьюшка щегольлива.
На рыночек выходила,
Туфельчки купила (НЛ, 5, № 47).*

Глагол *цапить* имеет синоним *бáсить* (*басить*) ‘Наряжаться; франтить’ [Филин (гл. ред.) 1966: 130]. Давно подмечено, что синонимические

сближения в фольклорном тексте служат средством уточнения значения как особого элемента усиления его [Евгеньева 1963: 264].

*И они стали **щапить-басить** по три года,
Прощапили пробасили они три года* (ОБ, 3, № 230).

Для онежского эпоса характерны и другие синонимические конструкции: *щапство* — *щегольство*, *щапливый* — *щеголивый*, *поступка* 'поступь, шаг' [Сороколетов (гл. ред.) 1996: 244] — *походка* — *пощапка*.

*Я бы знала молодца как воспроиздети тебя, –
А й **щапством щегольством** в Чурилу Пленковича* (ОБ, 3, № 215).
*А й **щапливы щеголивы** в Ярослави городи* (ОБ, 1, № 60).
*И наш Чурилушко **щапливее**,
Наш Чурило **щогольливее*** (ОБ, 3, № 230).
***Поступком походкою пощапкою**
Противо-то Чурилки щапа Плёнкова* (ОБ, 1, № 60).

В онежском эпосе создан яркий образ Чурилы Пленковича — типичного щеголя, былинного красавца, сводящего с ума женщин разного возраста.

***Ходил-щапил** по городу по Киеву,
Красные-те девки ведь стёкла рвут,
Смотрючись да на Чурилкову на красоту,
На ево ли на дороднее дородинство.
Молоды молодки в голенища ...
Старые старухи ведь клюки-те грызут,
Смотрючись да на Чурилкову на красоту,
На ево ли на дороднее дородинство* (ОБ, 3, № 309).

Не случайно щегольство Чурилы становится своеобразным былинным эталоном в ряду других достоинств богатыря: сила, красота, смелость, богатство, премудрость.

*Как бы я могла тебя спородить молодца
Силою в Самсоница сильняво,
Красотою я в Осипа прекрасново,
Смелостью в Илеюшку Муромча,
Богачеством в Дюка Степановича,
Пощапкой в Чурила сына Плёнковича,
Премудростью в Соломона премудрого,
Кудрями в царица Кудреяница, –
Такова-то тебя, дитяtko, Господь да спородил* (ОБ, 3, № 306).

Как видим, в онежском эпосе слова, именующие модника, сюжетно обусловлены. Подобная сюжетная связь характерна и для исторических

песен. Как оказалось, лексемы, называющие модного человека, встречаются исключительно в текстах XVII века о сыне Стеньки Разина, единомышленнике донского казака — предводителя восстания 1670–1671 гг. Этот безымянный персонаж в исторических песнях именуется по-разному: *незнакомый, незнаемый, незнакомой/незнамый, нежданной, чуж-незнаем человек, детина, детинушка, молодчик, парень, добрый молодец, размальчишечка.*

*В городе-то было во Астрахане
Проявился детина незнакомой человек.
Он **щеголем** по городу похаживает,
Черный бархатный кафтан наразмашечку надет,
Черна шляпа пуховая на его русых кудрях,
Свой персидский кушачок во правой руке несет (ИП, № 183).*

В песнях с разной степенью подробности описывается щегольский наряд данного героя: кафтан (халат, балахон, шуба, рубашка), кушак (опояска), штаны, шляпа (шапка, фуражоночка), сапоги, чулки, перчатки (перстянки).

*Баско, **щегольно** парень по городу погуливает,
Чернобархатный новой **кафтанчик** нараспашку его держит,
Семишелкова его **опоясочка** а по белым по грудям,
Новы зелен сафьяновы **сапожечки** а на резвых на ногах,
Белы лайковы его **перчаточки** и на белых его на руках,
Модна **шапка** его пуховая на русых его волосах (ИП, № 200).*

В исторических песнях нами зафиксировано два ряда лексем: с корнем *щегол-* (*щеголь, щеголем, щегольно*) и *щепет-* (*щепетко, щепетно, щепетом, щепетнехонько*). Характерной особенностью данного жанра является частое употребление наречий, особенно слова *щепетко*. В словаре Даля в статье ЩЕПЕТИТЬ ‘щеголять, франтить, модничать, одеваться и рядиться напоказ’ [Даль 2000: 655] представлено большое число производных слов, среди которых прилагательные *щепетный* и *щепеткий* ‘нарядный, щегольский; сшитый ловко, в обтяжку, нащапок’ [Даль 2000: 655], от которых образованы соответствующие наречия.

*Как во славном было городе во Астрахани
Проявился тут детинушка незнакомой человек.
Гордо, **щепетко** по городу погуливает,
Черну шляпу с позументом на правом ухе надел,
Черный бархатный кафтанчик нараспашечку несет,
А шелковый кушачок по землице волочет (ИП, № 219).*

Слова *щегольно, щепетко, щепетно* и *щепетнехонько* в большинстве случаев используются в рядах с другими наречиями: *баско щегольно, бодро*

щегольно, баско щепетко (щепетно), чисто щепетко (щепетно), шибко щепетко, гордо щепетко, щедро щепетно, щепетнехонько моднехонько и др.

*Как во славном было городе во Астрахани,
Во Астрахани,
Проявился там удал добрый молодец, добрый молодец.
Щепетнехонько и **моднехонько** он во городе
Поголуивает (ИП, № 230).*

Заметим, что в необрядовой лирике тоже были зафиксированы наречия *щепетно* и *щепетко/щипетко*, но встречаются они значительно реже, чем в исторических песнях.

*Она, шельма-расканалья,
Больно **щипетко** ходила:
По два мыла измывала,
По две юбки надевала,
По четыре душегрейки,
Чтоб не стыдно было красной (НЛ, 6, № 317).
Как из улицы в конец
Прошел добрый молодец,
Чисто-щепетко прошел,
Шляпу на ухе пронес (НЛ, 4, № 123).*

Таким образом, анализ лексики, называющей и характеризующей модников и модниц в устном народном творчестве, позволил выявить общезанровые, межжанровые и специфически жанровые особенности. Характерной общезанровой чертой является использование существительного *щеголь* и производных от него лексем, наличие диалектных и собственно фольклорных слов и похожих синтагматических связей совпадающих языковых единиц. Своеобразие же проявляется и в самом перечне выявленных лексем, и в частоте их употребления. Различия могут быть даже в пределах одного жанра, если тексты записаны на разных территориях, как лирические песни, или от разных сказителей, как былины, а также связаны с сюжетом, как исторические песни. Думается, что расширение материала исследования позволит уточнить сделанные выводы о жанровой и территориальной специфике языка русского фольклора и выявить новые доказательства единства фольклорного канона.

Источники

- ИП — Исторические песни XVII века. М.–Л.: Наука, 1966. 385 с.
НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].
URL: <http://www.ruscorpora.ru>

НП — Великорусские народные песни: в 7 т. / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб.: Гос. типография, 1895–1902. Т. 2–6 (при цитировании указывается номер тома и номер песни).

ОБ — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. 2-е изд. СПб., 1894–1900. Т. 1–3 (при цитировании указывается номер тома и номер былины).

Литература

- Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 600 с.
- Березовский К. С.* Обозначение модника в русском языке XVIII–XXI веков // Русский язык в школе. 2015. № 6. С. 70–74.
- Бобунова М. А.* Онежские былины: Частотный словарь. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. 90 с.
- Бобунова М. А.* Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Песни Курской губернии. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 286 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 4. 688 с.
- Добродомов И. Г.* Денди // Русский язык в школе. 2002. № 4. С. 77–81.
- Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 353 с.
- Ефремов В. А.* От мачо к метросексуалу и далее // Русская речь. 2009. № 4. С. 55–59.
- Иванов С. Л.* История щегольской лексики в русском языке XVIII–XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 281 с.
- Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.
- Сороколетов Ф. П.* (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 26. Л.: Наука, 1991. 350 с.; Вып. 28. СПб.: Наука, 1994. 399 с.; Вып. 30. СПб.: Наука, 1996. 384 с.; Вып. 31. СПб.: Наука, 1997. 432 с.; Вып. 33. СПб.: Наука, 1997. 361 с.
- Тришин В. Н.* Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS (свод общеупотребительной, специальной и заимствованной лексики с синонимическими рядами) [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-217-1.htm#zag-352231> (дата обращения: 18.06.2021).
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
- Филин Ф. П.* (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.–Л.: Наука, 1966. 315 с.; Вып. 18. Л.: Наука, 1982. 367 с.

References

- Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1968. 600 p.
- Berezovskii K. S. [Denomination of dandies in the Russian language of 18–19th centuries] // *Russkiy yazyk v shkole*, 2015, no. 6, pp. 70–74. (In Russ.)
- Bobunova M. A. *Onezhskie byliny: Chastotnyi slovar'* [Oneza bylinas: the frequency dictionary]. Kursk, Kursk State Univ. Publ., 2003. 90 p.
- Bobunova M. A. *Leksikograficheskii kompleks folklornykh tekstov: Pesni Kurskoy gubernii* [Lexicographic complex of folklore texts: the songs of Kursk region]. Kursk, Kursk State Univ. Publ., 2019. 286 p.
- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Live Great Russian language: In 4 vols.]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2000. Vol. 4. 688 p.
- Dobrodomov I. G. [Dandy] // *Russkii yazyk v shkole*, 2002, no. 4, pp. 77–81. (In Russ.)
- Efremov V. A. [From *macho* to *metrosexual* and further] // *Russkaya rech*, 2009, no. 4, pp. 55–59. (In Russ.)
- Evgeneva A. P. *Ocherki po yazyku russkoy ustnoy poezii v zapisyah XVII–XX vv.* [Sketches on the Russian oral poetry language recorded in 17–20th centuries]. Moscow–Leningrad, AN SSSR Publ., 1963. 353 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, Progress Publ., 1987. 864 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 2. Moscow–Leningrad, Nauka Publ., 1966. 315 p.; Iss. 18. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 367 p.
- Ivanov S. L. *Istoriya schegolskoy leksiki v russkom yazyke XVIII–XX vv.* Diss. kand. filol. nauk [The history of "dandy" lexics in the Russian language of 18–20th centuries. Kand. filol. sci. diss.]. Moscow, 2003. 281 p.
- Putilov B. N. *Folklor i narodnaya kultura; In memoriam* [Folklore and folk culture; In memoriam]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2003. 464 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 26. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 350 p.; Iss. 28. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 399 p.; Iss. 30. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 384 p.; Iss. 31. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 432 p.; Iss. 33. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 361 p.
- Trishin V. N. *Bol'shoj slovar'-spravochnik sinonimov russkogo yazyka sistemy ASIS (svod obshchepotrebitel'noi, special'noi i zaimstvovannoi leksiki s sinonimicheskimi ryadami)* [A large reference dictionary of synonyms of the Russian language of the ASIS system (a collection of common, special and borrowed vocabulary with synonym series)]. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-217-1.htm#zag-352231> (accessed 18.06.2021).

Из истории русского языка

Идеальный русский чиновник в зеркале законодательного языка и национальной культуры

Людмила Викторовна Попова, Миасский филиал Челябинского государственного университета (Миасс, Россия), mila_fil@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170025487-4

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается динамика официального образа государственного и муниципального служащего, отраженного в русском законодательстве XVIII и XXI вв. В историческом и современном образах выделены два слоя: профессиональные и морально-этические характеристики. Образ чиновника XXI в. включает семы 'образованный', 'опытный', 'старательный', 'объективный', 'законопослушный' и 'справедливый', 'порядочный', 'честный', 'доброжелательный', 'вежливый', 'заботливый'. Образ чиновника в законодательстве Петра I и Екатерины II содержит семы 'опытный', 'умный', 'рассудительный', 'покорный', 'верный', 'старательный', 'трудолюбивый', 'законопослушный' и 'справедливый', 'честный', 'совестливый', 'порядочный', 'скромный', 'человеколюбивый', 'доброжелательный', 'сострадательный', 'вежливый', 'бескорыстный'. В XXI в. количество профессиональных характеристик служащего сократилось в четыре раза, количество морально-этических характеристик почти не изменилось. Однако большинство исторических номинаций утрачено. Наблюдается замещение прежних синонимических рядов, гипонимических групп современными обобщающими словами, в том числе иноязычного происхождения, поэтому старые смысловые акценты практически не сохранились. Исторический образ служащего более выразительный, лично ориентированный, близкий к образу рядового добропорядочного человека. Современный образ служащего более абстрактный, стереотипный. При сохранении морально-этической ориентации эталонного образа служащего в XXI в.

этнокультурные константы «совесть», «правда», «справедливость», «добро», «покорность» утратили доминирующие позиции в нем. Целе-направленность речевого моделирования эталонного «должностного портрета» служащего сближает эпохи XVIII и XXI вв. Эпоху СССР можно считать перерывом в традиции формирования и поддержания репутации государственных и муниципальных служащих.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: законодательный язык, образ чиновника (государственного и муниципального служащего), рационально-оценочная коннотация, русская ментальность, сема, этнокультурный концепт

для цитирования: Попова Л. В. Идеальный русский чиновник в зеркале законодательного языка и национальной культуры // Русская речь. 2023. № 2. С. 94–105. DOI: 10.31857/S013161170025487-4.

From the History of the Russian Language

The Image of an Ideal Russian Official Reflected in the Legislative Language and National Culture

Lyudmila V. Popova, Miass branch of Chelyabinsk State University (Miass, Russia), mila_fil@mail.ru

АБСТРАКТ: The article presents how the image of a state and municipal employee, reflected in the Russian legislation of the 18th and 21st centuries has changed over the course of years. The article distinguishes main groups of characteristics in historical and modern images: professional and moral and ethical ones. The image of an official of the 21st century includes the semes 'educated', 'experienced', 'diligent', 'objective', 'law-abiding', 'fair', 'decent', 'honest', 'benevolent', 'polite' and 'caring'. The image of an official in the legislation of Peter the Great and Catherine the Great contains the semes 'experienced', 'intelligent', 'reasonable', 'obedient', 'loyal', 'diligent', 'hard-working', 'law-abiding', 'fair', 'honest', 'conscientious', 'decent', 'modest', 'philanthropic', 'benevolent', 'compassionate', 'polite' and 'selfless'. In the 21st century a number of professional characteristics of an employee has decreased by four times, whereas the number of moral and ethical characteristics has hardly

changed. However, most of the historical nominations have been lost. There is a replacement of the former synonymic rows, hyponymic groups with modern generalizing words, including those of foreign origin, so the old semantic accents have practically not been preserved. The historical image of an employee is more expressive, personally oriented, close to the image of an ordinary respectable person. A modern image of an employee is more abstract and stereotypical. While maintaining a moral and ethical orientation of the reference image of an employee in the 21st century ethno-cultural constants “conscience”, “truth”, “justice”, “goodness” and “obedience” have lost their dominant positions. The purposefulness of speech modeling of the “official portrait” of an employee brings together the 18th and the 21st centuries. The Soviet era can be considered a break in the tradition of building and maintaining the reputation of state and municipal employees.

KEYWORDS: legislative language, the image of an official (the image of a state and municipal employee), rational and evaluative connotation, Russian mentality, sema, ethno-cultural concept

FOR CITATION: Popova L. V. The Image of an Ideal Russian Official Reflected in the Legislative Language and National Culture. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 2. Pp. 94–105. DOI: 10.31857/S013161170025487-4.

*Профессору Людмиле Александровне Шкатовой — мудрому наставнику
и вдохновителю с благодарностью за веру и надежду.*

Отражение образа чиновника в русском языке проанализировано в ряде трудов на материале пословиц, художественных, публицистических текстов. Рассматривая лингвокультурный типаж «русский чиновник», В. И. Карасик констатирует его отрицательную оценочность: сопоставлены однокоренные лексемы и синонимы, выражающие осуждение высокомерия чиновников, их равнодушия к людям, карьеризма, кастовой замкнутости; интерпретированы образы чиновников в художественной литературе [Карасик 2009: 235–244]. Г. А. Заварзина на материале словарей и массмедийного дискурса политической тематики описывает динамику содержания слова «чиновник» в досоветский, советский и постсоветский периоды; в работе подтверждается устойчивая негативная оценочность данного образа, обусловленная социокультурным контекстом [Заварзина 2021].

Образ чиновника в русском законодательном языке также заслуживает внимания. Диахронический подход позволяет проследить динамику

эталонного образа государственного и муниципального служащего в представлении самой власти. При этом важным представляется ответ на вопрос: соотнесен ли данный образ с этнокультурными представлениями или он сформирован изолированно? Русские этнические модели поведения не имеют никакого отношения к идеологии государства [Касьянова 1994: 46]. Следовательно, и принципы власти не связаны с русской ментальностью. Опираясь на популярное суждение о разделенности ментальности и власти, права, можно предположить, что образ чиновника лишен этнокультурной окраски. Рассмотрим «должностной портрет» служащего в зеркале русского законодательного языка и национальной культуры.

Современный образ государственного и муниципального служащего представлен в текстах федеральных законов и связанных с ними документов, где сформулированы базовые требования к представителю власти и нормы его поведения: федеральные законы «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ), «О муниципальной службе в Российской Федерации» (от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ); «Общие принципы служебного поведения государственных служащих» (от 12 августа 2002 г. № 885); «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих» (от 23 декабря 2010 г.). Обобщая рассмотренные тексты, можно выделить семантическую группу «Качества служащего и принципы его деятельности», формирующую эталонный образ представителя власти. Структура этого образа включает два слоя.

Первый слой содержит характеристики служащего как профессионала — по критерию способности выполнять управленческие задачи. В этом блоке 7 ключевых характеризующих слов: *компетентность, профессионализм, добросовестный, достойный, независимый, нейтральность, объективный*. Путем анализа значений выделены ведущие оценочные семы (компоненты значений) слов-характеристик служащего как профессионала: ‘образованный’, ‘опытный’, ‘старательный’, ‘объективный’ [Кузнецов (гл. ред.) 2000]. Для выделения сем используются словарные толкования, сопоставляются близкие по смыслу слова, учитывается контекст. Например, семы ‘образованный’, ‘опытный’ входят в значения слов *компетентность* от *компетентный* — обладающий основательными знаниями в какой-либо области [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 446]; *профессионализм* — профессиональное мастерство [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 1035]. Сема ‘объективный’ входит в значение слов *независимый* — не находящийся в чьей-либо власти, в чьем-либо подчинении; склонный к самостоятельности [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 622]; *нейтральность* от *нейтральный* — придерживающийся нейтралитета [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 625]; *объективный* — лишенный предвзятости [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 693]. Сема ‘старательный’

входит в значение слова *добросовестный* (о человеке) — честно, старательно выполняющий свои обязанности; (о действиях) — тщательный, старательный [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 264]. Значение слова *достойный* с учетом контекста («достойное выполнение профессиональной деятельности»), очевидно, включает семы 'образованный', 'опытный', 'старательный', 'объективный'.

Второй слой содержит характеристики служащего с морально-этической позиции — по критерию порядочности и соблюдения этических норм в отношениях с гражданами и коллегами. В этом блоке 16 ключевых характеризующих слов: *нравственность, честь, достоинство, репутация, справедливость, беспристрастный, беспристрастность, честность, уважение, терпимость, внимательный, внимательность, доброжелательный, вежливый, корректный, корректность*. Объединяющая оценочная сема морально-этических слов-характеристик служащего — 'соответствующий моральным нормам'. Частные семы: 'справедливый', 'порядочный', 'честный', 'доброжелательный', 'вежливый', 'заботливый' [Кузнецов (гл. ред.) 2000]. Рассмотренные номинации имеют рационально-оценочную коннотацию, ориентированную на социальные стереотипы [Кожина (ред.) 2006: 140]. Из 23 ключевых слов-характеристик служащего 16 входят в ядро семантического поля «мораль». Преобладание морально-этических номинаций свидетельствует о необходимости, с точки зрения власти, сделать акцент на особом значении человеческих качеств служащего в профессиональной деятельности. Как показывает диахроническое исследование, этот акцент исторически характерен для русского законодательного языка при создании эталонного образа представителя власти.

В истории России официальный образ представителя власти создавался законодательством Петра I и Екатерины II. В русском языке XVIII в. значение слова *чиновник* включает положительную оценку — подчеркивание высокого статуса в обществе, уважения: «Человѣкъ честию какою, чиномъ, достоинствомъ почтенный» [САР VI: 756]; *чин* — «достоинство, степень; честь, каковую кто имѣеть въ разсужденіи своей должности, своего званія» [САР VI: 755]. В XIX в. коннотация отсутствует: «Человѣкъ, имѣющій какою либо чинъ или степень въ порядкѣ службы» [СЦСРЯ IV: 439]. Если в современном законодательстве общим является термин *государственный/муниципальный служащий*, то в историческом законодательстве зафиксированы термины *член, служитель* — в коллегиях, канцеляриях, конторах («Генеральный Регламентъ или Уставъ» 1720 г. [ПСЗРИ¹ VI, № 3534]¹) чаще использовались наименования конкретных должностей. В законодательной речи Петра I установлен термин *присяжная должность*, использован

¹ При ссылках на данное издание символ № используется для указания порядкового номера правового документа в сборнике.

речевой оборот *отправление своего чина* [ПСЗРИ¹ VI, № 3534]. Таким образом, само слово *чиновник* ни в XVIII в., ни в настоящее время не используется в официальной письменной речи. При этом в неофициальном языке положительная оценка (XVIII в.) сменилась на нейтральную (XIX в.), затем на отрицательную (XX в.): *чиновник* — «1. Государственный служащий в дореволюционной России и в буржуазных странах. 2. перен. Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле» [Евгеньева (ред.) IV]; «Служащий государственного аппарата, какого-л. ведомства» с пометой «неодобр.» [Склярская (ред.) 1998: 672–673].

К чиновничеству в XVIII в. относились как представители исполнительной (административной) власти, так и судебные, полицейские чиновники, причем перечисленные сферы деятельности могли объединяться в должностных обязанностях одного служащего, поскольку сами органы власти были наделены комплексом полномочий. Петр I ввел регламенты, определившие порядок работы органов государственного и местного уровней власти, обязанности и права должностных лиц: «Генеральный Регламент или Уставъ» 1720 г. [ПСЗРИ¹ VI, № 3534], «Регламентъ или Уставъ Главнаго Магистрата» 1721 г. [ПСЗРИ¹ VI, № 3708]. Иерархия воинских, статских и придворных чинов представлена в «Табели о рангах» 1722 г. [ПСЗРИ¹ VI, № 3890], которая узаконила принцип выслуги при продвижении по службе вместо прежнего принципа знатности [РЗ IV: 18]. «Генеральный Регламентъ или Уставъ», «по которому Государственныя Коллегии, такожъ и всѣ оныхъ принадлежащихъ къ нимъ Канцелярій и Конторъ служители, не токмо во внѣшнихъ и внутреннихъ учрежденихъ, но и во отправленіи своего чина, подданѣйше поступать имѣють» [ПСЗРИ¹ VI, № 3534], регламентировал деятельность новых государственных органов власти: *коллегия* — присутственное место, учрежденное верховной властью для управления особенными государственными делами [САР III: 709]. Образ чиновника в «Генеральном Регламенте» занимает особое место: установлена иерархия должностей (президент, вице-президент, члены, канцелярные и конторные служители и др.), приведена присяга коллежского служителя, изложены общие требования к чиновникам. «Регламентъ или Уставъ Главнаго Магистрата» определил цели, компетенцию и принципы деятельности *главнаго магистрата* — центрального государственного учреждения, созданного на правах коллегии для координации работы городских магистратов: *магистрат* — городское судебное место для суда, расправы и наблюдения порядка в купеческом обществе (губернский, городской магистрат) [СЦСРЯ II: 279]. Магистраты обладали исполнительной, судебной властью и выполняли правоохранительную роль на муниципальном уровне. В «Регламенте» изложены требования к чиновникам

магистрата: обер-президенту (главе), магистратским членам — бургомистрам (старшим членам) [СЦСРЯ I: 89], ратманам (рядовым членам) [СЦСРЯ IV: 58]. Тексты кодексов о государственной и муниципальной службе создавались продуманно: так, «Генеральный Регламентъ» прошел 12 стадий редактирования [РЗ IV: 21]. Лексика регламентов Петра I, таким образом, может быть рассмотрена как выражение ведущих принципов деятельности чиновничества.

Критерии выбора и принципы деятельности чиновников муниципального уровня власти содержатся в реформаторском законодательном акте Екатерины II «Учреждєнія для управленія Губерній Всероссійскія Имперіи» 1775 г. Учреждение — «Книга законная или уставъ Екатериною II для порядка въ управленіи Губерній Россійскія Имперіи изданная» [САР VI: 803]. «Учреждєнія» закрепили нормы деятельности местных органов власти на столетие, а ряд принципов действовал до установления советской власти. Требования к муниципальным служащим изложены и в акте «Уставъ Благочинія или Полицейскій» 1782 г. Эти документы включают краткие «должностные инструкции» чиновников разного статуса: губернавтор; судья губернского совестного суда, занимавшегося гражданскими делами в порядке примирительной процедуры и некоторыми уголовными [Додонов 2001: 507]; заседатели верхней и нижней расправы, то есть судов для государственных крестьян, однодворцев, казаков, рассматривавших мелкие уголовные и гражданские дела [Додонов 2001: 461]; земский исправник — начальник уездной полиции [СЦСРЯ II: 141]; городничий — 1) чиновник, исправляющий в уездных городах обязанность полицеймейстера; 2) городской приказчик — чиновник, имевший надзор за целостью городских укреплений [СЦСРЯ I: 280]; частный пристав — чиновник, наблюдающий за порядком и благочинием какой-либо части города [СЦСРЯ III: 493]; квартальный надзиратель — смотритель [СЦСРЯ II: 362]. Следует обратить внимание на регулярность обозначения чиновников словами *слуга, раб, подданный, человек/люди* (реже *персона*), очевидно, с целью подчеркнуть приоритет социальной иерархии и личной ответственности служащих.

Анализ семантической группы «Качества служащего и принципы его деятельности» в законодательных документах Петра I и Екатерины II позволяет описать эталонный образ представителя власти в диахронии. Как и в современном законодательстве, наблюдается двуслойность этого образа. Первый слой содержит характеристики служащего как профессионала. В этом блоке 30 ключевых слов-характеристик: *достойный, первостатейный, истинный, искусный, прилежание, прилежный, прилежность, прилежно, ревность, добрый (слуга/человек), правда, трудолюбие, попечение, радение, прилежание, усердие, порядочно, верный, верность, подданный, почтение, уважение, послушание, послушный, удобный, умный, рассудительный, здравый,*

точный, точность. Ведущие оценочные семы слов-характеристик служащего как профессионала: 'опытный', 'умный', 'рассудительный', 'поркорный', 'верный', 'старательный', 'трудолюбивый' [САР; СЦСРЯ]. Второй слой содержит характеристики служащего с морально-этической позиции. В этом блоке 20 ключевых слов-характеристик: *совесть, совестный, справедливый, добропорядочный, беспорочный, беспорочность, добродетель, любочестие, благопристойно, добрый (добрые поступки, добрая натура), честный, честно, нелицемерный, бескорыстие, доброхотство, человеколюбие, любовь, соболезнование (любовь и соболезнование к народу), кротость, недерзостно.* Объединяющая оценочная сема морально-этических слов-характеристик служащего — 'соответствующий моральным нормам'. Частные семы: 'справедливый', 'честный', 'совестливый', 'порядочный', 'скромный', 'человеколюбивый', 'доброжелательный', 'сострадательный', 'вежливый', 'бескорыстный' [САР; СЦСРЯ].

Сопоставление эталонного образа государственного и муниципального служащего в Российской Империи и Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы. В законодательном языке XXI в. значительно сократилось количество номинаций служащего как профессионала (с 30 до 7). Количество морально-этических слов-характеристик почти не изменилось (20 в истории, 16 в настоящее время). Показательно изменение состава номинаций обеих групп. Большинство исторических номинаций утрачено. Наблюдается замещение прежних синонимических рядов, гипонимических групп современными обобщающими словами, в том числе иноязычного происхождения, поэтому старые смысловые акценты практически не сохранились.

Так, в группе профессиональных характеристик сохранилось прилагательное *достойный*, однако оно входит в обобщающую формулу *достойное выполнение профессиональной деятельности* и не используется как характеристика личности — сравним с историческими формулами: *достойный и искусный человек, достойная персона.* Слова с иноязычной основой и абстрактным значением *компетентность, профессионализм* пришли на смену исконному ряду *искусный, первостатейный, истинный, умный, рассудительный, здравый рассудок.* В современном официальном языке *добросовестный* заменяет прежний ряд *прилежание, прилежный, прилежность, прилежно, ревность, добрый (добрая воля к службе, доброй ревностью управлять), правда (правдой управлять), трудолюбие, попечение, радение, прилежание, усердие, порядочно (управлять порядочно), точный, точность.* *Добросовестный* ('старательно выполняющий свои обязанности') контекстуально не связано с личностью: нет сочетаний типа *добросовестный служащий*, используются обобщенные формулы типа *добросовестное исполнение должностных обязанностей.* В группе современных морально-этических характеристик отсутствуют *совесть* и *совестный*

‘сообразующий дела свои с чистой совестью’ [САР I: 978], нет аналогов у старых обозначений *нелицемерный*, *бескорыстие*, тесно связанных с понятием «совесть», то есть в целом семантика совести утратила актуальность. Исторический ряд *добропорядочный*, *беспорочный*, *беспорочность*, *добродетель*, *любочестие*, *благопристойно* имеет современные обобщающие аналоги *честь*, *достоинство*, *нравственность*, *репутация*. Вместо прежних *доброхотство*, *человеколюбие*, *любовь*, *соболезнование*, *кротость*, *недерзостно* — современные *доброжелательный*, *уважение*, *вежливый*, *корректный*, *корректность*, *терпимость*, *внимательный*, *внимательность*.

В современном образе характеристика *справедливость* включена в ряд синонимов *объективный* (*объективное исполнение должностных обязанностей*), *беспристрастный* (*равное, беспристрастное отношение ко всем физическим и юридическим лицам*), *беспристрастность* (*подавать пример честности, беспристрастности и справедливости*), *нейтральность*, *независимый*. Прежняя формула *справедливый человек* содержала семантическую мотивировку ‘поступающий по правде, любящий правду’ [САР IV: 1045] и употреблялась в традиционном ряду *совестный*, *справедливый*, *беспорочный человек*, то есть была обусловлена морально-этическими нормами. Современные формулы указывают на приоритет семы ‘объективный’, семантика правды–справедливости не выражена, связь нравственности и справедливости служащего не проявляется. Поскольку утрачены слова *человеколюбие*, *любовь*, *соболезнование* (*любовь и соболезнование к народу*), ряд *беспристрастный*, *объективный*, *нейтральность* может вызывать ассоциацию с равнодушием.

Современный образ не содержит прежних смыслов ‘покорный’, ‘верный’: утрачены слова *верный*, *верность*, *подданейший*, *почтение*, *респект*, *послушание*, *послушный*, *удобный* (‘подходящий для должности, подчиняющийся руководству’), обязательные в эталонном образе чиновника XVIII в. [Kosov, Poroва 2020]. В русской ментальности главное качество чиновника, с точки зрения его начальника, — послушание [Колесов и др. 2014: 491].

Обратим внимание на отсутствие как в историческом, так и в современном образе конкретного слова для обозначения законопослушности, то есть она не осознается как качество чиновника — в правовых текстах используются речевые формулы с императивным значением ‘соблюдать правовые нормы’ (сема ‘законопослушный’): *управлять порядочно по регламентам и указам*; *чин исправлять по инструкциям, регламентам, указам*; *сохранение порядка, законами определенного* (историческое законодательство); *соблюдать Конституцию, федеральные конституционные законы*; *исполнять должностные обязанности в соответствии с должностным регламентом* и т. п. (современное законодательство).

Итак, исторический образ служащего более «осязаемый», детально описанный, выразительный, лично ориентированный, близкий к образу рядового добропорядочного человека. Современный образ служащего более абстрактный, стереотипный, менее определенный за счет семантической редукции. С одной стороны, такую трансформацию можно объяснить усилением стандартизации самого официально-делового стиля, адаптацией к его нормам языковых средств выражения образа служащего, а также архаизацией ряда изучаемых слов. С другой стороны, это может быть обусловлено изменением приоритетов в системе управления и тенденцией к унификации системы правовых, политических понятий в духе глобализации, отдалением от этнокультурных традиций. Этнокультурные концепты «совесть», «правда», «справедливость», «добро», «покорность» утратили доминирующие позиции в официальном образе чиновника.

Поскольку кодексы Петра I и Екатерины II сохраняли актуальность в XIX в. и в некоторой степени до 1917 г., а законодательные тексты советской эпохи, регламентирующие требования к представителю власти и нормы его поведения, не обнаружены, можно определить эпоху СССР как перерыв в традиции формирования и поддержания репутации государственных и муниципальных служащих. Целенаправленность речевого моделирования эталонного «должностного портрета» служащего сближает эпохи XVIII и XXI вв. Очевидно, сходство ситуаций XVIII и XXI вв. заключается в стремлении власти противостоять общественному стереотипу — негативному восприятию чиновников. Вспомним русские пословицы о несправедливости, формализме, равнодушии, бессовестности чиновников: *Где законники/закон, там и обида; В чернилах погружен (рожден), гербовой бумагой повит, концом пера вскармлен; Подъяческа душа на нитке висит; У приказного за рубль правды не купишь; Таков, сяков, да лучше приказных дьяков; Придирчив, как приказный.* Преобладающая негативная оценка чиновников отражена в «Русском ассоциативном словаре» [Русский ассоциативный словарь], приведем некоторые ассоциации: *бюрократ* — 19 (синоним к *чиновник* во 2-м знач. 'должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально, в ущерб делу'), *вор* — 2, *жулик* — 1, *хапуза* — 1, *деньги* — 2, *берет взятки* — 1, *взяточник* — 1, *богатый* — 1, *бумагомарака* — 1, *буржуй* (с пояснением *без дела сидящий человек*) — 1, *глупый* — 1, *гордый* — 1 и т. п.; лишь одна ассоциация — *человек* (всего 104 реакции на стимул *чиновник*). На фоне общественного порицания чиновников контрастно звучат предписания власти: «Типовой кодекс служит основой для формирования должной морали в сфере государственной и муниципальной службы, уважительного отношения к государственной и муниципальной службе в общественном сознании, а также выступает как институт общественного сознания и нравственности государственных (муниципальных) служащих, их самоконтроля».

Источники

О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.

О муниципальной службе в Российской Федерации: федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ.

Общие принципы служебного поведения государственных служащих: утв. Указом Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 16 июля 2009 г. № 814).

ПСЗРИ¹ VI — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Сь 1649 по 12 Декабря 1825 года: в 42 т. Т. VI. СПб., 1830.

РЗ IV — Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. IV. М.: Юрид. лит., 1986.

САР — Словарь Академіи Россійской: в 6 ч. СПб., 1789–1794.

СЦСРЯ — Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣлениемъ Императорской Академіи Наукъ: в 4 т. СПб., 1847.

Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.

Литература

Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2001. 790 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 19.02.2022).

Заварзина Г. А. Диахроническая модель слова «чиновник» в русском языке: семантические особенности и векторы развития // Русистика. 2021. Т. 19, № 2. С. 155–166.

Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.

Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Ин-т национальной модели экономики, 1994. 267 с.

Кожина М. Н. (ред.). Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта, Наука, 2006. 696 с.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 2. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.

Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения: 19.02.2022).

Скляревская Г. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / РАН, Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.

Kosov A., Popova L. Russian obedience from the perspective of the official language: diachronic aspect // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Vol. 93. *Humanistic Practice in Education in a Postmodern Age*. London, European Publ., 2020, pp. 547–553.

References

Dodonov V. N., Ermakov V. D., Krylova M. A. *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [Big legal dictionary]. Moscow, Infra-M Publ., 2001. 790 p.

Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. 4rd ed., ster. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 19.02.2022).

Karasik V. I. *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moscow, Gnozis Publ., 2009. 406 p.

Kas'yanova K. *O russkom natsional'nom kharaktere* [About the Russian national character]. Moscow, National Economy Model Institute Publ., 1994. 367 p.

Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of the Russian mentality]. Vol. 2. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2014. 592 p.

Kosov A., Popova L. [Russian obedience from the perspective of the official language: diachronic aspect]. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Vol. 93. *Humanistic Practice in Education in a Postmodern Age*. London, European Publ., 2020, pp. 547–553. (In Eng.)

Kozhina M. N. (ed.). *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006. 696 p.

Kuznetsov S. A. (ch. ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.

Russkii assotsiativnyi slovar' [Russian associative dictionary]. Available at: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (accessed 19.02.2022).

Skliarevskaia G. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmeneniya* [Explanatory dictionary of the Russian language of the late 20th century. Language changes]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 700 p.

Zavarzina G. A. [Diachronic model of the word "official" in the Russian language: semantic features and vectors of development]. *Rusistika*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 155–166. (In Russ.)

Из истории русского языка

Благорастворение: античная натурфилософия в церковнославянской гимнографии

Анна Вячеславовна Сахарова, Национальный исследовательский ядерный университет
«МИФИ», Sakharova.av@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170025488-5

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется употребление в церковнославянских текстах малопонятных славянских терминов «благорастворение» и «благорастворенный» (калькированных с древнегреческих сложных слов εὐκρασία «хорошее смешение» и εὐκράτος «хорошо смешанный» соответственно). Рассматриваемые фрагменты церковнославянских текстов (прежде всего — взятых из современного церковнославянского богослужения) с исследуемыми лексемами сравниваются с текстами их греческих оригиналов (если таковые известны), с материалами из греческих словарей. Приводятся для сопоставления примеры употреблений этих древнегреческих лексем в тех же значениях в классических текстах с принятым литературным переводом на русский или английский. Выясняется, как в церковных текстах отражаются значения этих терминов («правильное смешение стихий в теле человека» «умеренная, благоприятная для человека сила», «хорошее смешение жара и холода, т. е. правильная температура»), вытекавшие из бытовавших со времен античности натурфилософских представлений об устройстве мира и человека. Также показывается, как в связи с широким распространением на Руси новых представлений о природе и человеке (миазматической теории болезней) непонятные выражения, такие как благорастворение воздуха, переинтерпретировались слушателями как чистота, хороший запах и незаразность воздуха.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковнославянский, церковнославянизмы, православная гимнография, перевод с греческого на церковнославянский, калькирование, переинтерпретация

для цитирования: Сахарова А. В. *Благорастворение*: античная натурфилософия в церковнославянской гимнографии // Русская речь. 2023. № 2. С. 106–119. DOI: 10.31857/S013161170025488-5.

From the History of the Russian Language

“Blagorastvoreniye”: Ancient Natural Philosophy in the Church Slavonic Hymnography

Anna V. Sakharova, National Research Nuclear University MEPhI, Sakharova.av@yandex.ru

ABSTRACT: The article analyzes the use of obscure Slavic terms (calcified from the ancient Greek compound words εὐκρασία ‘good mixture’ and εὐκρατος ‘well mixed’, respectively) in Church Slavonic texts. The considered fragments of Church Slavonic texts (primarily taken from modern Church Slavonic worship) with the lexemes under study are compared with their Greek originals (if any are available) and with the Greek dictionaries information. Examples of these ancient Greek lexemes having the same meanings in classical texts are given with the accepted literary translation into Russian or English for comparison. It is clarified how the church texts reflect the meanings of these terms (‘right mixture of the elements in the human body’, ‘moderate, favorable force for a human’, ‘good mixture of heat and cold, i.e. the right temperature’), arising from those that have existed since antiquity natural-philosophical ideas about the nature of the world and man. The article also shows how in the era of wide dissemination of the new ideas about nature and man (the miasmatic theory of diseases) in Russia incomprehensible expressions, such as “blagorastvoreniye vozdukhov” were re-interpreted by listeners who were not skilled in the classical languages, as ‘cleanliness, good smell and non-sickness of the air’.

KEYWORDS: Church Slavonic, Eastern Christian hymnography, translation from Greek into Church Slavonic, archaisms, calques, reinterpretation
FOR CITATION: Sakharova A. V. “Blagorastvoreniye”: Ancient Natural Philosophy in the Church Slavonic Hymnography. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2023. No. 2. Pp. 106–119. DOI: 10.31857/S013161170025488-5.

Античное интеллектуальное наследие было базой и средневековой культуры, когда ее термины оставались понятными и использовались авторами литургических текстов. Однако для славянского читателя непонятными могли быть не только заимствования, но и понятия, калькированные с греческого. И в исторических словарях объем статьи не позволяет разъяснять, каковы происхождение таких слов и связь между их значениями. Так, исследуемое слово *благорастворение* в [Бархударов (гл. ред.) 1975: 214] переведено туманно как «Раствор, смесь, обладающая хорошими качествами», а *благорастворенный* — как «прил. к благорастворение». В словаре [Нуртова (ред.) 1997; цит. по Горазд] *благорастворенные въздухъ/ благорастворенны въздухъ* переводятся как «благоприятная погода», что не вполне передает его смысл. Цель этой работы — дать более пространственный историко-культурный комментарий к фрагментам церковнославянской гимнографии со словом «благорастворение» или производными от него. Источник большинства церковнославянских примеров — НКРЯ, цитаты из большинства греческих служб даются по [Λειτουργικα κειμενα], прочие источники специально указываем.

1. Тексты, переведенные с греческого. В древнегреческом языке существовало понятие *κρᾶσις* — «*blending of things which form a compound, as wine and water*» («сочетание веществ, которые образуют смесь, как вода и вино»), в том числе «*temperature, of the air*» («температура — о воздухе»), «*temperament, of the body or mind*» («устройство, сложение (букв. — смешение жидкостей. — А. С.) — о теле или уме») [Liddell, Scott 1996; цит. по Perseus] (латинские *temperatura* и *temperamentum* являются кальками этого слова [Lewis, Short 1879; цит. по Perseus]). Все вещи считались состоящими из смеси четырех стихий, т. е. первоначальных элементов — огня, земли, воздуха и воды. Стихии так или иначе соотносятся с четырьмя ощутимыми качествами вещей: холодом, жаром, влажностью и сухостью, поэтому соотношение жара и холода было их смешением. Тело человека состоит из тех же стихий, элементов, которые принимают вид четырех жидкостей (гуморов): крови, слизи, желтой желчи и черной желчи.

(При этом кровь считалась горячей и влажной, слизь — холодной и влажной, желтая желчь — горячей и сухой, черная желчь — холодной и сухой.) Преобладающая стихия определяет облик и поведение человека (отсюда и учение о четырех темпераментах, т. е. типах смешения стихий в теле человека) [Porter 1999: 56–61]. Эти представления сохранялись вплоть до второй половины XIX в., и слово *temperament*, которым авторы словаря [Liddell, Scott 1996], составленного к 1843 г., переводят греческое *κράσις*, в английском языке эпохи означало соотношение четырех жидкостей тела [Etymological Dictionary 1775: 844].

Правильное смешение жидкостей в теле, их равновесие, — *εὐκрасία* — определяло душевное и телесное здоровье («*εὐκрасία* (τοῦ σώματος) — of persons, *good temperament*» ('хорошее смешение жидкостей тела — о людях') [Liddell, Scott 1996; цит. по Perseus]), ср. *ποῦ τοίνυν τὸ ἡδὺ τῆς κακίας ἐστίν ... ἢ τοῦ σώματος εὐκрасία καὶ ὑγίεια χώραν καὶ γένεσιν δίδωσι* [Plutarch. De virtute. 1] — Where, then, is the pleasure in vice ... For a well-balanced and healthy condition of the body gives room [for engendering the pleasures] [Plutarch. Of virtus. 1] ('Где же тогда удовольствие в пороке... Ибо уравновешенное и здоровое состояние тела позволяет появляться удовольствиям').

Слово *благорастворение* (славянская калька слова *εὐκрасία*) появляется в этом значении в переводных текстах. Так, словарь [Hauptová (red.) 1997; цит. по Горазд] приводит фрагмент из молитвы при изготовлении вина:

блѣви вино се и сътвори е (благослови это вино и сделай, чтоб оно было)
во в'сѣкко благораствореніе ниижциимъ да без всакоя неприѣзненны дѣтели
(без всякого действия зла) пиюще е (его) славимъ тѣ

с текстом греческого оригинала *ὄντες ἐδωρήσω ἡμῖν εἰς εὐφροσύνην καρδίας οἶνον* ('также сделай, чтобы нам вино было весельем сердечным'). Авторы словаря вслед за [Frček 1933: 676–677] предполагают, что славянский текст переведен с другой версии, где *во благо растворение* соответствовало греческому *εἰς εὐκрасίαν*. Словарь [Hauptová (red.) 1997] дает здесь для *благорастворение* перевод «вкусный напиток», но тогда непонятно, почему оно сочетается с определением *в'сѣкъ* ('всякий'). Эта молитва позднее искажается переписчиками, вероятно, не понимавшими ее:

Блѣсви вино сие и сътвори его въ всяком блѣгораствореніи [Требник Архангельского собрания, XVI в.; цит. по Бархударов (гл. ред.) 1975: 214].

Потом редакторы Требника Петра Могилы исправляют ее, понимая *благорастворение* как синоним здоровья:

блѣви винѣ сие, и сътвори е быти в блѣгораствореніе и здравіе всакому пиющему ѣ и ꙗко да без всака неприѣзненна дѣтели пиюще ѣ славимъ тебѣ [Требник 1646, ч. 2: 208].

О здоровье речь идет и в молитве к Богородице, отсылающей к причте о добром самарянине, который, спасая раненного разбойниками, лечил его раны маслом (ἔλαιον) и таким образом сотворил ему милость (ἔλεος) (Лк. 10, 33–37):

влдѣче всенепорѣчная (самая непорочная), цѣлителя дѹшь и тѣлѣсь рѹдѣшая (родившая), исцѣленіе тѣ ми подѣждь сѣмь (этих (ран)), изливѣющѣ елѣй милосѣрдїя твоегѹ и блѣгости, кь благорастворенїю спасенїя и здравїя [Минея 3 декабря, пророка Софонии, вечерня].

Соответствующая греческая служба не содержит такого текста, но очень похожая стихира есть в собрании [PID: 77]:

Δέσποινα Πανάμωμε ἡ ἰατῆρα ψυχῶν καὶ τῶν σωματῶν κυήσασα τὴν θεραπείαν σὺ μοι παράσχου τοῦτου τὴν προσφορὰν ἀνακτωμένη τῷ ἐλαίῳ τῆς συμπαθείας τῆς σῆς καὶ χρηστότητος πρὸς τὴν τῆς σωτηρίας εὐεξίαν καὶ ἀνδράρῳσιν (Непорочнейшая Владычица, Врача душ и тел родившая, излечение от этого ты мне подай как милость, исцеляющая маслом сочувствия твоего и доброты ради крепости и выздоровления спасения’).

В греческом тексте нет слова εὐκρασία, хотя есть εὐεξία (‘крепость, здоровье’) и ἀνδράρῳσις (‘выздоровление’). Не исключено, что славянский текст тоже переводился с другой редакции, где использовался их синоним εὐκρασία.

Понятие εὐκρασία — это еще и умеренная, правильная сила, а прилагательное εὐκρατος (или εὐκράτης) может быть эпитетом ветра, умеренного по силе («of winds, *gentle*») (‘о ветре — умеренный’) [Liddell, Scott 1996; цит. по Perseus]: νῆα δ’ εὐκράτης ἄνεμος φέρειν (‘корабль же умеренный ветер понес’) [Apollonius. Кн. 4, 883].

Этот фразеологизм встречаем в славянском тексте:

Ω еже подати дожди блговременны, ранны же и пвздны, росу плодоносну, вѣтры мѣрны и блгорастворенны, и теплоту солнечную возсіяти, молимъ ти ся (Подать дожди в нужное время, ранние и поздние, росу изобильную, ветры умеренные и правильной силы и дать тепло солнечное просим Тебя) [Молебен на новолетие (1 сентября)].

На греческом известна только другая версия этого чина [Γάξις Δοξολογίας], краткая и более древняя [Красносельцев 1889: 27–56], соответствующей фразы в ней нет.

Прилагательное εὐκρατος также означает «of liquids, *tempered, lukewarm*» (‘о жидкости — подогретый, тепловатый’), «*well-tempered, temperate, of countries; of the temperate zone*» (‘о местностях — умеренный,

умеренно теплый; о умеренно теплом поясе') [Liddell, Scott 1996; цит. по Perseus]:

Κατακεκλίσθαι χρῆ τὸν νοσέοντα ἐν οἴκῳ εὐμέτρῳ, εὐκρήτῳ [Aretaeus. De curatione. 1.2; цит. по Perseus] — The patient ought to be laid in a house of moderate size, and mild temperature ('Пациента надо положить в доме умеренного размера и умеренной теплоты') [Aretaeus. On the causes. 1.2].

Хорошее смешение εὐκрасία есть правильное смешение двух первичных качеств, холода и жара, т. е. «good temperature, mildness» ('хорошая температура, мягкость погоды' [Liddell, Scott 1996; цит. по Perseus]), в таком качестве оно противопоставляется плохому смешению (δυσκрасία), означающему экстремальную температуру:

εὐκрасία δ' ἀέρων καὶ δυσκрасία κρίνεται παρὰ τὰ ψύχη καὶ τὰ θάλπη καὶ τὰ μεταξύ τούτων, ὥστ' ἐκ τούτων ἀνάγκη τὴν νῦν Ἰταλίαν ἐν μέσῳ τῶν ὑπερβολῶν ἀμφοτέρων κεκμένην τοσαύτην τῷ μήκει πλεῖστον τῆς εὐκράτου μετέχειν [Strabo. 6.4.1] — 'Благоприятная и неблагоприятная температура воздуха определяется холодом, жарой и промежуточными между ними состояниями. Вследствие этого необходимо принять, что теперешняя Италия расположена между двумя крайностями и простирается далеко в длину, по большей части принадлежит к умеренному поясу' [Страбон. 6.4.1].

Умеренно теплая погода так важна, поскольку нужна для хорошего урожая (εὐφορία καρπῶν — буквально «хорошее принесение плодов» [Liddell, Scott 1996; цит. по Perseus]):

καρπῶν μὲν γὰρ εὐφορίαν εὐκрасία ποιεῖ καὶ λεπτότης τοῦ περιέχοντος ἀέρος, τεχνῶν δὲ καὶ φύσεων ἀγαθῶν αὐξήσιν εὐμένεια καὶ τιμὴ καὶ φιλανθρωπία βασιλέως ἐκκαλεῖται [Plutarch. De Alexandri. 2.1; цит. по Perseus] — 'Как прекрасное плодоношение бывает следствием благорастворения и тонкости окружающего воздуха, так возрастание искусств и счастливых дарований вызывает благосклонность уважительностью и широтой интересов царя' [Плутарх. Александр. 2.1]¹.

¹ Хороший климат был важным не только потому, что жизнь крестьян зависела от урожая, и не только потому, что климат, по мнению врачей, влиял на здоровье человека. Для античной мысли был характерен географический детерминизм, когда считалось, что таланты, привычки и нравственные качества людей определяются свойствами окружающей природы, в том числе и буквально температурой: люди, живущие в умеренном климате Средиземноморья, обладают лучшей внешностью, разумом, талантами. Позже и господство Рима над другими народами (свирепыми северянами и изнеженными южанами) объясняли воздействием его хорошего климата [Isaac 2006: 55–107].

Те же термины (ἀέρος εὐκρασία или εὐκράτους τοὺς ἀέρας, а также εὐφορία, καρποφορία — ‘хороший урожай’) [Liddell, Scott 1996; цит. по Perseus]) используют и гимнографы:

Бл҃гослови гд҃си плодъ сей лозный нѡвый, иже бл҃горастворѣниемъ воздѹшнымъ, и каплями дождѣвными, и тишиною временною (благодаря мирному сезону), въ сей зрѣ лѣйшей приити часъ (состояние) бл҃говоливый — Εὐλόγησον, Κύριε, τὸν καρπὸν τοῦτον τῆς ἀμπέλου τὸν νέον, ὃν διὰ τῆς τοῦ ἀέρος εὐκρασίας, καὶ τῶν σταγόνων τῆς βροχῆς, καὶ τῆς τῶν καιρῶν γαλήνης εἰς ταύτην τὴν ὄριμωτάτην στάσιν ἐλθεῖν ἠυδόκησας [Требник, Молитва в причащении гроздия 6 августа];

...приимѣ молѣние грѣшныхъ просящихъ спсѣнія, и подáждь (подай) члѣвколюбче, земли твоѣй бл҃гоплѡдіе, бл҃горастворѣны въздѹхи дáруя — δέξαι δυσώπησιν αἰτούντων ἀμαρτωλῶν σωτηρίαν· καὶ παράσχου φιλόανθρωπε τῇ γῆ σου εὐφορίαν, εὐκράτους τοὺς ἀέρας χαριζόμενος· [Минея, 1 сентября, новолетие, вечерня];

Яви'са на'мъ бога'тymi твои'ми щедро'тами: бл҃горастворѣны и полѣзны въздѹхи на'мъ дáруй: дожди (грозы) мирны земли къ плодонѡсію дáруй — ἐπιφάνηθι ἡμῖν ἐν τοῖς πλουσίοις σου οἰκτιρμοῖς, εὐκράτους καὶ ἐπωφελεῖς τοὺς ἀέρας ἡμῖν χάρισαι, ὄμβρους εἰρηνικοὺς τῇ γῆ πρὸς καρποφορίαν δώρησαι [Службник, Литургия Василия Великого, евхаристический канон]²;

Ω бл҃горастворѣни въздѹхвъ, w изъѡбильи плодѡвъ земныхъ, и временѣхъ мирныхъ, гд҃сѹ помѡлимся — Ὑπὲρ εὐκρασίας ἀέρων, εὐφορίας τῶν καρπῶν τῆς γῆς καὶ καιρῶν εἰρηνικῶν, τοῦ Κυρίου δεηθῶμεν [Службник, Литургии Иоанна Златоуста, Василия Великого, Преждеосвященных даров/утреня/вечерня, великая ектения]. (Отметим последний пример: он принадлежит не минейному тексту, который читается раз в год, а службнику, т. е. ежедневной службе, цитаты из которой прощѣ оставались в памяти у прихожан.³)

Подобного рода терминологию используют и богослужебные тексты, перефразирующие библейские фрагменты:

Исполняй всячѣская бл҃гости (Наполняющий все милостью), хр҃стѣ, ты благорастворѣниемъ и благоплѡдіемъ, бл҃гословѣньми вѣнчаемо, многokrѹжное лѣто (время, имеющее много (годовых) кругов) рабѡмъ

² В древнейших службниках этот фрагмент переведен с ошибкой бл҃гораствореныи и пользыныи дожде (sic!) дароуи на'мъ [Литургия св. Василия Великого, XIII в., Haurtová (red.) 1997; цит. по Горазд (видимо, переводчик откопировал следующее далее слово *дождь*). Эту же цитату приводит и [Бархударов (гл. ред.) 1975: 214].

³ Поэтому Службник был с древности распространенной книгой: этот же фрагмент его дают на статьи *благорастворение* и в [Haurtová (red.) 1997; цит. по Горазд] и в [Бархударов (гл. ред.) 1975: 214].

твоймъ даруй — Ὁ πληρῶν τὰ σύμπαντα χρηστότητος Χριστέ, σὺ εὐκραῖη καὶ εὐφορον, εὐλογίαις στεφανούμενον, τὸν πολύκυκλον χρόνον, τοῖς δούλοις σου δάρησαι [Минея, 1 сентября, новолетие, утренняя, канон] (ср. *предвариль єси єгò блгсвѣніємъ блгостыннымъ, положиль єси на главѣ єгѡ вѣнѣць ѿ камене чѣстна. Животà просиль єсть у тебѣ, и даль єси ємѹ долготѹ днїй* — προέφθασας αὐτὸν ἐν εὐλογίαις χρηστότητος ἔθηκας ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ στέφανον ἐκ λίθου τιμίου, ζῶην ἠτήσατό σε καὶ ἔδωκας αὐτῷ μακρότητα ἡμερῶν (Пс. 20, 4–5);

Блгсвѣши вѣнѣць лѣта блáгости твоея, и поля твоя испóлнятся тѹка — εὐλογήσεις τὸν στέφανον τοῦ ἐνιαυτοῦ τῆς χρηστότητός σου καὶ τὰ πεδία σου πλησθήσονται πιότητος (Пс. 64, 12)).

Пример переосмысления этого фразеологизма показывают молитвы из последования в бездождие (засуху):

водными ѿблаки воздѣхъ благораствори, ѿ богатымъ Твоимъ дождѣмъ зѣмлю ѿроси... дожди вѣременны (своевременные), и благорастворѣніа воздѣхувъ, ѿ плодѹвъ разайчныхъ ѿзобиліе землѹ дарѹи [Большой требник: 410, 413] — ὑδατώδεσι νέφεσι τὸν ἀέρα εὐκράτωσον, καὶ τῶν πλουσίω σου ὑέτω τὴν γῆν καταδρόσισον ... ὄμβρους ἐπικαίρους, εὐκρασίαν ἀέρων καὶ καρπῶν παντοδαπῶν εὐφορίας τῇ γῇ χάρισαι [Ευχολόγιον 1869: 524, 527].

Хорошее смешение воздуха здесь — смешение не жара и холода, а двух других главных качеств — сухости и влажности. К тому же у средневекового автора появляется отсутствовавший в классическом языке глагол εὐκράτω, что значит «temper» (‘смешать’) [Lampe 1961: 566], в форме аористного императива.

2. Оригинальные тексты. Исследуемые лексемы появляются в молебном чине при безведрии (сильных дождях). Такая служба отсутствует в греческом богослужении⁴вторична по отношению к последованию при бездождии; впервые появляется в западнорусских печатных требниках начала XVII в., позже и в киевском Требнике Петра (Могилы) (Требник 1646. Ч. 3. Л. 203–214) [Ткаченко 2013]. Исследуемые лексемы в ней в изобилии, когда речь идет об умеренной погоде вообще, о равновесии всех четырех ее качеств:

подáждь нáмъ вѣдро ѿ воздѣхи бл́гораствóрны... подáждь нáмъ мѣрноє ѿ плодонóсноє вѣдро сѣ бл́гораствóрѣнными воздѣхи... подáждь бл́гораствóрныа воздѣхи ѿ ѿбїлїе землѹ... послáи нáмъ теплотѣ солнечнѹ

⁴ В базе католических литургических текстов [USUARIUM] тоже нет никаких молитв от сильных дождей. Вероятно, такая служба стала актуальной у восточных славян после знаменитого голода 1601–1603 гг., вызванного аномальными дождями и холодами.

и бл҃горастворѣнны въздухи... подавай вѣдро, и рѣсѣ благоплодонѣсѣ,
и бл҃горастворѣнны въздухи на пользѣ созданию Твоему, не гѣрѣстїю Твоею
накажи насъ [Большой требник: 420–428].

Появляется новое выражение со словом благорастворенный:

Уже подати бл҃горастворенное вѣдро (умеренная сухость) достоѣннїю
Твоему и умножити плоды земныя, Гбсподѣ помѣлимся [Большой треб-
ник: 417].

Вероятно, западнорусские авторы интерпретировали *благорастворен-
ный воздух* как кальку выражения *aer temperatus*, в средневековой ла-
тыни обозначавшего просто благоприятную погоду, когда все ее четыре
качества уравновешены (ведь среди православных польско-литовского
королевства церковнославянский воспринимался как свой аналог латыни
[Успенский 2002: 394]):

Unde aer nostrae habitabilis nec nimis calidus est, nec frigidus, nec nimis
humidus, nec siccus, sed inter quatuor qualitates temperatus (‘Поэтому
погода в наших местах не слишком жаркая или холодная, не слиш-
ком влажная или сухая, но уравновешенная между всеми качествами’)
[Auctor incertus (Beda?), *Elementa philosophiae* (820): INCIPIT LIBER II;
цит. по *Corpus Corporum*].

В службе, составленной около 1804 г. [Пивоваров, Павлова 2010], *бла-
горастворенный* имеет, видимо, значение «имеющий благоприятный
климат»:

ра́дуйся, крїне (лилия), въ бл҃горастворѣнномъ юзѣ (юге) процвѣтїй:
ра́дуйся, пѣрвенче дхѣвнагѣ сыноположѣнїя (усыновления), ѿ ма́лыя
рѣссїи б҃гу посвященнїй [Минея 26 ноября, Иннокентия Иркутского,
утреня].

Здесь на авторов службы, видимо, влиял уже узус литературного рус-
ского языка той эпохи, когда исследуемые лексемы стали использоваться
довольно свободно, в том числе и при переводе с современных, а не клас-
сических языков, ср.:

Они оставили ... благоразтворенный край, гдѣ природа изъявляет
свои великолѣпия и изтощавает свои сокровища (Освобожденный
Иерусалим, ироическая поэма, италиянского стихотворца Тасса, перев.
с фр. Михайлом Поповым. СПб., 1772, ч. 1. 25; цит. по [Сорокин (гл. ред.)
1984]) — Ils avoient quitté ... país charmant, climat délicieux où la nature
étale ses pompes et prodigue ses trésors (они оставили ... прекрасный
край с мягким климатом, где природа показывает свое великолепие
и расточает свои сокровища) [Jérusalem 1735: 20].

3. Переинтерпретации церковнославянизмов. Еще античные врачи предполагали, что запах разложения вызывает болезни, но в Новое время, когда выяснилось, что сам воздух — это смесь разных веществ, представление о том, что болезни происходят от дурных запахов (миазмов) гниющих субстанций, особо распространилось; способами борьбы с опасной вонью было как поддержание чистоты, так и использование разных благовоний [Porter 1999: 258 etc.; Пироговская 2018: 42–76]. Поэтому в культуре XVIII в. хорошие запахи особенно важны, а «благовонный» и «полезный» выступают как синонимы: то, что приятно пахнет, полезно для здоровья, поскольку улучшает состояние воздуха и ликвидирует миазмы» [Пироговская 2018: 145]. Видимо, у не владеющих классическими языками выражение «благорастворенный воздух» вошло в этот же ассоциативный ряд, ср.: <Воздух> испускаемыми от растѣний ароматами благо растворяется (Слово о свойствах и пользе растений .. говоренное .. Петром Вениаминовым. Апр. 23 дня 1767 г. М., 1767. 16; цит. по [Сорокин (гл. ред.) 1984]), где глагол «благорастворяться» переинтерпретирован как «становиться благовонным и полезным».

Слово *благорастворенный* [Сорокин (гл. ред.) 1984] переводит как «благоприятный, здоровый, полезный для человека, для жизни». Точнее было бы сказать, что иногда оно сохраняет первоначальное значение (см. пример выше), а иногда также переинтерпретируется:

Повелѣли имѣти чистоту, дабы воздух был благорастворенный (Похождение Телемаково, сына Улиссова, соч. г. Фенелоном. Пер. на рос. яз. в 1734 г. [с фр. А. Ф. Хрущевым]. СПб., 1767, ч. 1–2.; цит. по [Сорокин (гл. ред.) 1984]) — Ils s'appliquaient à les tenir proprement, à empêcher le mauvais air par cette propreté (заботились о том, чтобы держать их в чистоте, чтобы не допустить дурного воздуха этой чистотой) [de la Mothe Fénelon 1699, LIVRE 18].

Слово *благорастворение* и сами авторы [Сорокин (гл. ред.) 1984] переинтерпретировали как «чистота, приятность, свежесть», хотя в приводимом ими примере оно сохраняет классическое значение:

<Бразилия> благорастворением воздушных небесных и изобилием плодов земных преславная (Введение, в историю европейскую. Чрез Самуила Пуфендорфия, на нем. языке сложенное, таже чрез Иоанна Фридерика Крамера, на лат. преложенное. Ныне же .. на рос. с лат. преведенное [Гавриилом Бужинским]. СПб., 1718. 96.; цит. по [Сорокин (гл. ред.) 1984]) — clementia caeli agrorumque ubertate nobilissima (более известная мягкостью климата и обилием угодий) [Puffendorffius 1704: 122].

Поэтому и молитва *о благорастворении воздушных* могла интерпретироваться как прошение, чтобы воздух был полезным для здоровья, не болезнетворным:

«Ср. *О благорастворении воздушных, о изобилии плодов земных и временех мирных Господу помолимся*. Одно из прошений великой ектении (т. е. *об избавлении от моровой язвы, заражающей воздух*; от неурожая и войны)» [Михельсон 1912: 45].

В целом исследование показало, как церковнославянский термин «благорастворение» и в переводных, и в оригинальных церковнославянских текстах довольно точно иллюстрирует натурфилософские понятия, восходящие к античности, и калькирует дистрибуцию греческого прототипа «хорошее смешение». В русском языке Нового времени эти термины иногда переосмысляются, смешиваясь с паронимами.

Источники

Большой требник 1884/1995 — Большой требник. СПб., Издание Свято-Троице-Сергиевой лавры, 1995 (репринт 1884).

Красносельцев Н. Ф. К истории православного богослужения по поводу некоторых церковных служб и обрядов ныне не употребляющихся. Казань: Императорского университета, 1889.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. СПб.: тип. Ак. наук, 1912.

НКРЯ, церк. — Церковнославянский подкорпус // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-orthlib.html> (дата обращения: 15.03.2022).

Плутарх. АЛЕКСАНДР — О судьбе и доблести Александра речь вторая // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1998. Пер. Я. М. Боровского.

Страбон. ГЕОГРАФИЯ в 17 кн. Репр. 1964 г. Пер. Г. А. Стратановского, под ред. проф. С. Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994.

Требник 1646 — *Εὐχολόγιον*, албо Молитвослов, или Требник. Киев, 1646.

Apollonius — *Argonautica*. Apollonius Rhodius. George W. Mooney. London. Longmans, Green. 1912.

Aretaeus. *De curatione — De curatione acutorum morborum libri duo* // The Extant Works of Aretaeus, The Cappadocian. Aretaeus. Francis Adams LL.D. Boston, Milford House Inc., 1972 (Republication of the 1856 edition).

Aretaeus. On the causes — On the causes and symptoms of chronic disease // The Extant Works of Aretaeus, The Cappadocian. Francis Adams LL.D. (ed.). Boston, Milford House Inc., 1972.

Corpus Corporum — Corpus Corporum: repositorium operum latinorum apud universitatem Turicensem [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mlat.uzh.ch/MLS/> (дата обращения: 15.03.2022).

De la Mothe Fénelon 1699 — F. de la Mothe Fénelon Les aventures de Télémaque suivies des aventures d'Aritonoüs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/30779/30779-h/30779-h.htm#> (дата обращения: 15.03.2022).

Etymological Dictionary 1775 — An universal etymological English dictionary by N. Bailey. London, 1775.

Frček J. Euchologium Sinaiticum. Texte slave avec sources grecques et traduction française // *Patrologia Orientalis*, t. 24, fasc. 5. Paris, 1933, pp. 605–804.

Jérusalem 1735 — Jérusalem délivrée, poème héroïque du Tasse, traduit par Jean-Baptiste de Mirabaud, Paris, J. Barois fils, 1735.

Lampe 1961 — A Patristic Greek Lexicon / edited by G.W.H. Lampe. Oxford University Press, 1961.

Lewis, Short 1879 — A Latin dictionary / Founded on Andrews' edition of Freund's Latin dictionary; revised, enlarged, and in great part rewritten by Charlton T. Lewis, Ph.D. and. Charles Short, LL.D. Oxford, Clarendon Press, 1879.

Liddell H. G., Scott R. A. Greek-English Lexicon. 9th edition. Oxford, 1996.

Perseus — Perseus Digital Library [Электронный ресурс]. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper> (дата обращения: 15.03.2022).

PID — Παρακλητικὸν σὺν Θεῷ ἀγίῳ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου. Ποίημα τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ, τὰ πρῶτα νῦν τυπωθὲν κατὰ τὸν (sic) παλαιὸν Βιβλίον τῆς παλαιᾶς ἡμῶν Μονῆς τῆς Κρυπτοφέρρης. [Roma, 1738] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb10524535> (дата обращения: 15.08.2022).

Plutarch. De Alexandri — Plutarch. De Alexandri magni fortuna aut virtute. Frank Cole Babbitt, Ed. // Plutarch. *Moralia*. With an English Translation by Frank Cole Babbitt. Cambridge, MA, Harvard University Press, London, William Heinemann Ltd., 1936.

Plutarch. De virtute — De virtute et vitio // Plutarch. *Moralia*. Gregorius N. Bernardakis. Leipzig, Teubner, 1888.

Plutarch. Of virtus — Of virtus // Plutarch. *Moralia*. Volume VI. Loeb Classical Library edition, 1928.

Puffendorfius 1704 — S. Puffendorfi Introductio ad Historiam Europaeam, Latine reddita a J. F. Cramero. Francofurtum ad Moenum, 1704.

Strabo — Strabo. A. Meineke ed., Geographica. Leipzig, Teubner, 1877.

USUARIUM. A Digital Library and Database for the Study of Latin Liturgical History in the Middle Ages and Early Modern Period [Электронный ресурс]. URL: <https://usuarium.elte.hu> (дата обращения: 15.03.2022).

Ευχολόγιον 1869 — Εὐχολόγιον τὸ μέγα. Ἐκδοσις τρίτη, σπουδῆ καὶ ἐπιστασία Σπυρίδωνος ἱερομον. Ζερβοῦ. Ἐν Βενετία, 1869.

Λειτουργικά κείμενα — Ελληνικά Λειτουργικά Κείμενα της Ορθόδοξης Εκκλησίας [Электронный ресурс]. URL: <https://glg.goarch.org/> (дата обращения: 15.03.2022).

Τάξις Δοξολογίας — Τάξις Δοξολογίας ἐπὶ τῇ Ἐνάρξει τοῦ Νέου Ἐκκλησιαστικοῦ Ἔτους // Μικρον Ευχολογιον / Holy Metropolis of Oropos and Phyle of the Church of the Genuine Orthodox Christians of Greece [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imoph.org/pdfs/Periodicals/MikronEyhologion/10-Doxologia-Arxi-Ekkl-Etous.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

Литература

Бархударов С. В. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 30 вып. Вып. 1. М.: Наука, 1975. 371 с.

Пивоваров Б. (прот.), Павлова О. А. Иннокентий // Православная энциклопедия. Т. 22. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravenc.ru/text/389621.html> (дата обращения: 15.03.2022).

Пироговская М. Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века. СПб.: Изд-во Европейск. ун-та в С.-Петербурге, 2018. 392 с.

Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2. Безпристрастный–Вейэр. Л.: Наука, 1984. 247 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/02/sl204706.htm> (дата обращения: 15.03.2022).

Ткаченко А. А. Бедствия стихийные // Православная энциклопедия. Т. 4. 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://www.pravenc.ru/text/77782.html#part_7 (дата обращения: 15.03.2022).

Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

Hauptová Z. (red.). Slovník jazyka staroslověnského. Vol. I. Praha, 1997.

Isaac B. The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton University Press, 2006. 592 p.

Kollyropoulou Th. «Τὸν πολὺκύκλον χρόνον, τῶν ἐτῶν τὰς ἐλίξεις»: Ο γραμμικός και κυκλικός λειτουργικός χρόνος στη βυζαντινὴ υμνογραφία και η ἐξηγητικὴ διάστασή του («τὸν πολὺκύκλον χρόνον, τῶν ἐτῶν τὰς ἐλίξεις»: Linear and Circular Liturgical Time in Byzantine Hymnography and its Exegetical Dimension) // Πρακτικά διεθνούς

συνεδρίου οψεις του βυζαντινού χρόνου: 29–30 Μαΐου 2015 (Βυζαντινό & Χριστιανικό Μουσείο Αθήνα). 2018, pp. 152–178.

Porter R. *The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present*. London, Fontana Press, 1999. 872 p.

References

- Barkhudarov S. V. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Iss. 1. Moscow, Nauka Publ., 1975. 371 p.
- Hauptová Z. (ed.). *Slovník jazyka staroslověnského* [Dictionary of Old Church Slavonic]. Vol. I. Praha, 1997.
- Isaac B. *The Invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton University Press Publ., 2006. 592 p.
- Kollyropoulou Th. «Τὸν πολύκυκλον χρόνον, τῶν ἐτῶν τὰς ἐλίξεις»: Ο γραμμικός και κυκλικός λειτουργικός χρόνος στη βυζαντινή υμνογραφία και η εξηγητική διάστασή του («τὸν πολύκυκλον χρόνον, τῶν ἐτῶν τὰς ἐλίξεις»: Linear and Circular Liturgical Time in Byzantine Hymnography and its Exegetical Dimension). Πρακτικά διεθνούς συνεδρίου οψεις του βυζαντινού χρόνου: 29–30 Μαΐου 2015 [Proceedings of the international conference on Byzantine times: 29–30 May 2015] (Βυζαντινό & Χριστιανικό Μουσείο Αθήνα [Byzantine & Christian Museum of Athens]), 2018, pp. 152–178. (In Greek)
- Pirogovskaya M. *Miazmy, simptomny, uliki: zapahy mezhdu medicinoy i moral'yu v russkoy kul'ture vtoroy poloviny XIX veka* [Miasmata, symptoms, evidence: smells between medicine and morality in the Russian culture of the 19th century's second half]. St. Petersburg, European University Publ., 2018. 392 p.
- Pivovarov B. (archpriest), Pavlova O. A. [Innokenty]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Christian encyclopedia]. Vol. 22. Moscow, Church science center "Orthodox Christian encyclopedia" Publ., 2010. Available at: <https://pravenc.ru/text/389621.html> (accessed 15.03.2022). (In Russ.)
- Porter R. *The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present*. London, Fontana Press Publ., 1999. 872 p.
- Sorokin Yu. S. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 2. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 247 p.
- Tkachenko A. A. [Natural disasters]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Christian Encyclopedia]. 2013. Vol. 4, pp. 436–439. Available at: https://www.pravenc.ru/text/77782.html#part_7 (accessed 15.03.2022). (In Russ.)
- Uspenskii B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian literary language (11th – 17th centuries)]. 3rd ed. Moscow, Aspekt Press Publ., 2002. 558 p.

О стихотворении Бориса Слуцкого «Расстреливали Ваньку-взводного...». Проблемы понимания

Надежда Ароновна Шапиро, школа № 57 (Россия, Москва), nashapiro@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170025489-6

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу одного стихотворения Бориса Слуцкого. Борис Абрамович Слуцкий (1919–1986), русский поэт, участник Великой Отечественной войны, является значимой фигурой для русской поэзии второй половины XX века. В статье рассматривается стихотворение «Расстреливали Ваньку-взводного...», опубликованное только в конце 80-х годов. Это стихотворение очень простое по форме, но оно оставляет большой простор для интерпретации его содержания. Автор намеренно выбирает сдержанный тон, избегает оценочных слов, показывающих его отношение к описываемым событиям. В статье делается попытка выявить авторскую позицию с помощью подробного стилистического анализа (текст стихотворения включает слова и выражения самых разных стилистических регистров: от устаревших слов, канцелярских оборотов до разговорных, просторечных и даже намеренно нарушающих правила грамматики) и рассмотрения важных синтаксических особенностей текста. При анализе стихов Б. Слуцкого предлагается учитывать и военную биографию поэта. На фронте он был секретарем дивизионной прокуратуры, а потом следователем. Отражение этого тяжелого опыта, который сам поэт называл «мучительным и скверным», мы находим и в его стихах.

Н. А. Шапиро. О стихотворении Бориса Слуцкого «Расстреливали Ваньку-взводного...». Проблемы понимания
N. A. Shapiro. On the Poem by Boris Slutsky "They Shot Van'ka, the Platoon Commander...". Problems of Understanding

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская поэзия, Борис Слуцкий, стилистический анализ, грамматические особенности, архаизмы, военная биография
для цитирования: Шапиро Н. А. О стихотворении Бориса Слуцкого «Расстреливали Ваньку-взводного...». Проблемы понимания // Русская речь. 2023. № 2. С. 120–127. DOI: 10.31857/S013161170025489-6.

The Language of Fiction

On the Poem by Boris Slutsky “They Shot Van’ka, the Platoon Commander...”. Problems of Understanding

Nadezhda A. Shapiro, school No. 57 (Russia, Moscow), nashapiro@yandex.ru

АБСТРАКТ: The article is devoted to analysis of a poem written by Boris Slutsky. Boris Abramovich Slutsky (1919–1986), Russian poet and a veteran of the Great Patriotic War, is an important figure in the Russian poetry of the second half of the 20th century. The article examines the poem “They shot Van’ka, the platoon commander...” that was not published until the late 80s. While very simple in form, the poem leaves a great deal of room for interpretation of its content. The author intentionally chooses a restrained tone and avoids judgmental vocabulary that could reveal his attitude towards the depicted events. The article attempts to expose the author’s standpoint by means of stylistic analysis (the poem includes words and phrases from a wide range of stylistic registers: from obsolete words and bureaucratic formulas to colloquial and vernacular expressions, sometimes even deliberately violating grammatical rules) and by examining the text’s important syntactic features. It is argued that Slutsky’s military background is very important for analysis of his poems. During the war he was a secretary at a division prosecution office, later an investigator. Reflection of this experience that the author himself calls “painful and sordid” can be found in his verses.

KEYWORDS: Russian poetry, Boris Slutsky, stylistic analysis, grammatical features, archaisms, military biography

FOR CITATION: Shapiro N. A. On the Poem by Boris Slutsky “They Shot Van’ka, the Platoon Commander...”. Problems of Understanding. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2023. No. 2. Pp. 120–127. DOI: 10.31857/S013161170025489-6.

Расстреливали Ваньку-взводного
за то, что рубежа он водного
не удержал, не устерег.
Не выдержал. Не смог. Убег.

Бомбардировщики бомбили
и всех до одного убили.
Убили всех до одного,
его не тронув одного.

Он доказать не смог суду,
что взвода общую беду
он избежал совсем случайно.
Унес в могилу эту тайну.

Удар в сосок, удар в висок,
и вот зарыт Иван в песок,
и даже холмик не насыпан
над ямой, где Иван засыпан.

До речки не дойдя Днепра,
он тихо канул в речку Лету.
Все это сделано с утра,
Зане жара была в то лето.

Стихотворение Б. А. Слуцкого «Расстреливали Ваньку-взводного...», опубликованное только в конце 80-х годов, после смерти автора, поражает простотой и при этом неочевидностью содержания.

Непонятна авторская оценка рассказанного события — нет слов, подсказывающих эмоции. Остается непроясненным и другой вопрос, не ме-

нее важный, — что же, собственно, было. Стоит вчитаться в текст, чтобы понять, сколько версий произошедшего он содержит и какая из них правильная.

В первой строфе говорится, что Ванька-взводный не выполнил приказ, не смог удержать водный рубеж и, видимо, отступил, «убег», пропустил врага. «Водный рубеж» — это граница, разделительная черта, проходящая по реке. Но ведь один человек никак не может удержать водный рубеж. Кто такой этот Ванька-взводный? Обратимся к словарям или Википедии, чтобы узнать, что это не имя и должность конкретного воина, а известное с 1941 г. пренебрежительное прозвище, которым старшие офицеры называли пехотных лейтенантов Великой Отечественной войны, командиров стрелковых взводов. С них по всей строгости спрашивают за неудачи военных операций, разработанных штабами и начальниками (высшими офицерами).

Вторая строфа не только раскрывает подробности произошедшего — оказывается, весь взвод погиб, — но и дает новую версию: все погибли не в бою, а в результате вражеской бомбежки; уцелел один командир. Почему уцелел? В третьей строфе приводится ответ Ваньки-взводного, которому суд не поверил: случайно. А кому верит автор? И где в стихотворении звучит его голос? Этот вопрос неизбежно возникает, потому что текст включает слова самой разной стилистической принадлежности.

Первая строчка может восприниматься как речь привычного к подобным событиям службиста или свидетеля; необычны в ней только несовершенный вид прошедшего времени глагола (как будто действие довольно продолжительное или что-то случилось в процессе — а из четвертой строфы ясно, что сделали все быстро и без отклонений) да какое-то разухабистое звучание: *треливалива* — как трали-вали. Дальше — пересказ обвинения с явным, демонстративным переключением стилистических регистров — от официального военного «рубежа он водного не удержал» с очень сильной инверсией — через разговорное «не устерег», общеупотребительные, нейтральные «не выдержал», «не смог» — к просторечному, неграмотному «убег». Что представляет собой эта цепочка глаголов через запятую, а потом через точку? Это комментарий к тому, что уже высказано языком документа? Сначала результат, потом причины (не выдержал, не смог, то есть задача была выше сил), потом новое преступление — «убег»? Или это реплики разных людей, обсуждающих событие каждый на свой лад? Если это и голос рассказчика — а перед нами баллада, история, поэтому можно говорить о рассказчике, — то он явно вбирает в себя чужие голоса, то ли пересказывая, то ли пародируя их.

Вторая строфа устроена иначе, она стилистически однородна. Ее главная особенность, которая сразу бросается в глаза, — навязчивые, подчерк-

нутые повторы. Первая строчка — однокоренные глагол и существительное, но мало того — в них еще и звуки повторяются, в третьей все те же слова, что и во второй, только в другом порядке, а в довершение картины последнее слово строфы — употребленное третий раз слово «одного», тавтологическая рифма.

Какое впечатление производят все эти повторы? Наверное, тут возможны разные ответы. Это звучит очень простодушно — так объясняется обвиняемый. Или пародийно-простодушно: о чем спрашивать? чего вы не поняли? самолетов не видели? что такое случай на войне, не знаете? Так иронично мог бы пересказать драматичную историю поэт (вспоминается пушкинский отчет Воронцову о саранче в 1824 г.: «Саранча летела, летела и села. Сидела, сидела — все съела и вновь улетела»).

У третьей строфы своя особенность, своя невнятица, свои неправильности: нельзя сказать «избежал беду», это грамматическая ошибка. И уж совсем непонятно, какую тайну унес в могилу Ванька-взводный. Случайно уцелел или «убег», спрятался? Еще одна стилистическая краска добавлена этой последней строкой: здесь можно расслышать отзвук мещанского, или «жестокое», романса.

И в этой же строке — сообщение о том, что чуда не произошло, все-таки слово «расстреливали» с его несовершенным видом оставляло призрачную надежду, но слово «могила» ее перечеркнуло.

Итак, в трех строфах на разные голоса, с разной степенью грамотности или ироничности обсуждается, что произошло у водного рубежа, виноват или не виноват Ванька-взводный — и определенности не прибавилось. И, похоже, это не недоговоренность — это обычное дело, так часто бывает на войне. Никто уже никогда не узнает, «убег» или «случайно избежал».

А теперь самое время спросить, важно ли нам это знать. Что именно мы хотим понять — справедливо ли приговорен к смерти Ванька-взводный? За что его судили? Если за то, что приказ удержать водный рубеж не выполнен, то он и не мог быть выполнен, раз взвод уничтожен. Если за дезертирство — то его никто не может доказать по той же причине. А если бы даже кто-нибудь свидетельствовал, что во время бомбежки Ванька-взводный действительно убежал и спрятался, то расстрел — заслуженная казнь?

Но все эти вопросы, связанные с нашими представлениями о воинском долге, человеческой природе и справедливости, не имеют прямого отношения к стихотворению, хотя ответы не могут не влиять на наше восприятие. Читатели ищут поддержки у поэта — и не находят.

Но чувство можно расслышать. Четвертая строфа лаконизмом и демонстративными повторами напоминает вторую: *удар — удар; сосок — висок — песок; Иван — Иван; насыпан — засыпан*. Но вместо утрированной примитивности мы теперь ощущаем четкость, энергию и скорость — мо-

жет, потому что все слова первых двух строчек короткие, двусложные, ямб получается полноударный (сравним с длинным словом «бомбардировщики» в первой строке 2-й строфы).

И это, кажется, голос рассказчика. Ушли корявости и неправильности (если очень придирааться, можно отметить только «холмик над ямой» и нарочитое «насыпан» — «засыпан»), внутренняя рифма выдает замысел. Есть сознательные сдвиги: герой дважды назван по имени со всей серьезностью, только когда его уже нет в живых: Иван «зарыт в песок», «засыпан» в яме. С внезапным появлением частицы «даже» проступает новая интонация, ее можно интерпретировать как сокрушенное «так механически и катастрофически быстро и совсем без мысли о человеке и памяти». Можно, впрочем, и как-нибудь иначе.

Тема убийства отчетлива в каждой строфе, и всякий раз ее поддерживают очень конкретные слова: *расстреливали, убили, могила, зарыт*. А в завершающем четверостишии вдруг метафорическое «канул в Лету» — уже о вечности и забвении. Но эта строфа, как и другие нечетные, очень сложна стилистически. Книжный фразеологизм разрушается дважды: вторжением между его частями разговорного слова «речка» и обстоятельством «тихо». И сообщение о том, что Иван умер и забыт, оборачивается почти картинкой плавного, беззвучного соскальзывания в небольшую реку — она неожиданно оказывается конкретнее того, другого «водного рубежа», который не удержал герой. А может, и конкретнее знаменитой реки, про которую мы все помним, что редкая птица долетит до ее середины. Почему Днепр назван речкой, да еще в таком изломанном, с инверсией, сочетании слов — «до речки не дойдя Днепра»? Возможны разные объяснения. Уменьшительные суффиксы появляются в стихотворении только после того, как героя назвали уже не Ванькой-взводным, а Иваном: *холмик, речка*. Если «холмик» кажется естественным, то «речка Днепр», конечно, приковывает к себе внимание, готовя нас к еще более необычному сочетанию «речка Лета». Может быть, благодаря мучительному, противостественному напряжению первой строчки мы по контрасту острее ощущаем последний покой второй. Героя нет больше, а в завершающих стихотворение строках снова видны изломы и несоответствия. Что сделано с утра и названо «все это» — переход в Лету? Зачем всплыло из XVIII века вслед за Летой смешное уже в XIX словечко «зане»? И почему после мысли о вечности сообщается о погоде и практических соображениях, с ней связанных? Чтобы срифмовать Лету и лето? Нервно шутит и хочет казаться бесстрастным образованный, ироничный и чуткий человек — автор.

Если попытаться сформулировать, какие чувства вызывает это стихотворение, список может оказаться неожиданно большим. Будет ли среди этих чувств гневное осуждение тех, кто вынес несправедливый приговор,

кто привел его в исполнение? Или тоска от того, как все несправедливо и трагически может обернуться в этой жизни вообще или в военных обстоятельствах и как недорого человеческая жизнь?

Содержится ли осуждение в тексте? Обратим внимание на существенную грамматическую его особенность. Действуют в нем Ванька-взводный, который не смог, не выдержал, унес тайну в могилу, канул в Лету, и бомбардировщики. А кто судил и расстреливал? Этих людей как бы и вовсе нет, начинается все неопределенно-личным предложением, потом появляется подлежащее «удар», потом — страдательные причастия: *зарыт, засыпан, сделано*.

И. Бродский говорил о Слуцком так: «Ощущение трагедии в его стихотворениях часто перемещалось, помимо его воли, с конкретного и исторического на экзистенциальное — конечный источник всех трагедий. <...> Его интонация — жесткая, трагичная и бесстрастная — способ, которым выживший спокойно рассказывает, если захочет, о том, как и в чем он выжил» [Бродский 1985: 543–544]. Названную выше грамматическую особенность можно считать косвенным доказательством этой глубокой мысли.

Однако в точном высказывании поэта следующего поколения есть слова, которые все-таки нуждаются в обсуждении: «помимо его воли». Чтобы узнать, что думает о мире и жизни конкретный человек, а не лирический герой произведения, а также «как и в чем он выжил», приходится выйти за рамки анализируемого текста.

Рассказывая о послевоенных временах борьбы с космополитизмом, Слуцкий писал об ощущении невозможности влиять на судьбу и надвигающейся трагедии: «До первого сообщения о врачах-убийцах оставалось месяц-два, но дело шло — не обязательно к этому, а к чему-то решительно изменяющему судьбу. Такое же ощущение — близкой перемены судьбы — было и весной 1941 года, но тогда было веселее. В войне, которая казалась неминуемой тогда, можно было участвовать, можно было действовать самому. На этот раз надвигалось нечто такое, что никакого твоего участия не требовало. Делать должны были со мной и надо мной. <...> ...дело шло к тому, что нечто значительное и очень скверное произойдет — скоро и неминуемо. Надежд не было. И не только ближних, что было понятно, но и отдаленных. О светлом будущем не думалось. Предполагалось, что будущего у меня и людей моего круга не будет никакого» [Слуцкий 2005: 194].

Еще раз уточним: речь здесь идет о предчувствиях. Надвигающаяся послевоенная катастрофа воспринимается как судьба. А надвигавшаяся война оставляла, казалось, свободу воли: «можно было действовать самому» — сражаться, бороться с врагом.

Н. А. Шапиро. О стихотворении Бориса Слуцкого «Расстреливали Ваньку-взводного...». Проблемы понимания
N. A. Shapiro. On the Poem by Boris Slutsky "They Shot Van'ka, the Platoon Commander...". Problems of Understanding

Но нельзя не сказать о важной странице военной биографии поэта: действовать молодому Слуцкому (к началу войны ему было 22 года) на фронте пришлось в качестве секретаря дивизионной прокуратуры, а потом следователя, то есть расследовать самострелы, дезертирства, невыполнения приказов, воровство и проч. В стихотворении, которое он писал на фронте и никогда не публиковал, говорится, что он был «помпалача в глазах широкой публики», «с душой, зажатою, как палец меж дверей».

Многие годы спустя он напишет:

Опыт мой особенный и скверный —
Как забыть его себя заставить?

Видимо, так и не забытый опыт переплавлялся в стихотворения зрелого Слуцкого и, в частности, в стихотворение «Расстреливали Ваньку-взводного».

Литература

Горелик П. З. «По теченью и против теченья... (Борис Слуцкий; жизнь и творчество). М.: НЛО, 2009.

Слуцкий Б. А. О других и о себе. М.: Вагриус, 2005. С. 194.

Brodsky J. Literature and War – A Symposium: The Soviet Union // The Times Literary Supplement. 1985 May 17. Pp. 543–544. (Пер. с англ. В. Куллэ.)

References

Brodsky J. Literature and War – A Symposium: The Soviet Union // The Times Literary Supplement. 1985 May 17. Pp. 543–544. (Trans. by V. Kulle.)

Gorelik P. Z. "Po techen'yu i protiv techen'ya..." (Boris Slutskii; zhizn' i tvorchestvo) ["With the flow and against the flow... (Boris Slutsky; life and work)]. Moscow, NLO Press, 2009.

Slutsky B. A. O drugikh i o sebe [About others and about myself]. Moscow, Vargius Press, 2005. P. 194.

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*

Корректор *В. Л. Цумарева*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 28.04.23 г.

Дата выхода в свет 29.05.23 г.

Формат 60×88 ¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,4

Тираж 165 экз.

Зак. 17/2а

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук

119071, Москва, Ленинский пр-кт, д. 14

20 экземпляров распространяются бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-82889

от 14.03.2022 г.

Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1

16+